

НОВАЯ ПОЛЬША 1/2017

Выпуск изображений

Юзеф Хен – писатель: Я старался, насколько мог, читать русскую литературу в оригинале. Как-то раз, один в доме у дочери, я открыл «Одесские рассказы» Бабеля, тонкую книжечку в переводе Помяновского. Меня восхитил этот плотный, чувственный и необыкновенно изобретательный польский язык. Я невольно задумывался, как то или иное предложение могло звучать по-русски. Как с этим справился Бабель. Такой извращенный мыслительный процесс: как будто Бабель переводил Помяновского. Когда в Париже начали выходить по-польски произведения Солженицына в отличных переводах какого-то «Михала Канёвского», у меня не было сомнений, что эту работу выполняет Ежи Помяновский, как раз тогда преподававший в итальянских университетах. Ведь, помимо прекрасного пера, требуется еще знание реалий. А его иногда явно не хватало переводчикам-эмигрантам.

Анджей Новак – историк (Ягеллонский университет): Он был верным наследником идеи Ежи Гедройца, может быть, вернейшим из тех, кого я имел возможность узнать. Это не антироссийская идея, как некоторые неумно ее интерпретируют, но идея неутомимого поиска «третьей» России, не царско-имперской и не коммунистической, а такой, которая найдет свою свободу среди свободных соседей. Он делился этой идеей не как вдохновенный пророк, а скорее как – прошу прощения за такое сравнение, но Профессор, наверное, не обиделся бы – ее мудрый слуга. Ведь служение Речи Посполитой, а так в разговорах со мной он определял смысл своей работы в «Новой Польше», было для него величайшей честью. А упорный поиск свободной России и установление (постоянно прерывающегося) диалога с ней – он считал своим участком этой службы. За последние несколько десятков лет никто другой на этом участке не трудился лучше, трудолюбивее, умнее, чем Он.

Богумила Бердыховская – специалист в области украинской проблематики: Профессор считал особенно важной поддержкой независимости Украины. На вопрос, в чем состоит первоочередной интерес Польши, он неизменно отвечал: «Им является независимая Украина. Это необходимое и достаточное условие для нашей безопасности». В другом месте он писал: «Жизненно важный вопрос – это сохранение Украиной независимости». Не раз он призывал нас не допустить, чтобы наши украинские соседи остались в одиночестве, так как это станет драмой и для Польши, и для самой... России: «Если мы позволим Украине остаться одинокой, а тем самым обреченной на милость и немилость великого соседа – то для Польши это неизбежно станет возвращением к прежней геополитической ситуации. А для России? Стимулом к проведению имперской политики, которая России не нужна и которая может привести ее к пропасти, к какой был близок Советский Союз в конце своего существования. Имперская политика всегда приводит к конфликту с ближайшими или дальними соседями. Я не только не желаю этого русским, а, напротив, считаю это пагубным как для Польши, так и для России! Так что поощрять их к этому, отдавая Украину на их милость и немилость, кажется мне nonsensом не только с польской, но и с российской точки зрения».

Войцех Сикора – директор архива Литературного Института в Мезон-Лаффит: Ежи Помяновский более тридцати лет принадлежал к числу ближайших сотрудников Редактора Ежи Гедройца, прежде всего как переводчик (в т.ч. «Архипелага ГУЛАГ» Солженицына) и публицист по российским проблемам. Сам Ежи Помяновский так писал о своем сотрудничестве с «Культурой» в одном из писем Редактору в начале 80-х годов: «Среди многочисленных примеров серьезности и значимости Вашего журнала, привожу Вам и этот: я еще раз осознал, что то, что я написал и перевел для Вас за прошедшие годы, заняло место важнейшего нравственного мотива моего здешнего существования. Как писатель я замолчал на многие годы,

отстранил искушение какой-либо известностью, чтобы исполнить то, что казалось мне некоей миссией, и принимать скромное участие в Ваших столь важных усилиях». Ежи Гедройц высоко ценил знание России Ежи Помяновским. Они вместе разработали концепцию русскоязычного ежемесячника «Новая Польша», неутомимым редактором и *spiritus movens* которого был Ежи Помяновский.

Даниэль Ольбрыхский – актер: Мне повезло дружить и иметь возможность регулярно встречаться с Ним на протяжении более двадцати лет пребывания Юрека с Олей в Риме, куда, сначала из Варшавы, а потом из Парижа, я приезжал на съемки. Не все эти фильмы ясно запечатлелись в моей памяти. Настоящим богатством тех лет были регулярные встречи с Ними и бесконечные разговоры, а главное, выслушивание чудесных монологов Юрека на любую тему, от наслаждения, со знанием дела, итальянской кухней до открывания чудес римской архитектуры, музеев, и все это в контексте мировой истории, необыкновенных людей, с которыми этот великолепный человек был знаком, либо, по крайней мере, так много о них знал.

Содержание

1. Постскрипtum к «Письму старого либерала»
2. Ошибка
3. Образовательный скачок малыми шагами
4. Школьные замечания
5. Хроника (некоторых) текущих событий
6. Экономическая жизнь
7. Приподнимая маску
8. Вместо предисловия
9. Вы нужны нам еще больше!
10. Выписки из культурной периодики
11. Станислав Осовский
12. Из манихейских настроений
13. Европейскость Джозефа Конрада
14. Нотр-Дам-ля-Гранд
15. Стихотворения
16. «Да и что я могу сказать»
17. Культурная хроника
18. Генрик и Анна Герман

Постскрипtum к «Письму старого либерала»

Когда, почти четверть века тому назад, я писал «Письмо старого либерала» («Пшеглэнд политычный», № 19/20, 1993), я вовсе не был старым. Возможно, я этого не знал, потому что был на поколение старше молодых либералов, но речь шла совсем не о возрасте, а о либерализме. Ведь как либерал я воспитывался в Народной Польше, но либерализм, в котором я вырос, отличался от этого нового младолиберализма, появившегося в 1989 году и ненадолго пришедшего к власти в Польше. Нынешний постскрипtum имеет целью напомнить, что такое либерализм на самом деле, какова его миссия и что еще он может предложить Польше и полякам.

Свобода

Говорят, что в Польше либерализм не имеет традиций. В период трансформации исторической точкой отсчета для либералов были Мирослав Дзельский и намного старше его Стефан Киселевский^[1], люди, несомненно, враждебно относившиеся ко всяческим социалистическим иллюзиям и боровшиеся, один пером, а другой еще и действием, за новый капитализм, рыночный и негосударственный. Либерализм, однако, не сводится только к экономике, вопреки мнению Маркса, который полагал, что либералов в борьбе за свободный рынок мотивирует лишь экономический эгоизм. Неправда. Свободный рынок — это одно, важное, но всего одно из многих проявлений свободы. Высвобождение человеческой предприимчивости было очень важным, но не единственным путем эмансипации польского общества после коммунизма. Для либералов свобода — это критерий государственного устройства, а экономическая свобода — необходимое, но не достаточное условие свободного строя. Все это мы найдем у создателя либерализма Джона Стюарта Милля. Родившийся в 1806 году Милль одним из первых выступил за равноправие женщин (1861), боролся против рабства, защищал местное самоуправление, поддерживал создание несменяемой внепартийной гражданской службы, набираемой через экзамены и конкурсы, требовал уважения к животным

и природной среде, агитировал за сознательный репродуктивный самоконтроль. В течение недолгого времени он был парламентарием, так что знал практические ограничения борьбы за принципы в демократическом обществе. В течение долгой активной жизни он часто изменял свои взгляды по конкретным вопросам, но всегда двигался в направлении освобождения человечества. Он был, возможно, самым популярным в мире идеологом либеральной демократии, хотевшим постепенно привести к массовой политической эмансипации, которая, наконец, свершилась. Так что к либеральной традиции в Польше принадлежат все те, кто боролся за отмену крепостного права и за всеобщее образование, суфражистки и эмансипантки, защитники свободной прессы и сознательного материнства, а еще, как бы ужасно это ни звучало, кооператоры и сторонники т.н. социальной экономии.

Наконец, те, кто боролся за демократию, понимаемую как участие в управлении государством, которого должно быть столько, сколько нужно для того, чтобы каждый мог наслаждаться свободой без ущерба для других. Значит, либеральную традицию представляет Болеслав Прус, в межвоенный период — Антоний Слонимский, позже — Мария Оссовская, чья «Модель гражданина при демократическом строе» — впервые подпольно изданная в виде учебной брошюры во время оккупации — по-прежнему остается важным катехизисом либерализма. Такой была и идеология Клуба кривого колеса^[2], «совета старейшин» КОР и части «Солидарности» в 1980–1989 годах. Предшественников этой традиции мы находим и в прежней Речи Посполитой, в которой такие люди, как Фрич-Моджевский^[3] требовали свобод и равноправия для мещан, и даже если политическая нация, то есть доля полноправных граждан, составляла не более 10% общества, то стоит напомнить, что еще в середине XIX века процент политически полноправных граждан в Англии был таким же. У Милля эмансипация также ограничивалась западным обществом, деколонизация наступила лишь в XX столетии.

Обо всем этом стоит помнить, ибо в жестокой политической борьбе либеральную традицию сегодня очерняют, объединяя ее с мышлением, исходящим совершенно из других идейных источников. С одной стороны, у нас есть политический католицизм, который в Польше имеет национальный характер. Впрочем, это не только польская черта: повсюду там, где национальная обособленность сохранялась в Церкви, религиозные институты также стали национальным центром.

В Тешинской Силезии польскость пряталась в евангелических кирхах, уничтожавшихся архикатолическими австрийскими монархами, под русской или прусской оккупацией — в костелах. Костел — это твердыня национальной идентичности для большинства поляков, словаков, хорватов, ирландцев или литовцев, церковь — для украинцев. В этих сообществах доныне сохраняется убеждение в том, что хороший поляк — это католик, хороший литовец — это католик, хороший хорват — это католик, а отсюда всего один шаг до убеждения в том, что хороший католик — это поляк и так далее. Во всеобщей Церкви^[4] центрами национальной обособленности становятся Церкви местные.

Стоит напомнить, какое сопротивление вступлению в Европейский союз, вопреки мнению Папы Иоанна Павла II, оказывало польское духовенство. Европа ведь не только многонациональна, но и многоконфессиональна, она не католическая, в ней живут миллионы католиков, протестантов, православных и, несмотря на дьявольские дела Гитлера и его сторонников — еще и евреев, и — какой ужас! — мусульман, причем не только этих приезжих, но живущих здесь веками, как польские и литовские татары. В братской, ибо славянской, посткоммунистической и европейской, Болгарии около 10% населения составляют мусульмане.

Как мы видим, в польском политическом католицизме речь идет не о христианстве, не о католицизме как таковом, речь идет о Нации. Польской Нации. Еще и поэтому так называемый спор мировоззрений относится вовсе не к религии, вере в Бога, в Святую Троицу, в Спасение, он относится к государственному демографическому законодательству и национальной, а не государственной лояльности. Не религия разделяет либералов и Церковь — ведь либерал может верить или не верить, может подчиняться нравственной дисциплине Церкви или нет — но обязательность веры и универсальность вытекающих из нее обязанностей, распространяющихся на всех граждан, независимо от их личных убеждений.

Третья традиция — это коллективизм. Несомненно, путаницу здесь вносит именование: говорится то о коммунизме, то о социализме, но ведь тоталитарный коллективизм можно построить и на национально-католической основе. Это началось в 1933 году в Португалии Салазара, создавшего т.н. «Новое государство», основанное на трех основных ценностях — Боге, Родине и Семье, и в Австрии Дольфуса, который, придя к власти, уже через год упразднил Конституционный трибунал, а закончилось лишь в 1974 году революцией гвоздик^[5]. Похоже,

в том же направлении движется партия, ныне правящая в Польше. Другой некоммунистический коллективизм — это национал-социализм, основанный на своеобразной религии арийской расы. Есть, наконец, атеистический марксистский коллективизм, с которым на сегодняшний день мы имели дело дольше всего.

Как мы видим, эти государственные устройства отличаются верой, религией или антирелигиозностью, но их объединяет принцип примата коллективного над личным. Права человека, права личности в этой традиции — нечто вторичное, какая-то несущественная добавка, ложная видимость с тайными интересами, на которую не следует обращать внимания, действуя во имя освобождения расы, класса, религии или нации. Так что, с либеральной точки зрения, католический и коммунистический коллективизм схожи, они представляют собой угрозу для прав человека, для личности.

Равенство

В 1988 году большинство поляков считало, что в Польше слишком мало свободы и слишком мало равенства; а двумя годами позже Польша была освобождена от коммунизма. Уже тогда большая часть граждан считала, что свободы достаточно, но по-прежнему большинство (три четверти) полагало, что равенства слишком мало. Так и осталось. Я смотрю на результаты своих исследований в масштабе всей Польши, проведенных ЦИОМ в мае 2014 года, и вижу, что большинство поляков считает общество подобием либо пирамиды — небольшая элита наверху, больше людей посередине и больше всего внизу (32%), либо — что хуже — вогнутой пирамиды: небольшая элита наверху, очень мало людей посередине и большинство людей внизу (29%). Из такого дихотомического представления рождается враждебность к элите и желание перемен.

Либерализм — не враг равенства, совсем наоборот, он ориентирован на свободу через равенство, но это равенство прав и равенство перед законом, а это означает необходимость поставить право над всеми, для кого оно предназначено. Развязка логической петли, в которой хотели замкнуть право нормативисты, состоит не в том, чтобы сформулировать основополагающую метанорму, а в том, чтобы создать метаорган власти, имеющий полномочия принимать решения по всем правовым вопросам, не обладая при этом никакой другой властью. «Не будет свободы и в том случае, если

судебная власть не отделена от власти законодательной и исполнительной. Если она соединена с законодательной властью, то жизнь и свобода граждан окажутся во власти произвола, ибо судья будет законодателем. Если судебная власть соединена с исполнительной, то судья получает возможность стать угнетателем»^[6]. Это формула Монтескье, которая обобщена в либеральной теории государства Милля, указывающего на необходимость обеспечения свободы, с одной стороны, через признание неприкосновенности основных прав, а с другой — через взаимный контроль (checks and balance)^[7] отдельных органов власти.

Либеральная эмансипация, длящаяся с XIX века, все еще продолжается. Милль защищал политическое представительство, но рассматривал его как временное зло, необходимое по причине усложнения государственных дел и недостаточного опыта и образования масс. Либеральный идеал — это общество, в котором каждый гражданин хотя бы в небольшой степени принимает участие в управлении государственной жизнью. Политический идеал либерализма — это общество всеобщей партиципации^[8]. Либеральная модель человека (сравни с «Моделью гражданина при демократическом строе» Оссовской) — это человек активный и способный к сотрудничеству с другими в коллективном действии: «С уважением к человеческому индивидуализму относится такой строй, который уважает человеческие устремления к личному совершенствованию по собственным, а не навязанным ему государством и одинаковым для всех образцам; строй, уважающий личную свободу и свободу убеждений, и чью-то частную сферу. Индивидуализм, который выражается в ощущении, что есть право требовать уважения такого рода — это свойство, которое должно быть присуще каждому. В то же время, мы не хотим видеть в людях индивидуализм, понимаемый как неспособность к сотрудничеству на равных правах с другими». Так что, с либеральной точки зрения, в Польше еще многое предстоит сделать, хотя свобода экономической деятельности (так как важна она, а не какой-то абстрактный «свободный рынок», подчиняющийся скрытым механизмам воздействия), реформа самоуправления, свобода слова, собраний и политической деятельности, обретенные в конце восьмидесятых, создали основу для либеральной партиципаторной демократии. Либеральная концепция «малого государства», понимаемая в этом, более широком контексте, означает признание принципа субсидиарности^[9] задач государственной власти относительно властей самоуправления на локальном и региональном уровне.

Здесь, как и в отношении прав человека, либерализм совпал с послесоборной^[10] католической доктриной, что нашло свое выражение в признании принципа вспомогательности как одного из принципов Европейского союза.

Партиципация означает также необходимость изменения отношения политиков к институту референдума. В польских условиях он стал противоречивым и показным механизмом легитимации каких-нибудь широкомасштабных политических изменений, либо локальным инструментом для замены местных политиков. Он является исключительным событием, которым злоупотребляют в исключительных целях. Перед нами свежайший пример того, как законопроектом, который поддержали сотни тысяч граждан, пренебрегли их представители в Сейме. Лишь введение регулярного принятия жителями решений по местным вопросам может привести к формированию соответствующего навыка участия в референдуме как приеме общественного сосуществования, наряду с электронными гражданскими консультациями.

Партиципация также означает готовность поддерживать независимость судебной власти путем массового и обязательного участия граждан в выборе или жеребьевке присяжных. Совещательный голос, вместо внешнего равноправия присяжных, помог бы сформировать в обществе умение пользоваться правом и понимание особенностей судебной власти. Как мы видим по нынешней борьбе за политический контроль над юстицией, этих знаний не хватает даже политикам. С другой стороны, юристы, запершись в осажденной крепости, облегчают деятельность противникам независимости судебной власти. А ведь известный во многих обществах гражданский фактор в юстиции способствует тому, о чем шла речь у Монтескье: «Таким образом, судебная власть, столь страшная для людей, не будет связана ни с известным положением, ни с известной профессией; она станет, так сказать, невидимой и как бы несуществующей. Люди не имеют постоянно перед глазами судей и страшатся уже не судьи, а суда»^[11].

Верховенство права

Основой политического порядка при либеральном строе являются именно права, права человека и права личности. Эти права от поколения к поколению познаются все глубже, их диапазон расширяется. Со времени, когда Милль-младший

определил в перспективе государственной власти политические права личности как неприкосновенные, их диапазон и значение увеличились, обязательными были признаны права человека II и III поколений, а «Солидарность» обязана своим появлением их международному признанию. Вековая борьба либералов за права человека совпала после Второй мировой войны с учением Церкви. Второй Ватиканский собор признал значение прав человека и оценил разделение властей по Монтескье. Иоанн Павел II сказал, что «Существуют [...] некоторые основные человеческие права, которые никогда нельзя отнимать ни у одного человека, поскольку они укоренены в самой природе личности и отражают объективные и неотъемлемые требования универсального нравственного закона. Эти права составляют основу и меру каждого человеческого сообщества и организации. Уважение к каждому человеку, к его достоинствам и правам, всегда должно быть вдохновением и путеводным принципом всех ваших устремлений к укреплению демократии и социальной ткани [...] страны» (Иоанн Павел II, гомилия^[12], произнесенная во время мессы на лугах Кубва в Абудже, Нигерия, 23 марта 1998 г.).

Таким образом, либерализм и католицизм сходятся в плоскости прав человека, и это отличает их от католического или материалистического коллективизма. Это не значит, что между католической и либеральной теориями прав человека нет разницы. Джон Стюарт Милль рассматривал политические права как неотъемлемые и не подлежащие юрисдикции государства. Иоанн Павел II рассматривает право на жизнь, относящееся и к еще не родившимся детям, в качестве основного. Милль выводит основные права из утилитарной доктрины. Войтыла — из доктрины закона природы. Однако оба они ставят определенные права выше воли государственной власти.

Итак, верховенство права в современном понимании — это, прежде всего, верховенство прав человека. В нашей конституции основные права выделены как личные свободы. В ст.30 Конституции РП сочетаются католическая и либеральная традиции: «Врожденное и неотъемлемое человеческое достоинство представляет собой источник свобод и прав человека и гражданина. Оно неприкосновенно, а его уважение и охрана являются обязанностью государственной власти». Они должны быть неизменными, но наша конституция не заходит так далеко, как следовало бы, а вводит особый порядок приостановления их действия и затрудняет (но лишь через возможность инициативы по проведению утверждающего

референдума) их изменение. Таким образом, они являются несколько привилегированной частью конституции, что обосновывает особую потребность в защите того суда, который проверяет соответствие законов конституции, а именно Конституционного трибунала, и того органа, задача которого — помогать людям в защите их прав. Поэтому тот, кто покушается на положение Конституционного трибунала и Уполномоченного по гражданским правам, автоматически покушается на положение прав человека. Так что, защита этих учреждений является обязанностью либерала.

В одном нужно согласиться с Марксом. Из того, что права человека и гражданина прописаны в законе, не следует, что этот закон на самом деле действует. Во-первых, эти права следует уважать, и инструментом должна служить не только добрая воля власти и сограждан, но беспрепятственная деятельность судебной власти при поддержке власти исполнительной и законодательной. Следовательно, у Конституционного трибунала должна быть возможность беспрепятственного принятия решений, у Уполномоченного по гражданским правам — условия сотрудничества со стороны администрации, перед которой он защищает эти права, а прокуратура и полиция должны тщательно заботиться о защите прав человека и их беспрепятственной реализации. Во-вторых, люди должны иметь реальный доступ к органам юстиции и средствам защиты прав человека. В-третьих, сами права должны быть выполнимыми — речь ведь идет не об абстрактном достоинстве, а о жизненных средствах, здравоохранении, образовании, искусстве, выражении своих взглядов и своих убеждений. Возможны ли при либеральном строе равные шансы доступа к этим и другим основным благам? Граждане пока не видят этого равенства.

«Нужно быть самоотверженным. Самоотверженность мы жаждем видеть не только спонтанной и не только при личном контакте человека с человеком. Мы также хотим организованной и плановой самоотверженности ради реализации общих целей, ибо такой самоотверженности требует социальное служение, которое при демократическом строе гражданин должен считать своим долгом» — писала Мария Оссовская семьдесят лет тому назад, добавляя, что «эгоцентризм, который вообще не замечает чужих интересов, причиняет в общественной жизни не меньше зла, чем эгоизм, который замечает чужие интересы, но, в случае конфликта с собственными, выбирает собственные».

В 210 годовщину со дня рождения создателя либерализма Дж. С. Милля я напомнил о его деятельности, чтобы показать, что настоящий либерал помнит не только о своих, но и о чужих интересах. «Существует граница правомочного нарушения независимости личности мнением большинства, и нахождение этой границы, а также удержание ее вопреки всяческим искушениям, является столь же необходимым условием надлежащей системы человеческих отношений, сколь защита от политического деспотизма». Ведь свободу, о которой идет речь, он определил опосредованно, говоря о свободе действий, «ограниченной до такой степени, чтобы она не причиняла зла (вреда) другим». Прогрессивный налог, ограничение наследования собственности и т.д. — он одобрял такие способы ограничения неравенства и в сфере распределения благ, но ради уравнивания собственности не через отчуждение, а через уменьшение разрыва в условиях жизни так, чтобы пользование плодами собственной предприимчивости не причиняло зла (вреда) другим. Ибо свобода и ее права неразделимы.

Перевод Владимира Окуня

Яцек Курчевский (р. 1943) — специалист по социологии права, профессор Варшавского университета, диссидент. После 1989 г. судья Государственного трибунала Польши и депутат Сейма от партии Либерально-демократический прогресс. Недавно опубликовал: «Пути эмансипации. Собственная теория эмансипации государственного устройства в Польше» (2009), «Антагонизм и сближение в мультикультурных сообществах» (с Александрой Герман, 2012).

-
1. Мирослав Дзельский (1941–1989) — польский философ, политик, оппозиционный деятель. Стефан Киселевский (1911–1991) — польский прозаик, публицист, композитор, музыкальный критик, педагог — Здесь и далее примеч. пер
 2. Клуб кривого колеса — дискуссионный клуб оппозиционного характера, действовавший в Варшаве с 1955 по 1962 год.
 3. Анджей Фрич-Моджевский (1503–1572) — польский общественный деятель, религиозный реформатор и политический мыслитель, сторонник всеобщего равенства перед законом.
 4. Слово «католическая» переводится с греческого как

«всеобщая, вселенская, универсальная».

5. Революция гвоздик — бескровный военный переворот 25 апреля 1974 года в Португалии.
6. Ш.Монтескье «О духе законов» (пер. А. Г. Горнфельд).
7. Сдержки и противовесы (англ.).
8. Партиципация — участие работников в управлении предприятием, граждан в управлении государством.
9. Субсидиарность — принцип, согласно которому социальные проблемы должны решаться на самом низком уровне, на котором их разрешение возможно и эффективно: центральная власть должна решать только те задачи, которые не могут быть решены на местном уровне.
10. Второй Ватиканский собор, открытый в 1962 и продолжавшийся до 1965 года, принял ряд важных документов и реформ, упростил обрядность, укрепил принципы экуменизма.
11. Ш.Монтескье, там же.
12. Гомилия — форма проповеди, содержащая истолкование прочитанных мест Священного Писания.

Ошибка

Я ошибся
Мартин Хайдеггер

Это была ошибка
у меня рука не поднялась
и всё-таки это она подписала 50 тысяч
смертных приговоров
я не вставал из-за стола
но виновен в насилии
нет ничего более невинного
чем мысль но она пробита пулями
я никому не причинил боли
но не сумел вовремя сказать НЕТ
густой дым человеческих тел
столько крови пепла обрезанных волос
нет ничего более одинокого
чем мысль ветер блуждающий среди звёзд
всё имеет право на ошибку
дерево-дичок причудливо изрезанный лист
говорят человек это ошибка белкового кода
Я уже никогда не скажу что человеку свойственно ошибаться
человеку свойственна резня
похищение тех кто ни в чём не повинен убийство детей
живая плоть замурованная в бетон
Знаю протест мой будет напрасен
как пёрышко подложенное мертвецу
под ноздри Да и что значит душевный разлад
перед расстрельным взводом
который не ошибается
Я ошибся
я сказал ДА
когда надо было сказать НЕТ
ДА – НЕТ
вот всё что может мысль человеческая
в бытии-к-смерти

1981

Перевод Андрея Базилевского

Образовательный скачок малыми шагами

С Лукашем А. Турским беседовала Магдалена Байер

С профессором Лукашем А. Турским, вдохновителем и организатором Центра науки «Коперник» в Варшаве, Магдалена Байер беседовала об учении детей, а не учении предметов, о вязании крючком и пользе чтения о приключениях Тома Сойера, о том, как полезно рассматривать саксонский фарфор, а также об анахронизме современных учебников, самоорганизации мышления, куличиках из песка и революции, более значимой, чем революция Гуттенберга.

Магдалена Байер: *«Восприятие науки в обществе», ради которого вы сделали очень много, обусловлено уровнем образования. Начнем беседу с оценки этого уровня.*

Проф. Лукаш Турский: Образование во всем мире находится в состоянии кризиса. Причем это не тот кризис, который вызван решениями политиков, хотя их вклад в это значителен. Кризис возник в результате того, что на протяжении последних десяти с лишним лет происходит невероятная цивилизационная революция, которая быстро движется вперед и к которой мы все абсолютно не были готовы. Поскольку система образования охватывает многие миллионы людей по всему миру, то любые изменения в такой огромной организации сопряжены с трудностями и осуществляются весьма медленно. Цивилизация развивается стремительно, поэтому изменения, которые мы начнем осуществлять сегодня, несомненно, должны будут подвергнуться, спустя некоторое время, очередным изменениям.

— *Может быть, следует более радикально, буквально революционным путем, преобразовывать способ подготовки людей к взрослой жизни?*

— Может быть, только никто не знает, как это практически сделать. Если бы мне надо было назвать одну причину, по

которой реформы в сфере образования — во всем мире, и особенно в Польше — не отвечают выдвигаемым требованиям, то я сказал бы, что те, кто профессионально занимается этими проблемами, в том числе и отвечающие за них политики, мыслят таким способом, который остается неизменным на протяжении столетий. Сегодня не следует задумываться над тем, чему учить и даже как учить, но сегодня следует продумать глубоко и очень основательно способ повышения образовательного уровня общества, которое погрузилось в повсеместную доступность информации. Это совершенно изменило образ жизни людей. Разве школа может оставаться такой, как она есть?

— *Вопрос риторический.*

— Конечно. В мире (и в Польше также, но мы мало об этом знаем) проводятся серьезные эксперименты, которые должны показать, как должна выглядеть школа в изменившейся цивилизации.

— *Но что-то мы уже об этом знаем?*

— Подтвердилось нечто, что мы знаем довольно давно, и что доказывают теперь достоверные актуальные результаты исследований, а именно — не всех детей можно учить одинаково. Одни учатся быстрее, другие медленнее, одни легко запоминают стихи, у других с этим сложности, но зато они легче запоминают математические примеры и т.д. и т.п. В связи с этим горизонтальная структура школы предполагает, что в школу приходят в определенном возрасте, что через четыре или пять лет переходят уже в более высокий школьный класс, и что если у нас вторник и третий урок физики, то по программе проходят наклонную плоскость по всей стране — все это бессмысленно. Очень и очень давно, когда возникли начальные школы, то есть школы для целого поколения детей, учить иначе не получалось — по техническим и организационным причинам. Учителя из произведений Диккенса, с розгами в руках, не были дегенератами, садистами, просто иногда у них в классе было сто человек, сборище детей с самыми разными умственными способностями и характерами, и всех их надо было обучить примерно одному и тому же. Учителя разделяли их по возрасту, и это обеспечивало некоторый порядок. В XIX веке воспитатели, в частности швейцарец Песталоцци, констатировали: мы учим ребенка, а не учим предметы. Оказалось, что это легко сказать, но очень трудно воплотить. Теперь мы можем это сделать, нет никаких причин, чтобы не проводить индивидуализированное обучение.

— Но это, наверное, и сегодня сделать не так просто. Как, по вашему мнению, профессор, только ли ментальные взгляды, привычки здесь мешают?

— Вероятно не только, но об этом вообще не говорят, разве что провозглашают иногда общие фразы. Все реформы, особенно те, что проводятся в Польше, — это реформы, которые осуществляются по единой схеме, имеющей целью полностью отнять у детей и учителей свободу. Преподаватель, который пытается учить немного иначе, чем это представляют себе куратор или министр, вызывает подозрения. Возьмем классный час — эти уроки нельзя вести по установленной заранее программе, они должны быть реакцией на те события, которые происходят в данном сообществе, такие, допустим, как избитый, не дай бог, где-то рядом ученик или ученица, или такие, скажем, как выигранная учеником данной школы олимпиада или конкурс по декламации. Интересные события, происходящие в сфере культуры, спортивные или даже политические в ближайшем окружении школы — это же тоже прекрасная тема для классного часа.

— Учить следует учителей.

— Конечно! Но учителя оказались в самой худшей ситуации. Им «достается» со всех сторон. Развитие цивилизации привело к тому, что кроме указаний, поступающих от образовательных властей, они еще получают эсэмэски, послания по электронной почте от родителей, влияние которых на жизнь школы невероятно возросло. Участие родителей в этой жизни необходимо, но только в сфере воспитания, а не обучения. Я повторяю: мы живем в эпоху, когда развитие цивилизации принуждает к принципиальным изменениям. Не революционным способом, надо малыми шагами, которые последовательно преобразуют систему образования.

— С чего начать?

— Школа должна понимать, что в нее (школу) приходит ребенок. Не просто шестилетний или семилетний несмышлениш из небольшого или большого города — значение этих обстоятельств здесь неважно. Приходит ребенок с определенными способностями, которые следует распознать. Разумеется, необходимо сориентироваться, что детерминирует проявление тех или иных способностей, тех или иных интересов, надо знать, в каком доме проживает этот ребенок. Если он пришел из дома, в котором никогда не было книг, никто никогда не посещал театр, то следует подходить к нему

иначе, чем к ребенку из профессорской семьи или из семьи артистов.

— До какой степени можно индивидуализировать такой подход?

— Полностью! Только надо это очень хорошо продумать. Разумеется, существуют определенные общие черты, характерные для поколения учеников в определенном возрасте, но на результативности обучения сказываются прежде всего имеющиеся различия. Детям, которые постигают предмет медленнее, например, математику, следует уделить больше времени, заинтересовать этой математикой, показать, что она им нужна и в их дальнейшей жизни для чего-то пригодится, а прежде всего их надо склонять к тому, чтобы они и сами что-то делали, в том числе в области математики.

— Я повторяю: это требует очень многого от школы. Для полностью индивидуального процесса обучения потребуется больше учителей, не говоря уже о более высоком уровне педагогической подготовки и более глубоких общих знаниях.

— Последнее требование выглядит сегодня иначе — в связи с интернетом. Нам не нужно иметь книги на полках, учителям тоже. Все есть в сети (есть и глупости), надо только суметь отыскать. В Гданьском университете, например, есть великолепная библиотека в интернете, можно и следует туда направлять учеников в соответствующем возрасте.

— Это должны делать учителя, поэтому их надо готовить к такой роли.

— Конечно, нам следует иначе готовить их к этой профессии. Но для этого нам, прежде всего, следует изменить свое отношение к учителям. Это профессия творческая, чрезвычайно сложная! Педагог из приходящего в школу ребенка формирует гражданина в прямом смысле этого слова. А поскольку дети самые разные, то ему, повторяю, приходится искать разные к ним подходы. Никто не напишет — на уровне куратора или министерства — инструкцию: как поступать с Катей, которую интересуется как раз математика, а рядом с ней сидит за партой Янек, которого занимает строительство скворечников. Индивидуализированное обучение будет заключаться в том, чтобы убедить Янека, что без знания математики ему будет трудно строить более сложные скворечники, а Кате показать, сколько потребовалось информации, совсем не из области математики, чтобы, например, были созданы великолепные наряды в Каталонии в XVI веке. Если мы будем в школе непрерывно давать знания о

мире с разделением на предметы, то дело плохо кончится. Детей теперь надо учить глобально.

— *Категорический постулат. Я снова спрошу, с чего и как начинать?*

— Все это очень трудно, и я не сумею ответить точно на ваш вопрос, но я знаю, что это необходимо. Пример, который несколько приближает к ответу: вся страна жалуется, что снижается уровень чтения, что с самых ранних лет дети не читают книг. А как же им читать, если те книги, которые задают по школьной программе, ужасно скучны для детей? В каком-то классе велют читать «Приключения Тома Сойера» — прекрасную книгу, которую, однако, не может ни понять, ни оценить ребенок, не знающий географии и не имеющий понятия о том, что ширина Миссисипи 40 километров и напоминает она пресное море. И тут достаточно отослать его к Википедии (которая, впрочем, не свободна от ошибок), чтобы он узнал все о Миссисипи и представил себе, как Том Сойер плавал на плоту по этой реке. Кроме того, он узнает, какие суда ходили по Миссисипи во времена Тома Сойера, а также о том, чем и почему они отличались от тех, что ходили по европейским рекам (у первых приводное колесо было сзади, а у вторых — сбоку). «Проходя» эту одну книгу в течение всей четверти, можно обучить ребенка литературе, географии, истории, физике. И в этом состоит именно учение ребенка, а не учение предметов. Если ученик особенно заинтересуется навигацией на Миссисипи, то хороший учитель направит его на занятия в классе, где используется расширенная программа по физике, где он узнает об этом подробнее. Почему там были условия для навигации именно такие, отличные от навигации в условиях океана, и как это повлияло на судостроение.

— *Такой класс должен быть доступным для ученика.*

— Разумеется, и это показывает, какие, в частности, системные изменения необходимы. Повсеместно наблюдаемым следствием информационной революции, которую мы сейчас переживаем, является то, что мы постоянно смотрим в экран. Множатся жалобы на это, появляется все больше работ на тему вредных последствий такого положения вещей как для тела, так и для ума и т.п. Экран — это феноменальное окно в мир, но следует знать, что оно чему-то служит, необходимо уметь сквозь это окно смотреть, чтобы различать увиденное, и обучение этому является одной из задач, стоящих перед школой. Эту задачу, как и все остальные, современная школа должна выполнять в соответствии с основным постулатом, согласно которому дети

должны делать что-то сами. Они должны получать знания, делая какие-то конкретные вещи, будет ли это графика на компьютере, скворечники или елочные украшения. В большинстве школ в настоящий момент этого не происходит, ибо их структура не позволяет это сделать. Успех неформального обучения (кошмарное польское определение), которое мы популяризируем в «Копернике», в Клубах молодого изобретателя, в десятках иных подобного рода движениях, которые существуют в Польше, заключается в том, что дети хотят что-то делать сами, и в результате в этом они достаточно преуспели. Мы подготовили новую школьную лабораторию, которая теперь, к сожалению, видимо, будет ликвидирована, поскольку по мысли нынешней школьной реформы вновь вводится разделение на предметы. Дети, в том числе самого младшего возраста, будут учить физику отдельно, биологию отдельно, химию отдельно. А природа не делится на биологическую, химическую и т.д. В нашем мозгу тоже нет отдельных перегородок, разделяющих между собой биологию, математику, историю...

— Я помню определения, усвоенные в школе: природа одушевленная и неодушевленная.

— Жизнь — это форма существования белка... В песне Агнешки Осецкой высмеивается мышление XIX века или даже более далекого времени. Идеей, которая вполне соответствовала современности, было обучение интегрированное, особенно на раннем этапе. И наша лаборатория была задумана именно так. Детей выводили из школы, например, в парк, и там проходил урок на тему природы с разными небольшими экспериментами, которые выполняли сами дети, а по возвращении в школу учитель обсуждал все это с ними. Центр «Коперник» подписал со Стэнфордским университетом образовательный проект, заключающийся в том, что учащиеся учились распознавать в той среде, в которой они живут, актуальную для этой среды проблему, которую надо решить. Главный вопрос — есть ли у детей какие-нибудь идеи и что можно с такой проблемой сделать. Размышляя над этим, им приходилось научиться множеству вещей. Но в то же время можно многому научиться, занимаясь обычными вещами, например, в нашей «мастерской», где дети строят деревянный мостик, проверяют его прочность и анализируют, от чего она зависит. Вязание крючком, которое было кошмаром для целых поколений школьников, стало прекрасной возможностью ознакомиться с различными, совсем не обязательно тривиальными, математическими вопросами, а вязание крючком брюггских кружев дало возможность узнать их

историю и культуру этого региона. В самом деле, существуют десятки подобного рода возможностей, надо лишь иначе подумать о тех детях, которые должны учиться в школе.

— Противники, а может, просто скептики используют тот аргумент, что подобное обучение идет путем дигрессии — от умения вязать кружево происходит переход к познанию истории, от строительства скворечников — к математическим расчетам, а по дороге что-то теряется.

— Да, но сейчас мы тоже что-то (как много?) теряем. Это неизбежно, а теряем ли мы вещи на самом деле важные или второстепенные, это зависит от учителей, от их ума, опыта, умения распознать, что детей интересует, и от их умения воспользоваться этим интересом. Если, например, пришлось бы преподавать историю польско-саксонских отношений (важных для нас в определенное время), начиная с саксонского фарфора, затем судьбы графини Коссель, царствования польских королей из династии Веттинов, узников Кенигштайна и т.д. и т.п., то может быть, эти дети узнали бы больше по истории и эти знания усвоились бы ими лучше. История — это то, что делали люди. Если ходишь по какому-то городу или городку и знаешь, что там шли бои, что по улицам этого города передвигались различные войска, что ратуша, которую мы осматриваем, переходила из рук в руки, что она была сожжена или взорвана, то это остается в памяти, ты связываешь это с эпохой, ассоциируешь с другими известными фактами из той же эпохи. И всегда бывает так, что один ребенок очень этим заинтересуется, а другой будет рассматривать игрушки в витрине магазина. Ну и что?

— То, что мы теряем в процессе школьного обучения, сегодня можно легко восполнить, используя интернет.

— Поэтому создание школьных учебников сегодня представляет собой нечто совершенно иное, чем когда-то. Я никого не хочу разоблачать, авторы учебников прекрасно выполняют свою задачу, только это анахроничная задача. Учебник должен быть инструкцией к тому, как пользоваться источниками информации, он должен отсылать к поисковику в интернете и объяснять, как ими разумно пользоваться, какие там могут быть ловушки. Это чрезвычайно трудно, и я не утверждаю, что удастся это сделать сразу, я не утверждаю, что мы знаем, как это сделать. Но вернуться на несколько лет вспять, повторяя фразу: «Когда я ходил в школу, это было хорошо» — это тоже не выход. Мы постоянно не отдаем себе отчета, как ускорилося развитие цивилизации.

Люди стали другими, хотя клеточки нашего мозга изменились ненамного. Изменился образ жизни.

— Изменения в образовании общества, которые вы представляете как необходимые, — это, собственно, революция, скачок над тем, что существует сейчас, в новую эпоху.

— Да, но этот скачок требует величайшей осторожности. Он должен совершаться малыми шагами — решительно и последовательно. Неудачная школьная реформа может нанести серьезный вред, причем я предупреждаю, что никого из тех, кто предлагает и разрабатывает реформы, я вовсе не хочу изобличить в плохих намерениях, это было бы абсурдно. Я только считаю, что все прежние, особенно новейшие предложения требуют принципиального изменения мышления, изменения языка, с помощью которого мы описываем мир, именно об этом я попытался здесь сказать. В развитии науки (а педагогика — это наука) так и происходит. Опоздания с проведением переломных изменений (не только в сфере образования) происходили потому, что значительная часть причастных к этому людей не смогла учесть того факта, что старый язык полностью изжил себя. Так случилось в сфере физики на рубеже XIX и XX веков. Классическая физика девятнадцатого века уже была не в состоянии описывать новые явления, которые открывались. Надо было менять язык, совершить революцию в понятиях, и сегодня мы являемся бенефициарами той революции. Приведу современный пример: научные результаты, на основе которых действует iPhone, пришли из двадцатых годов прошлого столетия. То же самое должно произойти с образованием, и это предстоит сделать нашему поколению.

— Удастся ли это сделать малыми шагами? Не потребуется ли глубокая радикальная, именно революционная реформа?

— Я считаю, что в этой сфере следует продвигаться малыми шагами, которые в определенный момент, которого мы и не заметим, принесут великие изменения. Существует понятие самоорганизующейся критичности. Если на пляже люди будут ставить куличики, а потом на верхушку такого куличика сыпать песок, то у конусов на верхушках всех этих куличиков будет один и тот же угол, они будут одинаковыми. Все деревья данного вида имеют одинаковые листья. В Польше, Франции, Украине и везде в других местах, ибо так действует самоорганизация.

— Как это соотносится с реформированием школы?

— Это относится к размышлению о школе. Давайте-ка дадим нашим мозгам организовать. Необходимо лишь создать условия — должен быть песок для того, чтобы лепить куличики.

— *Каковы необходимые условия, чтобы учить детей так, как вы, профессор, это описали?*

— Необходимо создавать детям возможности для этого, поощрять их к какому-то занятию. Надо их к этому приучать, и это совсем нетрудно, так как дети по природе хотят что-то делать. Я подчеркну здесь, что дошкольная система у нас очень хорошая. У меня есть опыт с тремя внуками, и наилучшее обучение они получили в детском саду. Они узнали множество всего — через игру, через то, чего не хватает именно в школе, то есть через делание разных вещей. Я искренне восхищаюсь теми женщинами, которые их воспитывали в детских садах. А потом... чем дольше дети ходят в школу, тем менее она к ним дружелюбна. Им не дают знания того, как связана математика или физика с теми ситуациями, в каких человек оказывается ежедневно, а ведь именно такая связь вызывает гораздо большее любопытство, чем вызубренные на память законы и примеры. Девушке, которая станет когда-нибудь парикмахершей, математика пригодится для того, чтобы определить, сколько ей потребуется полотенец, щеток для волос и шампуней при таком количестве клиенток, а сколько при большем их количестве. И я тут не рекламирую какой-то примитивный утилитаризм, замену всех школ на профессиональные училища, я просто настаиваю на том, что каждая школа должна удовлетворять естественное любопытство детей к тому, что их окружает, одновременно она должна расширять горизонты, соотнося информацию о чем-то близком и понятном с отдаленными во времени и пространстве явлениями, которые, благодаря этому, дети быстрее поймут и запомнят.

— *Вы говорите о том, как сильно новые технологии меняют мир и нас самих. Какой должна быть их роль в школьном образовании?*

— Весь огромный Центр науки «Коперник» необходим, чтобы возникла, в частности, школьная лаборатория, о которой я говорил. Наблюдая за тем, как реагируют дети на наши эксперименты, мы знаем уже, что им дается легче, что труднее. А какие это должны быть эксперименты, мы узнавали у приглашенных учителей, которые рассказывали нам, что интересует детей. Я вам скажу, что с годами я начинаю поражаться тому, как великие мыслители прежних времен, не имея того опыта, который есть у нас, знали откуда-то про

самые разные важные вещи. Например, Томас Джефферсон (а я поклонник Джефферсона), кроме тысячи всевозможных вещей, которые ему удалось сделать, написал проект для университета в Вирджинии, организованного им самим, и запланировал в нем, как должны развиваться научные исследования, как поднять образование на более высокий уровень. В своей программе он констатировал, что научные исследования рождаются на почве любопытства человека; нельзя просто приказать, чтобы они появились. А любопытство человека пробуждается в его взаимодействии со средой (социальной или естественнонаучной). Одной из величайших ошибок современных организаторов науки является пренебрежение к этому фактору. Неправда, что чистая наука заключается лишь в том, что люди сидят и стараются что-то придумать. Размышления Альберта Эйнштейна возникли потому, что тогда все занимались проблемой времени. Это было началом радио, телеграфа, поезда начали ездить по расписанию. Время стало чем-то очень важным в жизни каждого человека. Об этом начали размышлять в категориях физики, Эйнштейн занялся этим, и мы знаем, к чему это привело. Наука развивается, как производное влияние среды на нас, ученых. То же должно происходить и со школьным обучением. Следует пробуждать или же развивать любопытство, которое у детей есть, и направлять его с учетом индивидуальных способностей. Школа в нынешней структуре у большинства детей убивает интерес к жизни.

— Каковы перспективы внедрения этих изменений в жизнь, хотя бы в плане самых первых малых шагов в этом направлении?

— Если говорить поначалу в общих чертах, то я думаю, что нас ждет гигантская перестройка социальной структуры во всем мире, ибо она совершенно не подходит к новой цивилизации, которая возникла и ускоряется. Я предполагаю, что в обозримом будущем в мире не будет государственно-национальной структуры — она не соответствует цивилизации, основанной на новых технологиях. Независимо от того, каково наше отношение к этому, мы переживаем революцию, более значительную, чем революция Гуттенберга, с чем многие не могут примириться и найти в этом новом мире свое место. Никто с этими людьми не разговаривает, а школа их не готовит к новой ситуации. Почему так важно учить детей решать проблемы? Потому, что в очень скором времени не останется никакой работы (за исключением, может быть, опеки над старшими, которых в стране станет больше) для людей, которые не умеют формулировать и решать проблемы.

— Будет ли, по вашему мнению, в этом будущем и не столь отдаленном мире жить легче, чем в нашем?

— Я думаю, да. Я также думаю, что он будет более интересным, хотя и «сжежится» вследствие развития всяческих коммуникационных техник. Мои внуки, наверное, смогут полететь — не на Луну, зачем так далеко — но в ближайший космос, чтобы оттуда посмотреть на Землю, а это, наверняка неописуемое удовольствие. Я им немножко завидую. Но мы говорим прежде всего о школе и в заключение надо повторить, что к этому грядущему миру именно школа и должна готовить очередные поколения. Поэтому надо ее изменить.

— Успеем?

— Должны успеть.

Профессор Лукаш А. Турский — физик-теоретик, председатель Программного совета Центра науки «Коперник», профессионально связанного с Центром теоретической физики ПАН. Занимается также популяризацией науки. В 1998 году Лукаш А. Турский стал лауреатом премии им. профессора Гуго Штейнгауза за организацию первого «Научного пикника». Является лауреатом премии им. Мачея В. Грабского, впервые врученной Фондом содействия Польской науке — за деятельность, направленную на популяризацию восприятия науки в обществе.

Школьные замечания

Ученик К. на уроке религии жульничал во время игры в карты.

Мучает учителя, постоянно спрашивая, можно ли подготовить доклад о битве под Ватерлоо.

Амадей что-то такое делает, не знаю, как это назвать.

М.И. без разрешения ушел домой за кастрюлями.

Воруют со школьной кухни картошку, которую затем жарят вместе с вахтершей.

На уроки физкультуры надевает слишком обтягивающие штаны.

Был послан за мелом, но принес улиток.

Ученики Ковальский и Новак отказываются называть свои фамилии.

После контрольной ел шпаргалки.

Бросил в учителя цветочный горшок и крикнул: «Попал».

Поет на уроке музыки.

Будучи пойман при списывании, утверждал, что просто «вдохновлялся».

Твердит, что когда вырастет, станет арахисом. Сердится, что я мешаю ему делать карьеру.

Павел поет песенки 1960-х годов и велит мне подпевать, потому что, как он утверждает, я их все наверняка помню с юности.

При упоминании учителя физики морщится с отвращением.

Павел постоянно ржет и стучит по парте — говорит, что хочет стать музыкантом.

Заглядывал в учительскую через замочную скважину.

Во время экскурсии скользил в музейных тапочках и подставил учительнице подножку.

Не хочет писать контрольные работы — говорит, что это для него слишком большой стресс.

На любой вопрос учителя отвечает: «Боже мой!»

От радости, что учитель не пришел, свалил классную доску.

Задаёт вопросы, ответов на которые я не знаю.

Опоздал в школу и объяснил это тем, что у него была назначена важная встреча с Майклом Джексонем.

Не хочет писать мелом на доске — говорит, что это устаревший метод.

Играл в морской бой в школьном дневнике.

Пишет сочинения иероглифами.

Пьет воду из аквариума и ворует у рыбок корм.

Спрашивал разрешения послать смс вместо того, чтобы идти к доске.

Выбросил портфель одноклассника за окно, сказав, что «если любит, то вернется».

Во время соревнований специально бежал медленно, утверждая, что хочет выиграть время.

Назвался чужим именем, мотивируя это тем, что ему бы хотелось, чтобы его так звали.

Был послан намочить губку для школьной доски, но вернулся с мокрой головой и сухой губкой.

Написав самостоятельную работу на листочке, не сдал ее, утверждая, что оставил дома.

Во время контрольной работы по информатике утверждал, что не списывает, а копирует.

Филипп, когда его вызвали отвечать, сказал, что не будет давать показания без адвоката.

Кшиштоф говорит, что теперь его зовут Раби Кшиштоф Здунковитц, и требует, чтобы к нему так обращались.

Толкнул одноклассника и сказал, что у него болит голова.

Пшемек играет на уроках со всем, что попадется под руку, включая больной палец.

Радек ходит по коридору и велит детям заклеивать окна скотчем, а когда его спрашивают, зачем, отвечает, что открыл фирму.

Кшись приносит в школу открытый джем и заставляет детей его покупать.

Подвергает одноклассников смертельной опасности.

Анонимная публикация в интернете.

Хроника (некоторых) текущих событий

Хроника (некоторых) текущих событий

- «Епископы, священники, другие духовные лица, президент Республики Польша, представители государственной власти и органов самоуправления, а также верующие со всей Польши единодушно и торжественно признали царствование Иисуса Христа над Польшей и всем нашим народом, живущим на Родине и во всем мире. Это важное и волнующее событие, которое произошло в субботу в Храме Милосердия Божия в краковских Лагевниках, увенчало 150-летний юбилей крещения Польши и юбилей Милосердия, закончившийся вчера». (Славомир Ягодзинский, «Наш дзенник», 21 нояб.)
- «В торжественной интронизации Иисуса Христа как короля Польши приняло участие более ста тысяч паломников из Польши и из-за границы». («Наш дзенник», 21 нояб.)
- «С минувшей субботы королем Польши является Иисус Христос. Президентом остается Анджей Дуда». («Политика», 23–29 нояб.)
- «Нет никаких сомнений, что Польша — это единственная европейская страна, в которой президент принимает участие в событии со столь религиозным содержанием», — проф. Мечислав Рыба. («Наш дзенник», 21 нояб.)
- «Епископ Анджей Чая, председатель коллегии по вопросам интронизационных движений при Конференции Епископата Польши (КЕП), подчеркнул, что собравшиеся в Храме Милосердия Божия в Кракове (...) — это представители польского народа, желающего признать Иисуса Христа своим королем и владыкой. (...) Епископ Роман Пиндель, член коллегии интронизационных движений при КЕП (...) рассказал о причинах торжественной интронизации Иисуса Христа. Одной из них стала деятельность интронизационных движений, общим стремлением которых является признание власти Короля Иисуса поляками». (Малгожата Енджейчик, «Наш дзенник», 21 нояб.)
- «Слова Акта Признания, произнесенные председателем Конференции Епископата Польши архиепископом

Станиславом Гондецьким во время торжественной коронации (...) развеяли все иллюзии. (...) “Иисусе, царствуй над нами! В наших школах и вузах (...). В центрах общественных коммуникаций (...). В наших учреждениях, а также везде, где мы трудимся, служим и отдыхаем. (...) Сделай так, чтобы все органы власти правили справедливо и диктовали законы в согласии с законами Твоими”. Все, что говорил архиепископ Гондецкий, своим присутствием подтвердили президент Польши Анджей Дуда и премьер-министр Беата Шидло. (...) В краковском Храме Милосердия Божия в присутствии президента и премьера страны наступил конец светского государства (...) и было санкционировано государство религиозное», — Ян Стоцкий. («Трибуна», 23-24 нояб.)

- «“Провозглашение Христа королем Польши неуместно, излишне и противоречит идеям Епископата”, — написали польские епископы 16 марта 2008 года. А в епископском послании от 25 октября 2012 г. “Об интронизации Иисуса Христа” читаем: “Не нужно объявлять Христа Королем и возводить его на трон”», — о. Адам Бонецкий, глав. ред. («Тыгодник повшехны», 20 нояб.)
- «В январе 2016 г., через несколько месяцев после смены власти, вопрос был радикально пересмотрен — царствование Иисуса стало вдруг “теологически допустимо”, а “его интронизация крайне необходима”». (Мартин Колодзейчик, «Политика», 23-29 нояб.)
- «Мне не кажется, что есть какая-то существенная разница между Епископатом и “Радио Мария”. (...) Пресловутая открытость католической Церкви — это всего лишь надежда элит. И надежда тщетная. Рыдзык победил. Сегодня нет никого, кто мог бы взять на себя роль лидера оппозиции по отношению к “Радио Мария”, кто выстроил бы новый образ католицизма. Есть отдельные священники или их круги (...), однако их голоса почти не слышны. Рыдзык сильнее многих епископов», — Мачей Гдула, социолог. («Газета wyborcza», 3-4 дек.)
- «Необходимо требовать от атеистов, православных и мусульман заявления о том, что они знают и обязуются уважать польскую конституцию и ценности, которые в Польше считаются важными. (...) Невыполнение этих требований должно быть однозначным поводом для депортации», — Беата Матусьяк-Пелюха, депутат фракции ПИС, ранее была муниципальным депутатом, главой сельской администрации, старостой; одна из основательниц предыдущей партии Ярослава Качинского «Соглашение Центр», где выполняла обязанности

секретаря воеводского управления партии. («Польска», 21 нояб.)

- Рисунок Яна Козы «Польша выходит из ЕС и вступает в Царствие Небесное». («Политика», 23–29 нояб.)
- «Сейм принял закон под названием “За жизнь”. Внем, в частности, предусматривается, что женщина, которая родит ребенка с инвалидностью или неизлечимым заболеванием, получает единовременное пособие в размере 4 тыс. злотых. За принятие закона проголосовали 267 депутатов, против — 140, а 21 депутат воздержался». (Дорота Абрамович, Рышарда Войцеховская, «Польска», 7 нояб.)
- «Сейм при помощи голосов ПИС принял вчера закон о пенсиях в предложенной президентом версии. С октября будущего года пенсионный возраст будет составлять 60 лет для женщин и 65 лет для мужчин. (...) К концу срока полномочий нынешнего Сейма дефицит в Фонде социального обеспечения, вызванный реформами, увеличится до 15 млрд злотых. (...) Еще большим вызовом станет финансирование расходов в связи со снижением пенсионного возраста в следующем десятилетии. (...) К 2025 году дефицит достигнет 20 млрд злотых. Эту сумму придется искать преемникам нынешнего правительства». (Гжегож Осецкий, Божена Викторовская, «Дзенник газета правна», 17 нояб.)
- «Парламент в ускоренном темпе одобрил, а президент подписал законопроект об изменениях, касающихся налога на доходы физических лиц. Лица, которые в будущем году заработают менее 6,6 тыс. злотых, от уплаты налога будут освобождены. А вот самые богатые заплатят больше. (...) “Выиграют от этих изменений 3,5 млн человек, для 20 млн ничего не изменится, — заявил в Сейме Павел Груза, вице-министр финансов. — Потери понесут ок. 700 тыс. человек”. (...) В группе пострадавших окажутся те, чей ежегодный доход превышает 85,5 тыс. злотых. Максимальный объем их финансовых потерь составит 556 злотых (если их доходы превысят 127 тыс. злотых). (...) Выиграют те, кто зарабатывает в год менее 11 тыс. злотых». (Пшемислав Войтасик, Анна Цесляк-Врублевская, «Жечпосполита», 30 нояб.)
- «Согласно новому отчету “Paying Taxes 2017”, с точки зрения сложности налоговой системы Польша занимает сегодня 47 место в мире, это на 11 позиций лучше, чем в прошлом году». («Дзенник газета правна», 23 нояб.)
- «Недавно “The Economist” в сотрудничестве с Международным валютным фондом опубликовал объективный рейтинг мировых хозяйств, измеряющий

(...) участие олигархов в экономике, структурах отраслей и так далее. Польша заняла в этом рейтинге второе место, уступив только Германии и опередив такие страны, как США, Япония, Южная Корея, Франция... Исследования проводились в двадцати странах, мы заняли второе место, а это значит, что польская экономика (в этом отношении — В.К.) признана практически образцовой. Худшую оценку получила Россия. (...) Наиболее патологическая ситуация в Польше и других странах сложилась в компаниях с участием государства. На это есть очевидные и самые разнообразные причины», — Петр Пшедвойский, экономист, руководящий фондом “Caspar TFI”. («Польша», 25–27 нояб.)

- «Последние события не благоприятствуют бизнесу и инвестициям. Участники рынка постоянно слышат заявления о грядущих революционных изменениях в экономике и законодательстве. Неуверенность, и без того немалая, усиливается за счет совершенно немыслимого информационного дуализма: всё чаще бывает так, что сначала появляется информация из одного правительственного источника, а через пару минут поступает опровержение из другого. (...) Царящий сегодня повсюду правительственный дуализм — это не следствие нескоординированной деятельности отдельных министров, а внешнее проявление борьбы разных фракций внутри правящей коалиции. (...) Эта партизанская война приобретает все более острые формы». (Анджей Стец, «Жечпосполита», 21 нояб.)
- «Конституция для бизнеса» должна высвободить потенциал польских фирм, а также давать предпринимателям возможность рассчитывать на правовую защиту, — подчеркнул Матеуш Моравецкий, вице-премьер и министр развития и финансов. (...) Сердцем конституции бизнеса должны быть (...) несколько фундаментальных правил. Например: всё, что не запрещено законом, разрешено; принцип презумпции честности предпринимателя; принцип соразмерности вины и наказания; принцип ответственности чиновников за нарушения закона; принцип доверия к закону; принцип доброжелательной интерпретации правовых норм; принцип высокого качества и оперативности государственных услуг». (Беата Древновская, Анна Цесляк-Врублевска, «Жечпосполита», 21 нояб.)
- «С начала января по конец сентября предприниматели, у которых трудятся 50 и более работников, инвестировали в польскую экономику 79,9 млрд злотых. (...) Считая в постоянных ценах, стоимость расходов фирм за этот

период уменьшилась на 9,1%. Хуже того, снижение этого показателя постоянно продолжается. В первом полугодии затраты на инвестиции снизились немногим более, чем на 7%». (Марек Хондзинский, «Дзенник газета права», 22 нояб.)

- «Вчера Главное управление статистики подтвердило свои оценки. (...) В третьем квартале темп роста польской экономики составил 2,8%. По сравнению с предыдущим кварталом он вырос на 0,2%. Причиной снижения экономического роста в первую очередь стало торможение темпа и объемов инвестирования. Если в первом квартале они снизились на 2,2% по годовой шкале, то в третьем квартале — на 7,7%». (Анна Попёлек, «Газета wyborcza», 1 дек.)
- «Буквально за два дня перед запланированной на пятницу презентацией “Конституции для бизнеса”, призванной пойти навстречу требованиям экономического сообщества, Ярослав Качинский заявил, что в снижении роста ВВП виноваты... предприниматели, связанные с предыдущей властью, которые задерживают инвестиции. Абсурд месяца». (Кшиштоф Адам Ковальчик, «Жечпосполита», 18 нояб.)
- «На протяжении уже нескольких кварталов темп роста ВВП снижается в связи с уменьшением инвестиций. (...) Оказывается, что частные инвестиции выросли на 5%, а государственные в то же самое время сократились на 35%. Так что это еще вопрос, кто саботирует политику правительства. (...) Что ни день, нас ошарашивают очередными инициативами, которые бьют по экономике в целом либо по ее отдельным отраслям — повышение минимальной оплаты труда в три раза по сравнению с ростом продуктивности, снижение пенсионного возраста, банковский налог, налог на розничную торговлю, запрет на торговлю в воскресенье, запрет частных аптечных сетей, единообразный налог и так далее. (...) Ожидается, что рост правительственных расходов на социальные программы, увеличение пособия на детей и снижение пенсионного возраста составит 40 млрд злотых в год. Кому-то придется взять эти расходы на себя. (...) Трудно сохранять оптимизм в подобной ситуации. (...) Правительство пытается сделать так (...), чтобы государственные компании пользовались услугами других государственных фирм, брали кредиты в государственных банках, а страховал их государственный страховщик. (...) По данным Организации экономического сотрудничества и развития, у Польши самая огосударствленная экономика среди всех стран ЕС», — Еремий Мордасевич. («Политика», 30 нояб. — 6 дек.)

- «Невыгодное для бизнеса регулирование хозяйственной деятельности и сомнительные перспективы развития страны, а вовсе не антипатия к правящей партии останавливает предпринимателей от инвестирования. (...) Правительство ввело отраслевые налоги, существенно повысило минимальную зарплату, снизило пенсионный возраст, изменило закон об НДС, что, по идее, должно помочь выявлению мошенников, но на самом деле может стать инструментом преследования бизнеса. Введение наказания, предусматривающего 25 лет тюрьмы и конфискацию фирмы, ужесточение регулирования экономической деятельности, рост государственного долга, смутные обещания довольно болезненных изменений в налогообложении, обрушивающее биржу вмешательство госкорпораций в убыточные экономические проекты государства, решение отказаться от имеющих силу закона интерпретаций налогового права, исключение частных фирм из системы охраны здоровья, политика изоляции от ЕС — это только некоторые из рисков, на которые обращают внимание предприниматели и инвесторы. И число таких рисков всё увеличивается. (...) Безответственное заявление Ярослава Качинского, который обвиняет польских предпринимателей в саботаже собственных фирм и экономики, не служит укреплению доверия бизнеса к власти», — «Business Center Club», Национальная экономическая палата, конфедерация работодателей «Левиафан», «Работодатели Республики Польша». (*«Жечпосполита»*, 18 нояб.)
- «Беата Шидло пообещала навести порядок в деятельности неправительственных организаций. (...) Предложение о создании Национального центра гражданского общества вызывает серьезные вопросы. Центр призван “сосредоточить все денежные средства, выделяемые в настоящий момент различными ведомствами на различные цели”. (...) Целью создания Центра является прозрачность при распределении дотаций и ограничение вмешательства политиков в деятельность ассоциаций и фондов. (...) Создание данной структуры может оказаться очередным этапом политики централизации, проводимой ПИС. (...) Сравнение с Россией и Венгрией напрашивается само собой». (*Михал Шулджинский, «Жечпосполита»*, 22 нояб.)
- «Участник неправительственной организации “Открытые клетки” Шимон Розвадовский, 26-летний сварщик, активист, борющийся за соблюдение прав животных, устроился на ферму по разведению норок. (...) В одну из

пуговиц его брюк была вмонтирована камера. На записях видно, как один из работников фермы поднимает норку и бьет ее головой о стену. (...) “Парни хватали норку за хвосты и (...) ударяли несколько раз. (...) Животные пытаются убежать, (...) работники топчут их. Норки истерично кричат, — рассказывает активист. — Один из работников придерживал голову норки дверцами. (...) Ударил ее несколько раз, по ее мордочке текла кровь”. Среди животных иногда доходит до каннибализма. Они живут здесь несколько месяцев, а осенью их травят газом. Некоторые, как видел Розвадовский, не умирают от газа, но все равно отправляются на бойню, где с них живьем сдирают шкуру. (...) Розвадовский говорит: “Я хотел собрать доказательства, чтобы люди знали, как делаются их шубы, (...) капюшоны, (...) искусственные ресницы». (Роберт Риент, Адам Вайрак, «Газета wyborча», 28 нояб.)

- «Идея создания Национального центра развития гражданского общества — это самый настоящий курьез. Как иначе назвать план по “огосударствлению” негосударственных организаций?». (Сильвия Чубковская, «Дзенник газета правна», 23 нояб.)
- «Власти городов (...) совершенно не беспокоит атмосфера, которая в последнее время создавалась вокруг сектора неправительственных организаций в результате публикаций в государственных СМИ и высказываний ведущих политиков ПИС. Многие муниципалитеты, планируя бюджеты на будущий год, собираются увеличивать, иногда довольно ощутимо, объем денежных средств, выделяемый на сотрудничество с такими организациями». (Томаш Жульчак, «Дзенник газета правна», 28 нояб.)
- Вице-премьер и министр культуры Петр Глинский «в студии канала TVP поделился своими мыслями довольно красноречиво. “Это какой-то кошмар, сумасшедший дом. Вы тут рехнулись с этими программами о неправительственных организациях”, — сказал он». (Зузанна Домбровская, «Жечпосполита», 29 нояб.)
- «ПИС не считает уместным реагировать на дискуссию между вице-премьером Петром Глинским и TVP относительно неправительственных организаций, заявила пресс-секретарь ПИС Беата Мазурек». («Дзенник газета правна», 29 нояб.)
- «Воеводский административный суд в Варшаве приостановил решение министра культуры об объединении музея Второй мировой войны с музеем Вестерплатте. Суд обосновал это необходимостью “предупреждения значительного ущерба либо

неотвратимых последствий”. Дело будет рассмотрено в следующем году. (...) По мнению тех, кто критикует решение министра, целью слияния было смещение неугодного ПИС руководства музея». (*«Газета wyborcza»*, 18 нояб.)

- «В субботу на площадь Пилсудского в Варшаве с протестом относительно ликвидации гимназий и грядущего хаоса в системе школьного образования вышли не менее 30 тыс. человек. К учителям присоединились родители и представители самоуправления. (...) Манифестация состоялась по инициативе Союза польских педагогов (СПП), который поддерживали родители учеников. (...) Делегация родителей направилась к президентскому дворцу с петицией, в которой президента призывали не подписывать закон об изменениях в системе образования. (...) СПП с его протестом поддерживали шесть крупных ассоциаций — от Союза польских городов до Союза сельских гмин. (...) Если правительство не откажется от реформы, СПП планирует организовать забастовку». (*Ольга Шпунар, Юстина Сухецкая, «Газета wyborcza»*, 21 нояб.)
- «Депутаты ПИС приняли новый закон о собраниях, дающий властям право заблокировать неудобную для них демонстрацию собственными мероприятиями». (*Эва Седлецкая, «Газета wyborcza»*, 3-4 дек.)
- «Наиболее тревожные изменения касаются права на частную жизнь. Правительственный аппарат контроля усилен до совершенно небывалой степени. Принятый в феврале закон, который все называют “законом слежке”, предоставляет власти неограниченный доступ к данным интернет-пользователей. Если добавить к этому новеллы уголовного процесса, разрешающие использовать нелегально добытые доказательства, то можно сделать вывод, что элементарное право гражданина на частную жизнь в любой момент может быть нарушено либо ограничено. (...) Инфраструктура для ограничения права гражданина на частную жизнь уже создана и находится в исключительном распоряжении тех, кто осуществляет над ней свой непосредственный контроль», — Адам Боднар, уполномоченный по правам граждан. (*«Ньюсуик Польска»*, 20-27 нояб.)
- «Этого уже не остановить. Какие-то закомплексованные неудачники получили в руки инструмент, которым орудуют, словно кувалдой. Оскорбляя, унижая и призывая к насилию, они безнаказанны. Именно для этого им и нужно демонтировать правосудие — чтобы чувствовать себя безнаказанными. Уже видно, что часть прокурорских работников готова сменить высокое звание прокурора

Речи Посполитой на ампула политического держиморды. Пока что их меньшинство. И точно так же в меньшинстве находятся те, кто готов поступать в соответствии с этикой прокурора демократического правового государства. Между этими двумя полюсами — большая группа, поведение которой предсказать невозможно. Именно ей будет принадлежать решающее слово, когда конфликт окончательно назреет, а в этом у меня нет ни малейшего сомнения. Уже сегодня прокуроры ведут против меня дело, не сообщая мне об этом. Просят письменно проинформировать их о действиях, которые находятся исключительно в компетенции Конституционного трибунала и не подлежат ничьему контролю», — Анджей Жеплинский, председатель Конституционного трибунала. (*«Ньюсуик Польска»*, 21–27 нояб.)

- «В пятницу в Кракове начался двухдневный XII Национальный конгресс адвокатуры. (...) Его гостями стали, в частности, президент Польши Анджей Дуда и председатель Конституционного трибунала Анджей Жеплинский. Приветствуя последнего, собравшиеся несколько минут аплодировали ему стоя». (*Эва Седлецкая, «Газета wyborcza»*, 26–27 нояб.)
- «47% участников опроса ЦИОМа считают, что ситуация в стране в целом меняется к худшему». (*«Дзенник газета правна»*, 23 нояб.)
- «Происходящее показывает, что элиты не в состоянии смириться с наличием в Польше гражданского общества. Им не нравится, что поляки хотят жить в безопасной и сильной стране, что у них есть свои мечты и планы, что они осмеливаются громко добиваться своего права на достойную жизнь. (...) Одним из наших важнейших успехов за первый год пребывания у власти стало то, что мы обеспечили основу для достойной жизни многих людей, а точнее, целых социальных групп, ранее не допускаемых к общему столу. (...) Достаточно назвать повышение минимальной оплаты труда, повышение минимальной пенсии до тысячи злотых, (...) мы также обеспечили пожилых людей лекарствами. Такие программы, как “500+” и “Квартира+”, стали фундаментальными элементами социальной политики, возвращающей простому человеку его достоинство», — премьер-министр Беата Шидло. (*«Газета wyborcza»*, 16 нояб.)
- «Нападения на иностранцев в Польше происходят всё чаще. По данным Национальной прокуратуры, в 2013 г. было зафиксировано 845 преступлений, совершенных по

мотивам расовой ненависти и ксенофобии, а в 2015 г. — уже 1548». (Мариуш Каня, «Газета wyborcza», 15 нояб.)

- «“В чем мы провинились перед вами, поляки, почему вы не хотите нам помочь?”, — спрашивает меня в университете Эз-Зарки в Иордании двадцатилетний сириец Мохаммед Аль-Балхи, будущий инженер. (...) Во вторник министр внутренних дел Мариуш Блащак назвал своим успехом тот факт, что Польша не приняла ни одного беженца». (Бартош Т. Виленский, «Газета wyborcza», 26-27 нояб.)
- «“8 млрд евро предназначены для стран, которые должны развиваться и хотят держаться вместе”, — заявил премьер-министр Италии Маттео Ренци, добавив: “Нам в Европе нужно сесть и обо всем договориться, поскольку эти 8 млрд евро в вышеупомянутых странах нельзя тратить на возведение стен на пути мигрантов. Пусть они делают это за свой счет”. “Весной начнется обсуждение бюджета ЕС, и мы наложим вето”, — пообещал Ренци». («Газета wyborcza», 14 нояб.)
- «Работа Польского института в Париже фактически остановлена — несмотря на решение о смене руководства, новый директор института так и не назначен. (...) Будучи президентом, Николя Саркози часто использовал метафору моста, построенного между Парижем и Варшавой, скрепляющего тем самым всю Европу. (...) Теперь это уже в прошлом. (...) Польские политики сегодня не появляются во французских СМИ, хотя интерес к нашей стране сейчас особенно высок. (...) Должность посла республики Польша в Париже вот уже несколько месяцев остается незанятой». (Эрик Мистевич, «Жечпосполита», 25 нояб.)
- Замминистра иностранных дел «43-летний Роберт Грей (...) во вторник в срочном порядке был уволен со своей должности. (...) “Мы решительно опровергаем беспочвенные сообщения некоторых СМИ о том, что причиной отставки замглавы МИДа якобы стало сокрытие им данных о своем сотрудничестве с американскими спецслужбами”, — заявил польский МИД на своем официальном сайте». (Изабела Кацпшак, «Жечпосполита», 1 дек.)
- «Премьер Польши вместе с несколькими министрами приняла участие в польско-израильских международных консультациях. (...) Биньямин Нетаньяху (...): “Я очень ценю ту решительную позицию, которую заняла Польша по поводу возрождающегося в некоторых частях Европы антисемитизма”. (...) Оба правительства подписали декларацию (...) об общих ценностях, укреплении

стратегического партнерства, а также противодействию бойкоту израильского государства (...) за его политику относительно палестинцев». (Ежи Хащинский, «Жечпосполита», 23 нояб.)

- «В ноябре прошлого года, в ходе организованной “Национально-радикальным лагерем” манифестации против мигрантов, Петр С., один из участников манифестации, поджег одетую в халат и шляпу куклу с пейсами. (...) “Сожжение куклы означает, что подсудимый призывал к ненависти по отношению к тем, кого эта кукла символизировала”, — обосновал свой вердикт судья. (...) Суд приговорил хулигана к десяти месяцам лишения свободы без права на условное освобождение. Приговор оказался даже более суровым, чем того требовала прокуратура. (...) Решение не вступило в законную силу, а осужденный пообещал подать апелляцию». («Жечпосполита», 22 нояб.)
- «В пятницу Барак Обама встретился в Берлине с руководителями крупнейших стран ЕС: Франции, Германии, Испании, Италии и Великобритании. Польша на встрече представлена не была». (Петр Ендрачик, «Жечпосполита», 18 нояб.)
- «Россия разместит системы противовоздушной обороны С-400 и ракеты “Искандер” в Калининградской области. Как заявил председатель комитета Совета Федерации по обороне и безопасности Виктор Озеров, это ответ на установку американского противоракетного щита». («Жечпосполита», 22 нояб.)
- «“Сила нашей армии заключается в огромной искренней вере польского народа, которую лучше всего символизирует крест Иоанна Павла II, стоящий здесь, на площади Пилсудского”, — заявил министр обороны Антоний Мацеревиц в Варшаве во время торжественного присвоения 176 солдатам запаса первого офицерского звания». («Тыгодник повшехны», 4 дек.)
- «132 священника произведены в младшие генералы. Никто так быстро не продвигается по службе в польской армии, как капелланы». («Пшегленд», 5-11 дек.)
- «Генерал Болеслав Бальцерович, бывший комендант Академии национальной обороны, переименованной в Академию военного искусства, даже представить себе не мог, что кому-нибудь придет в голову обучать военную элиту заочно. “Академия — это путевка на самые высокие командные должности. Эти офицеры здесь не только обучались, но и воспитывались. Не понимаю, как можно воспитать офицера заочно”, — удивляется проф. Бальцерович. (...) “Кто-то подложил свинью тем

военным, на которых теперь всегда будет стоять клеймо недо-генералов”, — говорит один из военачальников, прошедший обучение в очной форме и попросивший о сохранении анонимности». («Политика», 23-29 нояб.)

- «На вчерашнее торжество по случаю назначения 57 офицеров на служебные должности не были приглашены начальник штаба и генеральный командующий, которому вооруженные силы подчиняются в мирное время. (...) Офицеры, назначенные Антонием Мацеревичем, вчера заняли все высшие должности генерального штаба». («Газета wyborча», 19-20 нояб.)
- «В этом году вступил в силу закон, повышающий расходы на оборону с 1,95 до 2% ВВП. Это означает, что оборонный бюджет составит 35,9 млрд злотых, из них 10 млрд предназначены на модернизацию армии. “По моим оценкам, у министерства обороны в этом году уже нет шансов на реализацию плановых закупок на сумму, которая бы составляла не менее 3 млрд злотых. Это (...) почти треть модернизационного бюджета нынешнего года”, — беспокоится генерал Вальдемар Скшипчак. (...) Новое правительство отменило результаты нескольких торгов, в том числе касающихся приобретения вертолетов и систем электронного управления боевыми действиями. (...) Вместо увеличения расходов на обучение и оборудование военным повысят зарплату». (Збигнев Лентович, «Жечпосполита», 28 нояб.)
- «71% поляков считает, что в случае нападения на страны Балтии — Литву, Латвию и Эстонию — наша страна обязана встать на их защиту. В марте 2015 г. в пользу такой стратегии высказались 63% опрошенных. Опрос Института рыночных и социологических исследований, сентябрь 2016 года». (Марек Козубаль, «Жечпосполита», 7 нояб.)
- «В ходе официального визита Петра Порошенко в Польшу было заявлено о ряде совместных намерений и планов. (...) Наиболее конкретным результатом данного визита стало подписание министрами обороны обеих стран рамочного соглашения о сотрудничестве в области обороны. (...) “Соглашение определяет правовые основы для расширения сотрудничества в 24 сферах, охватывающих практически все отрасли оборонной промышленности наших стран”, — говорит министр обороны Украины ген. Стефан Полторак». (Михал Потоцкий, «Дзенник газета правна», 5 дек.)
- «Между собой воюют ближайшие, непосредственные соседи Польши. Возникает вопрос: мы должны как-то на это реагировать либо будем и дальше делать вид, что происходящее нас не касается? (...) Уровень воды в Висле

снизился до рекордного уровня. А польские власти считают, что нужно помогать угледобывающим шахтам и жечь уголь, поскольку в этом, дескать, заключается наш национальный интерес. Они не хотят поддерживать развитие экологически чистых источников солнечной и ветровой энергии. Мы по-прежнему не видим связи между причиной и следствием. (...) Дональд Туск говорил, что климатические проблемы не могут быть важнее вопросов экономической эффективности. Но объективно они все-таки важнее. (...) “Экономист” пишет, что у нас всё плохо, Венецианская комиссия утверждает, что у нас всё плохо, Европейский парламент говорит, что у нас всё плохо — и все они не правы только потому, что они не поляки? (...) Я думал, что мы ушли вперед, но я ошибался. (...) Если в глубине души люди хотят диктатуры, (...) хотят увидеть, как забирают в тюрьму их соседку, а ее несносные чада исчезают без следа — то я уже не знаю, что тут можно сделать», — Михал Задара, режиссер. (*«Газета wyborcza»*, 3-4 дек.)

- «Число жертв смога в Польше увеличилось на 4 тыс. (до 51 тыс.) по сравнению с результатами, представленными в прошлогоднем отчете Европейского агентства по окружающей среде (ЕЕА). Уже не первый год мы считаемся одним из европейских лидеров по степени загрязненности воздуха. Более половины отравляющих атмосферу субстанций поступает из домашних печей, которые топят плохим дешевым углем, а зачастую просто мусором. (...) В этом жутком рейтинге мы опережаем Грецию, Словакию, Чехию, Венгрию и Италию. Польша также лидирует в области эмиссии сильного канцерогена — бензапирена. По данным Всемирной организации здравоохранения, предельно допустимой безопасной концентрацией бензапирена является 1 нанограмм на 1 м³. В Польше эта норма превышена в семь раз». (Доминика Вантух, *«Газета wyborcza»*, 24 нояб.)
- «Компания “Государственные леса Польши” в будущем году поставит на рынок древесины 40,5 млн кубометров дерева, что на 1,5 млн больше, чем в этом году. (...) В 2017 г. “Государственные леса Польши” впервые сделают заготовки древесины для энергетической промышленности — для начала 800 тыс. кубометров. (...) Ранее сырье, которое использовалось в промышленности, нельзя было поставлять электростанциям». (Збигнев Лентович, *«Жечпосполита»*, 18 нояб.)
- Поддержка партий: «Право и справедливость» — 30%, «Современная» — 20%, «Гражданская платформа» — 14%, Кукиз'15 — 9%, Коалиция левых сил — 4%, крестьянская

партия ПСЛ — 4%, «Вместе» — 4%. Опрос Института рыночных и общественных исследований от 18–19 ноября. («Жечпосполита», 24 окт.)

- «В ходе опроса, проведенного ЦИОМом, о своем доверии президенту Анджею Дуде заявили 61% респондентов, о недоверии — каждый четвертый. Премьер-министру Беате Шидло доверяют 51% опрошенных, не доверяют — 33%, Павлу Кукизу — 46% и 25% соответственно, доверие министру юстиции и генеральному прокурору Збигневу Зебро выразили 40% участников опроса и ровно столько же заявили о своем недоверии ему. Ярославу Качинскому доверяют 37% опрошенных, не доверяют — 50%». («Газета wyborcza», 1 дек.)
- «Прежде всего я надеюсь, что те, кто сегодня управляет страной, желают ей добра. Я вижу, что в нашем правительстве очень много благородных людей, которые хотят работать для Польши. За границей мне часто говорят, как нам неслыханно повезло с президентом и правительством. Это люди, которые регулярно молятся, которые заботятся о своей стране. (...) Но вокруг них полным-полно и других людей, представителей старой формации. И мы постоянно видим, как они пытаются ставить нашему руководству палки в колеса. Это своего рода государство в государстве. (...) Взгляните хотя бы на этот пресловутый Комитет защиты демократии. (...) Какой демократии? Может быть, социалистической?», — о. Тадеуш Рыдзык, директор «Радио Мария». («В сети», 5–11 дек.)
- «Наша национальная болезнь, которая (...) стала причиной смерти 96 первых лиц страны на аэродроме Северный под Смоленском, вновь дала о себе знать на прошлой неделе, во время возвращения премьер-министра Беаты Шидло из Лондона. (...) В самолете не хватает мест. Несколько человек вынуждены стоять. Наземные службы в Латтоне (...) не дают согласия на вылет перегруженного самолета. (...) Капитан лайнера (...) заявляет, что не полетит до тех пор, пока проблема не будет решена. (...) В конце концов после переговоров, продолжавшихся почти час, самолет покидает группа добровольцев, а также тех, кому приказали выйти их руководители. (...) Появляется выражение: да это “туполевизм”! (...) Почему на борту этого самолета одновременно оказались премьер-министр, вице-премьер, министры иностранных дел, обороны, юстиции, оперативный главнокомандующий вооруженными силами? (...) Почему пассажиры самого главного в тот день государственного польского самолета не были распределены по сидячим местам,

пронумерованным, как в обычном рейсовом самолете? (Места, обозначенные номерами, есть даже на афганских авиалиниях “Kam Air”). (...) Почему пилот был вынужден вмешаться в эту абсурдную историю? Хотя, кто знает, может быть, это и к лучшему, поскольку он продемонстрировал мудрость и хладнокровие, за которые ему полагается государственная награда». (Збигнев Парафянович, «Дзенник газета правна», 5 дек.)

- «“Туполевизм” — выражение новое, однако оно иллюстрирует давнее, хорошо известное явление, которое для нас, как считают многие, вообще довольно характерно. Речь идет о нашей чрезмерной склонности к неразберихе и расхлябанности, в том числе в работе государственных институтов и в общественной жизни в целом, что иногда, как мы уже знаем, чревато трагическими последствиями, и уж в любом случае изрядно действует на нервы и мешает работать. Добавим к этому нашу нелюбовь к порядку, регламенту, а также элементарным правилам и нормам», — Кшиштоф Едлак, главный редактор. («Дзенник газета правна», 6 дек.)
- «Мне до сих пор непонятна вся эта история вокруг эксгумации останков жертв смоленской катастрофы. Разумеется, прокурор имеет право проводить эксгумацию без согласия семьи покойного, однако в том случае, если обстоятельства чьей-либо смерти свидетельствуют о виновности членов семьи. Использование же этого права в контексте смоленской трагедии является, по моему мнению, серьезным превышением полномочий. (...) Почему православные иерархи высказываются по этому вопросу достаточно определенно, а Епископат Польши молчит? (...) Играет свою роль еще и то обстоятельство, что нынешняя политическая элита благосклонно настроена по отношению к Церкви, поэтому епископам неудобно выступать против действующей власти», — о. Анджей Шостек, проф., марианин, бывший ректор Католического университета в Люблине. («Тыгодник повсехны», 4 дек.)
- «Поляки не видят смысла в эксгумации останков жертв смоленской катастрофы. Только 16% участников опроса, проведенного Институтом рыночных и общественных исследований (...), полагают, что в результате эксгумации могут быть получены новые доказательства, которые позволят выяснить истинные причины катастрофы. (...) 71% опрошенных считают, что новые доказательства не появятся. (...) На прошлой неделе была произведена эксгумация останков президентской четы». («Жечпосполита», 23 нояб.)

- «Страшную вещь сейчас скажу: фактическая организация Ярославом Качинским эксгумации останков брата и его жены отлично вписывается в то, как Качинский использовал своего брата при его жизни, бросив его в ходе президентских выборов на борьбу со своими главными противниками. В основе всего этого Смоленска и его ментальной структуры лежит соперничество Качинского с Туском и “Гражданской платформой”. Соперничество, в котором нужно победить любой ценой. Лех Качинский — и живой, и мертвый — является лишь пешкой в этой игре. Это звучит жестко, но это так», — проф. Збигнев Миколейко. («Польска», 18-10 нояб.)
- «Нашей страной никогда не правили националисты, а сегодня у власти стоят люди, стремящиеся сделать польское общество моноэтничным и монорелигиозным. Пока Качинскому удалось подчинить себе сложные и разветвленные структуры государства: армию, спецслужбы, администрацию, образование, органы правосудия. И потребуется еще много лет, прежде чем мы сможем вновь вернуть Польшу на цивилизованный путь», — Юзеф Пинёр, один из создателей “Солидарности”, бывший деятель антикоммунистического подполья и политзаключенный, бывший сенатор от партии “Гражданская платформа”, депутат Европарламента. 29 ноября был задержан сотрудниками Центрального антикоррупционного бюро по подозрению в коррупции и кумовстве. Судья Моника Смуга-Лесневская отказала в выдаче ордера на его арест в связи с крайне малой вероятностью совершения преступления. («Газета wyborча», 3-4 дек.)

Экономическая жизнь

Экономическая жизнь

Конец дефляции. В первый раз за два года цены потребительских товаров не снижались по отношению к предыдущему году, — пишет газета «Жечпосполита». Это означает конец дефляции — явления, которое непрерывно присутствовало в Польше с июля 2014 года, то есть значительно дольше, чем кто-либо предполагал. Инфляция, или рост цен из года в год, возвратилась в конце минувшего года. В тех категориях товаров и услуг, которые в максимальной степени вызывали дефляцию, уже в ноябре 2016-го отмечался рост цен на 1,2% по отношению к предыдущему году. В последующие месяцы текущего года инфляция станет ощутимой для всех. Среди экономистов нет единого мнения, в каком темпе инфляция будет развиваться. Однако почти наверняка значительный ее рост произойдет в первые месяцы 2017 года. Инфляция может стабилизироваться вблизи нижней границы прогноза (1,5%). Согласно самым неблагоприятным прогнозам, рост цен может ускориться до 2,1%. Какие последствия для польской экономики может повлечь такая инфляция? Дефляция была вызвана, прежде всего, снижением цен на энергетическое сырье и продовольствие; предвидимая инфляция будет тормозить рост реального заработка, а стало быть, и потребления.

Украинцы необходимы польской экономике. Польше как никогда нужны украинцы, — пишет «Газета wyborcza». Уровень безработицы снизился до 8.2%, сотни тысяч поляков эмигрировали, а у предпринимателей все больше проблем с привлечением персонала. Единственная надежда — брать на работу соседей с Востока.

Старт лавинообразного прибытия украинцев в Польшу приходится на 2014 год, когда начался вооруженный конфликт на Донбассе. Сегодня в Польше работает около миллиона украинцев — прежде всего в сельском хозяйстве, строительстве и сфере обслуживания (особенно уборки). Многие отрасли, например, садоводство или знаменитые польские плантации шампиньонов без украинцев перестали бы существовать. Значительное число украинцев занято также в гостиничном

деле и общественном питании. Неквалифицированную работу выполняют 70% прибывших с Востока. Но речь не только о неквалифицированном труде. За трудоустройством обращается все больше украинцев, имеющих прекрасную профессиональную подготовку: дизайнеры, врачи, юристы.

Положение может измениться, когда украинцам разрешат безвизовый въезд в Европу. Тогда большинство будет стремиться устроиться на работу не в Польше, а в Западной Европе.

Как сообщает «Дзенник. Газета правна», на текущие нужды (жилье, питание, транспорт) украинские иммигранты тратят треть заработка. Это немного, но значительное число иммигрантов с Востока получает от своих работодателей дополнительные пособия, которые позволяют уменьшить расходы. Чаще всего дотируются жилье и транспортные расходы.

Значительную часть заработанных денег украинцы высылают в свою страну. Однако здесь отмечаются серьезные изменения: если в 2013 году до 78% работников с Украины заявляли, что делятся заработком с семьями, то с 2014 года эта доля снизилась до неполных 50%.

Большую группу прибывающих в Польшу украинцев составляют студенты. Половина из них — профессионально активна. Студенты работают преимущественно в торговле, гостиничном деле, общественном питании. 37% украинских студентов заявляют, что намереваются остаться в Польше на постоянное жительство.

Рыба из Польши плывет по всему миру. Рыбная отрасль вынуждена экспортировать свой товар. Без экспорта она не будет развиваться, потому что в Польше едят мало рыбы, — пишет Беата Древновская в газете «Жечпосполита». В 2016 году экспорт рыбы и продуктов рыбопереработки увеличился на 7%, а его стоимость превысила 1,7 млрд евро. Это вывело Польшу на шестое место среди экспортеров Европейского союза. Первое место (3,4 млрд евро) занимает Голландия.

Развитие рыбной отрасли может быть обеспечено только экспортной экспансией, поскольку внутреннее потребление относительно невелико: неполных 13 кг в год на душу населения, в то время как в Европейском союзе в среднем 20 кг.

Самая большая доля в польском рыбном экспорте принадлежит переработанному (главным образом, копченому) лососю — стоимость продаж в 2016 году превысила 213 млн евро. В связи с низкой оплатой труда Польша стала крупнейшим в Европейском союзе переработчиком лосося. На экспорт идет почти 80% продукции. Самый крупный потребитель польского копченого лосося — Германия. Далее следуют Италия и Франция.

Поляки и в самом деле потребляют в пищу мало рыбы, однако растет число тех, кто приобретает продукцию высшего класса, а именно морепродукты, особенно пользуются спросом креветки. Морепродукты идут вслед за лососем, который несколько лет царит на польском столе. Поляки хотят покупать лосося и морепродукты также потому, что в ПНР эти продукты были недоступны, и до сих пор многие потребители рассматривают их как деликатесы.

Уменьшилась отечественная добыча нефти и газа. Это результат того, что за последние 20 лет не удалось открыть новых богатых залежей. «Месторождения в Подкарпатье, относительно неглубокие, уже на грани исчерпания», — сообщил газете «Жечпосполита» Вальдемар Вуйчик, вице-президент Польской нефтяной и газовой компании (PGNiG). Сегодня в Подкарпатье проводится глубинное бурение, результатом чего может стать обнаружение новых залежей. В соответствии с прогнозом добычи, производство газа в 2017 году достигнет 4,5 млрд кубометров, а в следующем году — 4,6 млрд кубометров.

Снизится также, по отношению к первичным оценкам, добыча нефти. Как полагают в Польской нефтяной и газовой компании, уменьшение добычи нефти и газа обусловлено тем, что многие скважины оказались непроизводительными; более того, часть давно открытых месторождений не эксплуатируется.

Японцы варят пиво для поляков. Японские предприниматели не жалеют денег на хорошие и известные бренды. Шесть лет назад они выкупили польскую кондитерскую фабрику «Ведель», теперь пришло время для пива, — пишет Катажина Кухарчик в газете «Жечпосполита». Заводы, производящие пиво «Тыске» и «Лех», должны перейти во владение пивного концерна «Асахи» со штаб-квартирой в Токио. Если сделка

состоится, то это будет крупнейшая инвестиция в истории японского пивоварения. Кроме польских пивных заводов, «Асахи» приобретает несколько аналогичных предприятий в Чехии, Словакии, Венгрии и Румынии. Общая стоимость покупки составит 7,3 млрд евро. «Асахи» — концерн, раньше не присутствовавший в Европе, — теперь решился заплатить высокую цену за приобретение фирм из Центральной и Восточной Европы. Фирма «Асахи» поставила перед собой нелегкую задачу завладеть рынком пива в Польше. Потребление пива в Польше достигает уже почти 100 литров на человека в год. «Асахи» будет искать возможность увеличить продажи в Польше за счет развития сегментов, занимающихся пивом высокого качества, особых сортов и со вкусовыми добавками.

Злотые будут обмениваться на юани. Польский злотый оказался в числе семи валют, которые, в соответствии с решением центрального банка Китая, будут обмениваться на юани на китайском межбанковском рынке, — пишет Анджей Кублик в «Газете выборчей». Как подчеркивает польское финансовое ведомство, возможность непосредственно обменивать злотые на юани положительно скажется на ситуации польских фирм, торгующих с Китаем, поскольку снизит издержки финансовых расчетов, до сих пор осуществлявшихся через валюту-посредник (например, доллар или евро). Непосредственная конвертация может также склонить китайских инвесторов приобретать польские казначейские облигации, номинированные в злотых. Министерство финансов полагает, что непосредственной конвертацией юаня в несколько европейских валют Пекин может добиваться укрепления торговых отношений с Европой. Это также очередной шаг на пути укрепления китайской валюты на международном финансовом рынке.

Е.Р.

Эльжбета Савицкая

Приподнимая маску

Торжественная речь в честь Магдалены Гроховской

Магдалена Гроховская (фото: Э. Савицкая)

Магдалена Гроховская стала в этом году лауреатом премии польского ПЕН-клуба им. Ксаверия и Мечислава Прушинских, присуждаемой авторам репортажей и эссе.

Магдалена Гроховская — репортер и многолетняя сотрудница «Газеты выборчей», в центре творческих интересов которой находится польская послевоенная интеллигенция. Ее репортажи, которые сначала публиковались на страницах газеты, были затем собраны в двух книгах: «Пробужденные от молчания» и «Упражнения в невозможном». Магдалена Гроховская является также автором биографии Ежи Гедройца и биографии Яна Стшелецкого, незаслуженно забытого польского социолога, альпиниста, любителя Татр, деятеля демократической оппозиции.

— За великолепную репортерскую работу, в которой гармонично сочетается журналистика и художественная литература, а также последовательно описывается история польской интеллигенции, — обосновал выбор лауреата Адам Поморский, председатель польского ПЕН-клуба.

На меня возложена очень приятная обязанность — напомнить о том, какое важное место в творчестве лауреата премии им. Прушинских польского ПЕН-клуба занимает биография «Ежи Гедройц: в Польшу из сна», впервые опубликованная в 2009 году. Эта выдающаяся книга оценена по заслугам: она получила премию «Одры», историческую премию журнала «Политика» и литературную премию «Нике», учрежденную «Газетой выборчей».

Это вещь глобальная, включающая в себя множество тем и сюжетов и, как говорит сама автор, «многоэтажная». Описать ее в нескольких словах будет нелегко, но я попробую.

Начну, однако, с личного воспоминания — с первой встречи с Магдаленой Гроховской, кажется, девять лет назад. Она позвонила мне в редакцию газеты «Жечпосполита», где я заведовала приложением «Плюс-минус», и попросила о встрече. Если репортер «Газеты выборчей» собирается написать книгу о Гедройце, значит, ее интересует конфликт Густава Херлинга-Грудзинского с Редактором. Об этом я, конечно, кое-что знала: именно в «Плюс-минус» после разрыва с «Культурой» писатель перенес свой «Дневник, написанный ночью» и все рассказы, а также дал мне интервью, в котором прокомментировал свой уход. В Мезон-Лаффите я бывала уже раньше, ездила туда брать интервью у Редактора, позднее беседовала с Зофьей Херц. Навещала также Густава Херлинга-Грудзинского в Неаполе. Одним словом, в качестве свидетеля событий я подходила.

Но — подумала я немного недоброжелательно — вот еще, буду я сразу все рассказывать незнакомому человеку, да еще из конкурирующей газеты? Скажу несколько обтекаемых фраз о столкновении сильных личностей, о различиях между «политическим животным» и писателем от Бога, о достойном сожаления конфликте между двумя великими людьми, которые в старости не поделили Польшу, и т.д. Вполне достаточно.

Такой примерно у меня был план.

Когда Магда Гроховская появилась в моей комнатке на площади Старынкевича, я уже вдохнула поглубже и собралась было выпалить все эти заготовленные фразы. Но не успела: она вынула из сумки сложенный квадратик бумаги — ксерокопию какого-то отпечатанного на машинке текста — и коротко спросила: «Вам знакомо это письмо?»

Она застала меня врасплох. Как и само письмо. Резкое письмо Зофьи Херц Гедройцу о Херлинге-Грудзинском. Полное раздражения, бунта, практически ультиматум — либо он, либо я. «Я не собираюсь работать на гениев и поэтов», «Я крайне разочарована». Есть в нем слова о «товарище-литераторе», который «несомненно, станет для нас, скорее, обузой». Самое удивительное — это дата: 1947 год, первые месяцы существования «Культуры». Не середина 90-х, когда произошел драматический разрыв. Почти за полвека до того. Значит, это такая старая история... Я и понятия не имела.

Мой план, конечно, рухнул. Я увидела настоящего репортера в действии, она с легкостью меня обезоружила. Заинтересовала, заинтриговала. Я уже и не думала от нее избавляться — наоборот. Я хотела поговорить. Передо мной была прекрасно подготовленная журналистка, умеющая мастерски задавать вопросы. Увлеченная, пытливая, но тактом и участливостью (немного старомодное сегодня слово) располагающая к себе собеседника. Наконец, и это чувствовалось, передо мной был автор, преданный своим героям, потерпевшим крушение пассажирам «Культуры».

В результате я рассказала ей все, что знала, и даже то, о чем только догадывалась. А потом очень ждала эту биографию Ежи Гедройца.

Идея написать такую книгу требовала огромной смелости. Создатель парижской «Культуры» был авторитетом в глазах всей интеллигентской Польши, Польши читающей и думающей, авторитетом, гигантом, фигурой монументальной, и при этом таинственной. Уже при жизни он был окутан легендой. Одиночка. Мизантроп. Трудоголик без личной жизни. Сфинкс. Достаточно вспомнить, что после выхода написанной Ежи Гедройцем совместно с Кшиштофом Помяном «Автобиографии в четыре руки» Чеслав Милош заметил: «Словно памятник заговорил и позволил нам слушать себя несколько часов». Стоит вспомнить и то, что Анджей Бобковский называл Редактора «холодным редакционным полипом». Ни больше ни меньше.

Магдалена Гроховская не испугалась померяться силами с легендой Князя из Мезон-Лаффита. Она прочла в архиве «Культуры» тысячи писем, расспросила несколько десятков человек, штудировала дневники и воспоминания. В результате была создана выдающаяся биография, написанная прекрасным польским языком, причем нетривиальным, сочетающим в себе элементы эссе и литературного репортажа. Пространная, насчитывающая более 600 страниц, тщательно документированная книга. Только ли о Редакторе идет в ней речь? Нет. Это еще и коллективный портрет людей круга «Культуры». И что-то значительно большее.

Результатом этого трехлетнего труда стал, как подытожил рецензент «Политики» Кшиштоф Бурнетко, «исторический репортаж о сопротивлении коммунизму и подчинении системе, об идеологических спорах и политических стратегиях Польши и Запада.

Но также о литературе и культуре того времени, о судьбах и роли политических эмигрантов, наконец, о вымирающем искусстве редакторской работы, в результате которой появляется серьезный, формирующий общественное мнение журнал, не потакающий вкусам публики и имеющий смелость двигаться против течения».

Что важно, Магдалена Гроховская избежала ловушек, которые обычно подстерегают биографов, — идеализации и раболепия. Ее отношение к Гедройцу исполнено уважения и восхищения, но не лишено критического взгляда. Она ценит многолетнюю титаническую работу Редактора над сознанием соотечественников: его противостояние национально-демократической традиции и критическую позицию по отношению к политическим действиям Католической церкви. Она подчеркивает его отвагу в вопросе признания нерушимости послевоенных границ Польши (его примирение с потерей Вильнюса и Львова было потрясением для многих читателей «Культуры», особенно — для выходцев с Кресов, а лондонской эмиграцией оно воспринималось чуть ли не как предательство). Она подчеркивает, как беспокоился Редактор о том, чтобы в Польше хорошо относились к национальным меньшинствам, как надеялся, что удастся наладить добрососедские отношения с Украиной, Литвой и Беларусью, и создать новую Европу «после того, как будет убит дракон коммунизма».

Однако Гроховская без колебаний критикует некоторые политические концепции Гедройца, его ошибочные диагнозы

— например, недооценку феномена Солидарности или значения Круглого стола.

Конечно, не только политические игры важны в этом портрете. Гроховская старается понять, каким человеком был Редактор. Действительно ли это был только «холодный редакционный полип»? Сдержанно и деликатно она пишет о частной жизни Гедройца. О его браке и разводе с Татьяной Швецовой, о его увлечении Агнешкой Осецкой, которая была младше его на 30 лет. Больше — хотя и не называя имени девушки — она расскажет о его серьезном любовном романе в эссе «Их Галапагосские острова» в книге «Упражнения в невозможном».

У него были недостатки — нередко он относился к людям механически, даже из писателей, поэтов хотел сделать свою послушную армию. Бывало, ревновал, когда дело касалось монополии «Культуры» — например, плохо переносил созданный Барбарой Торуньчик журнал «Зешиты литерацке». Об этом также можно узнать из биографии.

Когда автора в одном из интервью спросили, собиралась ли она разоблачить своего героя, она ответила: «Я хотела из-под панциря политика и редактора вытащить Гедройца — человека, но его маску мне удалось лишь слегка приподнять. Прежде всего я хотела понять, какие силы им двигали, и какую цену он заплатил за свои решения».

Благодаря таланту, трудолюбию, пытливости Магдалены Гроховской сегодня мы также знаем о нем больше и лучше его понимаем.

Польский ПЕН-клуб, вручая ей премию, сделал прекрасный выбор.

Перевод Анастасии Векшиной

Эльжбета Савицкая произнесла торжественную речь в честь Магдалены Гроховской, лауреата премии им. Прушинских, 14 ноября 2016 года в штаб-квартире польского ПЕН-клуба, в Доме литературы в Варшаве. Торжественные речи произнесли также Малгожата Шейнерт и проф. Анджей Фришке.

Вместо предисловия

На дверях кабинета Ежи Гедройца в Мезон-Лаффите висит керамическая табличка, которую итальянский мастер изготовил по заказу Редактора, а привез Густав Херлинг-Грудзинский. Надпись гласит: «Cave hominem» — «Берегись человека».

Через эти двери прошла целая армада людей.

Он принимал посетителей обычно после обеда. Говорил тихо и односложно, отвечая:

— Может быть, напишите об этом?

Оробевший собеседник столбенел. Каждый уносил отсюда в душе свои пятнадцать минут общения с Редактором — общения такого же скупого, как мимолетный взгляд на картину. Это происходило раз в жизни — либо же продолжалось потом десятилетиями.

О нем судачат: мол, эмоциональный холодильник, ледяной дом. И сразу поправляют себя — нет, неправда.

Потребительское отношение к людям. Но это лишь видимость, добавляют тут же. Человек в футляре. Зато «Cave hominem» — это стилизация.

Итоги посвященной ему конференции, прошедшей в 2005 году, подвел его брат Хенрик:

— Собирались поговорить о Гедройце как о человеке, а вместо этого постоянно сползаем в политику. Так где же этот человек?

Визионер, Поводырь, Патриот, Мыслитель, Государственный Муж, Моральный Авторитет, Великий Поляк, Европейец. Такими словами прощались с ним в некрологах в сентябре 2000 года. Почетный доктор семи университетов, награжденный польским Орденом Белого Орла, от которого он отказался, удостоенный почетного гражданства Литвы и ее высшей государственной награды.

В последние годы жизни, просматривая польскую прессу — как обычно, в зимнем саду дома в Мезон-Лаффите — он натыкался на помпезные заголовки. «Безупречный авторитет», «Редактор с большой буквы», «Образец стойкости», «Незаменимый». А на резном овальном столе среди утренней почты лежали анонимные письма от крайне правых, такие же мерзкие, как и те, что выводила когда-то рука сотрудника службы безопасности. Жид, масон, агент, педераст и так далее.

Когда в 1994 году вышла его автобиография, Чеслав Милош заметил: «Словно памятник заговорил...».

Он жил долго и становился частью истории на глазах поляков, превративших его в бронзовый монумент.

За месяц до своей смерти, 11 августа, 94-летний Гедройц отвечал в чате на вопросы интернет-пользователей (диктовал молодому человеку, сидевшему за компьютером). Любит виски в ограниченных количествах. Вред никотина преувеличен. Ест нездоровую пищу, в основном сытные блюда литовско-русской кухни, обожает колдуны.

Кто-то попросил, чтобы он охарактеризовал себя одной фразой.

Настойчивость и чудовищный характер; катастрофы его мобилизуют.

Считает себя католиком; политическая деятельность католической Церкви вредит интересам государства. «Радио Мария» низвело польский католицизм до самого примитивного уровня.

Он против однополых браков.

— А как у вас было с женщинами?

Он всегда ценил сотрудничество с женщинами.

— Но вы были когда-нибудь влюблены? Готовы ли вы пожертвовать всем ради любви?

— Я животное политическое, и не представляю себе, что мог бы отказаться от этого ради чувственных переживаний. Единственный принцип католической Церкви, который я считаю правильным — это целибат. Если бы мне пришлось начать свою жизнь заново, немного бы изменилось.

Интернет-собеседница, на прощание:

— Вы мне казались старой калошей, чуть ли не овощем. А тут такая ясность ума. Вы произвели на меня впечатление.

Он был благодарен им за этот разговор. Признался, что чувствует себя всё более одиноким, поскольку те, кого он знал, умерли. И продиктовал:

— Не знаю, когда будет наша следующая встреча, но я не собираюсь умирать.

Когда дом начал пустовать?

Сначала в кругу людей «Культуры» появились отдельные прорехи. Бурная жизнь быстро их заполнила. Затем — целые бреши и пустоши, с которыми Гедройц вместе с Зофьей Херц и псом Факсом справиться уже не могли.

Во всем огромном море писем, которые он отправлял своим сотрудникам — писем-отчетов, лишенных эмоций, конкретных до черствости — его послания к писателю Анджею Бобковскому в Гватемалу выделяются какой-то терпкой нежностью. К этому взъерошенному парню лет сорока, вечному бунтарю, Гедройц всегда относился с теплом, приправленным, как это у него обычно бывало, иронией и сарказмом. В июне 1961 года Бобковского убили метастазы меланомы, попавшие в мозг. «Меня это подкосило...», — написал Редактор. «Немногих из встреченных мной в жизни людей, — писал Гедройц вдове Бобковского, — я так любил».

Юлиуш Меровский, лучшее перо политической публицистики «Культуры» и самый выдающийся польский политический мыслитель послевоенной эпохи, был своего рода зеркалом взглядов Редактора, его партнером по дискуссиям о Польше, его другом. Они понимали друг друга с полуслова. Гедройц в двух словах обрисовывал тему, Меровский ее подхватывал и развивал в эссе. Он был неизменно лоялен.

Письма между Лондоном и Мезон-Лаффитом (всего их накопилось несколько тысяч) описывали круги иногда по два раза в день. Но прежде чем они перешли на «ты», со дня отправки первого письма прошло двадцать шесть лет. Тогда же у Лондонца (так Меровский подписывал свои английские хроники) обнаружили рак горла. Он перешел с сигарет на

трубку, с трубки на табак. Терял зрение. Вместо чтения газет стал слушать радио. Свои тексты начитывал на диктофон. Страдал безмерно.

В Мезон-Лаффите знали, что он всегда мечтал о дублинке. Привезли ему из Польши красивую закопанскую дублинку.

Он умер в июне 1976 года. «Вместе с ним умерла часть „Культуры“», — написал Гедройц в некрологе. «Никто не смог мне его заменить. После его смерти я в некотором смысле остался один», — признался Редактор в автобиографии. В его кабинете стоят только два фото: Ежи Туровича и — на письменном столе — овальный портрет Меровского.

В июле 1969 года в Вансе умер от астмы и болезни сердца Витольд Гомбрович. По-человечески чуждый Редактору, который считал его политические взгляды дилетантскими, Гомбрович восхищал Гедройца своим талантом. Если бы за семнадцать лет до этого Гедройц не заинтересовался судьбой писателя, работавшего в одном из аргентинских банков, не уговорил вести «Дневник» и не печатал его, не хлопотал вместе с Константы Еленским о стипендиях, переводах и приезде в Европу, открыла ли бы Европа Гомбровича?

И тут же — очередная потеря. В октябре 1969 года, после почти четвертьвекового сотрудничества с Гедройцем, в Берне умер писатель и эссеист Ежи Стемповский (псевдоним — Павел Хостовец). Эрудит, свободно чувствующий себя в любой эпохе, любом стиле, языке и времени. Склонный к монологам и болезненной меланхолии; крайне снисходительно относящийся к собственному писательству, которое он именовал «бумагомарательством», хотя это, возможно, не относилось к его письмам. Если переписка Бобковского с Редактором была серией взрывов, то письма Стемповского — журчанием ручья, который мягко струится среди территорий культуры. Как и Гедройц, он гордился своим восточноевропейским происхождением. В отличие от Редактора не верил в политическую силу эмиграции. И, по мнению Гедройца, был слишком критичен по отношению к межвоенной Польше.

Магнит, притягивающий людей, мастер анекдота, впечатлительный и излучающий тепло Зигмунт Херц — антипод Ежи Гедройца. Человек-опора, незаменимый, если нужно было сделать корректуру, отправить экземпляры «Культуры» (в пачках на тележке до железной дороги в Мезон-Лаффит, разгрузка на вокзале Сен-Лазар), привезти покупки, что-то смастерить, помыть, передвинуть, починить... Но в

первую очередь — помочь людям. Он звонил, финтил, маневрировал, беспокоил, кого нужно — и добывал приглашения, договаривался о стипендиях, устраивал пребывание в Париже. Министр по делам поляков.

Никаких варшавских сплетен. Блестяще остроумный, исполненный черного юмора в своих письмах к Чеславу Милошу. Зофью он обожал больше всего на свете. Если был предан «Культуре», то только ради Зофьи. В отношении взглядов Гедройца сохранял ироничную дистанцию, считая их абстрактными.

К своему онкологическому заболеванию, как и Бобковский, отнесся с мужеством. Беспокоился о жене. Умер в октябре 1979 года. После его смерти Гедройц основал ежегодную литературную премию имени Зигмунта Херца.

— Вы знаете, за моими плечами уже образовалось довольно внушительное кладбище... — сказал Редактор в 1981 году Барбаре Торунчик, которая вскоре основала журнал «Зешиты литерацке».

В мае 1987 года, так и не придя в сознание после инсульта, умер Константы Еленский, только что ушедший на пенсию. Он был одним из выдающихся польских эссеистов, литературных и художественных критиков, переводчиком на французский Гомбровича и Милоша. Его заслуги в популяризации автора «Транс-Атлантика» огромны.

Укорененный во многих культурах и языках, интеллектуальных и художественных кругах Европы, «Космополяк» — как его называл Бобковский. Второй, после Юзефа Чапского, «министр иностранных дел Лаффита». По мнению Гедройца, слишком оторванный от польской действительности, слишком космополитный, слишком снисходительный к компромиссам польской интеллигенции с властями ПНР. Одновременно был близок Гедройцу тем, что никогда «не набирался опыта в прихожих Европы».

Современный, с раскованным умом, очарованный игрой случая в жизнях людей. Человек многих талантов, которым не придавал большого значения и по-барски ими разбрасывался.

После обретения Польшей независимости в 1989 году, из числа свидетелей создания в Италии в 1946 году издательства «Литературный институт» и — годом позже — журнала

«Культуры», в орбите Гедройца вращались еще три фигуры. Самые важные. Зофья Херц — с самых первых дней опора всего предприятия и опора дома. Юзеф Чапский, автор очерка о Боннарде в первом номере журнала, выпущенном в Риме; второй архитектор «Культуры» в ее первые парижские годы. И Густав Херлинг-Грудзинский, по его собственным словам — автор проекта «Культуры».

Зофья Херц, воплощение верности, никогда не сомневалась ни в журнале, ни в Гедройце. «Не свернув ни на шаг с выбранной однажды дороги, — написал Милош, — она шла, словно влекомая неведомой силой, пока полностью не отождествила себя с „Культурой“ как с делом своей жизни».

Юзеф Чапский был тем «стечением обстоятельств», вплетенным в линию жизни Гедройца (если придерживаться философии Еленского), той встречей, которая оказалась ключевой. Это Чапский, художник и писатель, личность огромной глубины, приехал поздней осенью 1942 года в Мосуль в Бригаду карпатских стрелцов, чтобы забрать в свой отдел пропаганды Польской армии на Востоке Ежи Гедройца. Именно тогда, в палатке посреди пустыни, между ними и завязалась дружба. И кажется, только Чапский в течение многих лет — до определенного момента — имел доступ к внутреннему миру Гедройца.

Они вместе создавали «Культуру». Состоявший в родстве с графами и баронами, друживший с художниками и интеллектуалами Франции, открытый и дружелюбный, Чапский ткал сеть контактов с Андре Мальро, де Голлем, Андре Жидом... И в предоставленном богатой поклонницей смокинге собирал для «Культуры» пожертвования среди поляков Северной и Южной Америки.

Однако потихоньку их пути расходились: один был поглощен живописью, другой — политикой. В 1985 году Чапский написал своему другу Жану Лалуа (тот, будучи высокопоставленным чиновником французского МИДа, неоднократно защищал «Культуру»), что теряет зрение, не может рисовать и раздумывает, не переехать ли ему под Варшаву, в Ляски. Тут же полетели искры: идею Чапского о возвращении в ПНР Гедройц посчитал крайне необдуманной.

В последние годы Редактор не заходил к другу на его этаж дома в Мезон-Лаффите. Они почти не разговаривали. Друзья дома разделились на тех, кто спешил выразить свое почтение Гедройцу, и тех, кто сразу шел наверх к Чапскому. Для

некоторых раскол между «верхом» и «низом» был очень болезненным.

А для них?

Чапский устал от жизни, которую, как он подозревал, Бог продлил ему в наказание... Он умер в возрасте 97 лет в январе 1997 года. Вечером Гедройц вошел в его комнату и долго сидел возле тела. Выходя, открыл тайник и забрал все свои письма, которые он написал Чапскому. Распорядился изготовить бронзовые отливки ладони и лица друга. Их поместили в холле перед входом в кабинет Гедройца.

На могиле художника и его сестры Марии на кладбище в Ле Мениль-ле-Руа, где уже лежал Зигмунт Херц, а несколько лет спустя упокоились сначала Гедройц, затем Зофья, не выбито характерной колонны — знака «Литературного института». Чапским этого не хотелось.

Столь же драматичным было расставание Гедройца с Густавом Херлингом-Грудзинским в 1996 году, на склоне деятельности «Культуры», в конце жизни обоих.

Писатель был соредактором первого номера «Культуры». В следующем выступил в качестве автора. Той самой осенью 1947 года Гедройц с Херцами переехал из Италии в Париж, а Херлинг-Грудзинский с женой — в Англию. В письмах Зофьи Херц к Гедройцу, написанных в тот период, поражают холодность, которой сопровождалось их прощание, и осадок раздражения «неверностью» Херлинга-Грудзинского. Между этими двумя — хозяйкой Лаффита и едущим из Неаполя писателем — осадок сохранится навсегда. «С самого начала мы, кажется, не слишком пришли друг другу по душе», — признался Херлинг-Грудзинский спустя годы. Тень того раздражения лежала и на его отношениях с Гедройцем.

В 1956 году писатель вернулся на страницы «Культуры». Пустоты, образовавшиеся после «Дневника» Гомбровича и «Записок неторопливого прохожего» Стемповского, он заполнил своим «Дневником, написанным ночью». Регулярно бывал в Мезон-Лаффите. Редактировал, читал рукописи, контрабандой привозимые из Польши, писал вступительные статьи. Второе издание его «Иного мира» в 1965 году стало бестселлером «Литературного института». В 80-х годах они перешли с Гедройцем на «ты», что для Редактора было редкостью.

Трещина в их отношениях появляется в начале 90-х. Разное отношение к независимой Польше и ее элитам, а может быть, расхождения в восприятии мира? Гедройца, как он сам написал в «Заметках редактора» в 1994 году, коробили крайне однозначные замечания писателя, высказываемые резко, свысока.

Рассорило их отношение к Войцеху Ярузельскому, Александру Квасневскому, Адаму Михнику, декоммунизации. Херлинг-Грудзинский стал идиологом польских правых сил. Они порвали между собой окончательно. Позже о них писали, что гибкие взгляды политика и суждения морального максималиста, который никогда не прощает людям минуты их слабости, были несовместимы.

Херлинг-Грудзинский озлоблялся иначе, нежели Гедройц. Какое-то ожесточение, смешанное со вспыльчивостью, звучало в его «Дневнике, написанном ночью», публиковавшемся в газете «Жечпосполита». Он наносил миру пощечину за пощечиной рукой справедливой, холодной, как сталь, не знающей жалости.

Он умер в Неаполе в начале июля 2000 года. Гедройц разместил в «Культуре» лаконичный некролог. Ему оставались еще десять недель жизни, хотя он решительно не собирался умирать.

Медленное шарканье нарушает тишину дома. Он ходит маленькими шажками. Его до сих пор прямая спина горбится. Перед телевизором он начинает дремать.

Однако в нем нет злости, которую вызывает в некоторых людях их собственная немота, и он не жалеет себя.

Какая-то мелочь упала на пол. Тереза Тораньская вскочила и подняла. Раз, другой... Зофья Херц отозвала ее в сторону.

— Зачем ты ему это подаешь? Ведь он мужчина...

Был 1985 год.

Он позвонил в Варшаву Эве Берберуш (в поздней «Культуре» у нее была постоянная рубрика «Страницы из зараженной зоны») с вопросом, что такое «блочный дом» и что значит «мобильник», поскольку не слышал о таком телефоне. Было начало 90-х годов.

Писал ей: «Меня очень позабавила Ваша уверенность, что я хорошо провожу время и даже бываю в обществе. В моем случае „бывать в обществе” означает, что время от времени мне приходится присутствовать на собраниях по случаю чьей-нибудь смерти...».

В доме становилосьлюдно только при оказании ему почестей.

Письмо, отправленное в 1992 году знакомой в Польше:

«Дорогая сударыня, благодарю Вас за теплые слова признательности, которых я не заслуживаю. Не заслуживаю, поскольку из всей моей суеты пока что ничего не вышло. Кроме „Культуры” я беру слово где только могу, в Мезон-Лаффит, как к цадику из Гуры-Кальварии^[1], приезжают разные сановники. Но это пустая болтовня, которая ни к чему не приводит. Утешаю себя одним из высказываний маршала Пилсудского о том, что головой стену не прошибешь, но если нет других возможностей, нужно пытаться. Правда, пока что стена стоит невредима, а голове все хуже...»

Он все больше цедил слова, чувствовалась цена этого самоконтроля. Реплики, которые он произносил, как следует подумав, оставляли впечатление неполноты; хотелось, чтобы он развивал свои мысли. Постоянным мотивом бесед было нарастающее в нем ощущение, что польская политическая жизнь мельчает.

Во время ужина, когда он снова критиковал мелкотравчатость политиков в Польше, Леопольд Унгер, многолетний автор «Культуры», писавший под псевдонимом Брюсселец, спросил:

— А почему бы господину редактору не поехать туда, чтобы баллотироваться в президенты?

Гедройц ответил серьезно и без кокетства:

— Если бы я был на десять лет моложе, поехал бы и стал президентом.

Но он даже не хотел посетить страну, хотя каждого гостя оттуда встречал нетерпеливым вопросом: «Что в Польше?». Его отказ приехать считали проявлением спеси.

Он объяснял: не поедет, поскольку уже слишком стар и болен. Потому что плохо слышит. Потому что Польша еще не в полной мере демократична. Потому что боится стать жертвой политических манипуляций. Потому что той Варшавы уже нет, впрочем, она ему никогда особо не нравилась.

— Вы боитесь встречи с Польшей, — сказал писатель Томаш Яструн, автор «Культуры».

— Может, вы и правы...

Когда им привезли варшавские пончики от Бликле^[2], Гедройц и Зофья Херц были разочарованы: слишком светлые и вкус не такой, как до войны.

В «Автобиографии в четыре руки» он позволил себе трогательное признание: «Мне кажется, что свою жизнь я загубил. Я имею в виду не амбиции, а личную жизнь. Все, что я сделал, я сделал ценой личной жизни, которой у меня нет. Иногда это ощущение бывает довольно мучительным». Однако тут же добавил, что не мог бы жить иначе.

— Я против того, чтобы Гедройца представляли человеком, который посвятил себя делу и жалел об этом, — говорит Яцек Кравчик, сотрудник «Культуры» в 1985–2009 гг., после смерти Зофьи Херц в 2003 году ставший редактором журнала «Зешиты хисторичне». — Не знаю, что было его пружиной; знаю одно: многие годы она была так сильна, что когда ему приходилось делать очередной драматический выбор в своей жизни, в том числе личной, он всегда выбирал «Культуру».

Судьбу журнала после своей смерти он предопределил еще в 1952 году. Гедройц писал Мельхиору Ваньковичу: «Я все решил, и уже торжественно наказал Зосе, что никакого продолжения „Культуры“ не будет. Могут, если уж так надо, выпустить воспоминания, подвести итоги... Даже самые точные биографии все равно не спасут от искажений в зависимости от вкусов и потребностей».

Откуда в нем была эта уверенность, что Зофья Херц его переживет?

В середине 90-х годов он издал письменное распоряжение относительно содержания последнего номера «Культуры», возможного продолжения издаваемых с 1962 года «Зешитов

хисторичных», доступа к архивам, посмертной маски, погребения по католическому обряду и православной панихиды на девятый день после смерти. Душеприказчиком был назначен брат Хенрик Гедройц. В ящике стола дожидались смерти Редактора стихотворение Агнешки Осецкой, которое поэтесса посвятила ему много лет назад, и текст Вацлава Збышевского, также посвященный Редактору.

Он несколько раз попадал в больницу, но не хотел, чтобы кто-либо об этом знал. Худел, отказался от виски, не отрекся только от сигарет. Курил он с десяти лет.

Войцех Сикора, ныне руководитель «Литературного института», привез ему в начале сентября 2000 года на подпись полсотни писем по поводу очередного сбора денег на стипендии Фонда помощи польской независимой литературе и науке. Спросил, как дела, на что Гедройц, по обыкновению, ответил:

— Хуже не бывает.

Через два дня его забрали в больницу. Он умер во сне 14 сентября. Благодаря письмам, которые он успел подписать, стипендии выплачивались еще полтора года.

Стрелки часов, которые Эва Бербериуш получила в подарок от Редактора, остановились.

Он лежал в открытом гробу, в светло-голубой рубашке с шейным платком, высохший, сжавшийся, неказистый, словно бы его стало меньше. Только пространство, которое он наполнял собой в польской истории XX века и культуре Польши — продолжало расти и делалось огромным.

Дом в Мезон-Лаффите живет дальше, но производит впечатление автомобиля, из которого вынули двигатель. Он перестал быть политическим центром, местом паломничества многих людей. С 2010 года не выходят «Зешиты литерацке». Дом стал архивом, хранящим все, что касается Польши — журналы, не только русские и польские, но и выходившие в других странах-сателлитах, документы, связанные с пост-ялтинской Европой, собрания правительственных постановлений, вырезки из газет, переписку, рукописи... Это огромное книгохранилище. Центр работы ученых и журналистов. Место, где можно учить польский язык. Ковчег, который — если Европу зальет потоп — сохранит память о лаффитской Польше.

Солнечным днем, когда я просматриваю грудку писем в зимнем саду, а дом оплетают красный виноград и тишина, пространство понемногу пропитывается жизнью. Бумаги, которые несет невидимая рука, блуждают между комнатами, книги открываются, словно перелистываемые ветром, слышны шаги на лестнице, тихий голос в кабинете, из книги наплывает запах кофе и сигаретного дыма, в воздухе витают знакомые слова «великолепно», «надо полагать», «хуже не бывает»; *jardin d'hiver*^[3] постепенно заполняется.

В твидовом пиджаке и шейном платке Ежи Гедройц шагает за свежим номером «Le Monde», чтобы потом по-соседски зайти на бокал вина в ближайшее кафе. Или нет! Сегодня четверг, в городке рыночный день, так что он идет за овощами и мясом, а заодно цветами для кабинета. Кладет синицам в кормушку кусочек маргарина. Перед завтраком кормит белого петушка. Читает в клубах ментолового дыма. Порой ему докучает мигрень.

День начинается с его жалоб на то, какой скверный народ эти поляки.

— Дудек, вышвырни меня из кровати через двадцать минут, — просит он младшего брата Хенрика, отправляясь подремать после обеда.

Вечером старательно запирает ставни.

Зофья Херц, прекрасная, деловая и властная, в это время отчитывает Терезу Тораньскую, которая «на правах гостя» вычитывает корректуру.

— Сколько ошибок нашла? Тридцать? А я пятьдесят. Ты неправильно делаешь эти дырки, покажу тебе, — берет из рук Терезы дырокол и демонстрирует.

Из Мюнхена приехал Ян Новак-Езёраньский, директор польского отделения радио «Свободная Европа». Еще в дверях он оповещает с необыкновенной серьезностью:

— Пан Ежи, мы должны поговорить с глазу на глаз...

Привез бонбоньерку. Позже Зофья Херц комментирует:

— Интересно, кто ему ее подарил...

Ведь Новак-Езёраньский славится своей экономностью.

Прыжками вбегают по узким ступенькам на самый верх Константы Еленский, останавливаясь там, где Чапский обычно вешает новое полотно. Когда говорит о картине, тут же попадает в самую точку. Распространяет вокруг себя улыбки и изящество.

А Юзеф Чапский, рыжий, двухметровый, несется на скутере за ворота, в сторону вокзала, по длинной авеню де Пуасси, поглощенный своими мыслями, не реагируя на светофоры, как огромная птица, а за ним развивается его плащ, делая водителя крылатым.

Брюзжит с восточно-польским акцентом Ежи Стемповский, элегантный, с красивыми руками, в хорошо сшитом сером костюме с бабочкой.

Жизнелюб Зигмунт Херц смеется так, что трясется весь дом. Глыбообразный и твердый, как кремь, Херлинг-Грудзинский молча потягивает виски. Милош в ярости хлопает дверью. Гобрович надевает очередную маску. В калитку звонят: Кисилевский, Ват, Винценц, Осецкая, Колаковский, Михник, Орлось, Квасневский... И не могут отогнать от себя целой династии невоспитанных, ревнивых, несносных кокер-спаниелей: Блэка, Петруса, Блэка Второго и Факса.

Перевод Игоря Белова

Из книги «Jerzy Giedroyc. Do Polski ze snu», Świat Książki.
Warszawa 2009.

Книга выйдет в 2017 г. в Издательстве Ивана Лимбаха в Санкт
Петербурге

-
1. Гура-Кальвария (в переводе с латыни — Гора Голгофа) — город в Польше недалеко от Варшавы. Здесь в 1859 году поселился Ицхок-Меир Алтер, основатель династии цадиков — духовных наставников гурских хасидов. Вскоре после этого Гура-Кальварию прозвали «польским Иерусалимом», и на праздники сюда съезжались хасиды со всей Польши. — Здесь и далее примеч. пер.
 2. «Бликле» — варшавская кондитерская фирма, основанная в 1869 году Антонием Казимиром Бликле.

3. зимний сад (фр.)

Вы нужны нам еще больше!

Торжественная речь в честь Богумилы Бердыховской и Мирослава Мариновича

1 декабря 2016 г. Богумила Бердыховская и Мирослав Маринович получили премию Ежи Гедройца, присуждаемую газетой «Жечпосполита».

Богумила Бердыховская и Мирослав Маринович — лауреаты. А вместе с ними — Речь Посполита, Гедройц и 1 декабря. Лучше и быть не могло. Мы встречаемся ровно через 25 лет после того, как украинцы сказали «нет» Советскому Союзу. Стоило ждать с премией Гедройца для сегодняшних лауреатов добрых пару лет, чтобы прямо к этому событию история сложила нам сегодня целую мозаику годовщин и воспоминаний.

Уважаемые господа, редакция газеты «Жеспосполита» поставила передо мной весьма непростую задачу: произнести речь в честь моих друзей. В таких ситуациях рождается естественное искушение рассказать о забавных происшествиях, удариться в воспоминания и расплыться в благодарностях, — вот только то, что существенно, куда-то исчезает.

Первая ассоциация с сегодняшним торжеством: Политика и Дело.

Итак, речь пойдет о самых что ни есть серьезных вещах — о политике. Политике как призвании. Про Гедройца мы не говорим «министр» или «президент», да и писал-то он довольно мало, однако его «доктрину» приняло независимое польское государство. Это произошло ровно четверть века назад, когда Польша первой в мире признала Украину. Для современников контекст был ясен: мы не оглядываемся на империю, а сами суверенно принимаем решение. Интеллектуалу, сидящему за письменным столом, удалось повлиять на то, что польская внешняя политика вновь обретала силу.

Аналогично, до сих пор никогда не было случая обратиться к сегодняшним лауреатам: «г-жа министр», «г-н президент».

Однако мы, тем не менее, знаем, что оба они отнюдь не чужды политике. Поскольку действуют ради общего дела и верят в это дело.

В политике каждое общество нуждается в бескорыстии и скромности ничуть не меньше, нежели в красном ковре, по которому так любят ступать те политики, для кого это занятие является профессией. Бескорыстие незаурядных, уникальных людей облагораживает публичную деятельность. Оно особенно необходимо в такие времена, когда слово «политика» порождает у слышащих его людей все худшие и худшие ассоциации.

Бердыховская и Маринович — это люди миссии. Обоих лауреатов связывает между собой также и то обстоятельство, что они всерьез трактуют христианскую вдохновенность своей миссии. 30 декабря 1988 г. Иоанн Павел II провозгласил апостольское увещание «Christifideles laici» («Верные во Христе миряне»). Католик вправе не посещать партийные съезды и собрания, вправе не рукоплескать харизматическим лидерам на митингах, но не вправе спрятаться. То, что связывает Богумилу Бердыховскую и Мирослава Мариновича, — это их бескорыстная деятельность на публичном поприще как в хорошие, так и в плохие времена, сочетающаяся с большим гражданским мужеством, которое позволяет им встать перед людьми и сказать: «Это не тот путь».

Деятельность во имя дела. А каково же это дело? Речь идет о польско-украинских отношениях. Для поляков вопрос восточной политики является основополагающим, это вопрос польской независимости. Заниматься взаимоотношениями с Украиной — значит заботиться о свободе родины. Для украинцев взаимоотношения с поляками — это вопрос хорошего пути на Запад, вопрос подтверждения того выбора, который Украина на протяжении последних десятилетий подтверждала несколько раз. Но существует и общее, совместное дело — свидетельство перед лицом других народов Европы. Сюда входят и вопросы памяти. Сегодня мы очень нуждаемся в том, чтобы отличать память от злопамятности.

Вторая ассоциация: Свидетельство.

Богумила Бердыховская являет собой польскую интеллектуалку, подлинную гранд-даму тонкой мысли и тяжелой работы. Она вовлечена в создание фундаментальных основ польской восточной политики еще со времен демократической оппозиции. Поначалу пани Богумила действовала в одном из самых сильных центров оппозиции,

сосредоточенных вокруг Люблинского католического университета, затем в качестве эксперта Гражданского комитета. Принимала участие в одной из самых важных дискуссий о польской восточной политике, которая велась в 2000 г. на страницах еженедельника «Тыгодник повшехны». Ее тексты на данную тему стоят в одном ряду с мощной публицистикой Бончковского, Меровского или Милоша. Богумила Бердыховская стояла у истоков самой существенной польской художественной стипендии для молодежи из регионов, предоставляемой под эгидой и в рамках Национального центра культуры. Она не ищет признания широкой публики. Ее научные труды, в том числе выполненные *pro bono*^[1] и, как правило, вне системы официальной науки, характеризуются наивысшим возможным уровнем издания исключительно важных для польской науки исторических документов. Достаточно упомянуть только три последние позиции: «Ежи Гедройц. Украинская эмиграция. Письма 1950–1982 гг.», ред. Б. Бердыховская, издательство «Читательник», Варшава 2004; «Польша–Украина. Осадчук. Юбилейная книга, преподнесенная профессору Богдану Осадчуку в 85-ю годовщину его дня рождения (совместно с Олей Гнатюк)», издательство Университета Марии Склодовской–Кюри, Люблин 2000; «Украина. Люди и книги», издательство Коллегиума Восточной Европы, Вроцлав 2006.

Мирослав Маринович — общественный деятель, соучредитель украинской Хельсинкской группы и «Эмнести Интернэшнл» в Украине, президент украинского ПЕН-клуба, проректор Украинского католического университета во Львове, писатель и журналист, издатель, историк Церкви. За протест против советской власти был в 1987 г. арестован и приговорен в Советском Союзе к 7 годам исправительных работ и 5 годам ссылки. Маринович — важный свидетель испытаний в эпоху тоталитаризма, равно как польско-украинского примирения. Это друг Польши, причем и в том смысле, что он, не колеблясь, говорит нам правду, если наши польские пороки мешают ему работать.

Таким образом, мы добрались до третьей ассоциации. Это работа.

Обоих лауреатов мы знаем как людей, которые, попросту говоря, многое сделали в своей жизни и которым еще многое предстоит сделать.

Четверть века назад мир раскачивался в ритме песни «Wind of change» («Ветер перемен») группы «Скорпионы» и напевал:

Мир становится теснее.
Разве ты мог бы подумать,
Что однажды мы станем близки, словно братья?
А будущее в воздухе висит,
И я чувствую, как его разносит ветер перемен.

Помните ли вы начало декабря двадцать пять лет назад? А 1989 год помните? Или свои надежды на лучший мир после распада Советского Союза, после того, как закончился коммунизм — помните? Дорогие господа, а вы? Все ли эти надежды сбылись? Не слишком ли быстро мы забыли печали коммунистических времен и радости свободы? То, о чем мы мечтали тогда, еще предстоит реализовать.

Г-жа редактор, г-н профессор, именно поэтому вы нужны нам, мы взаимно нужны друг другу и, быть может, даже больше, чем нам кажется. Ведь столько надо сделать.

Вот бы обрадовался Ежи Гедройц! Оргкомитет и жюри премии не могли сделать лучший выбор: политика и дело, свидетельство и работа. Причем так — всю жизнь. Да возрадуется Речь Посполита! Да здравствуют Богумила Бердыховская и Мирослав Маринович!

Перевод Евсея Генделя

Павел Коваль (р. 1975) — историк, член жюри и лауреат вышеуказанной премии, в 2006–2007 гг. зам. министра иностранных дел.

 RZECZPOSPOLITA

Выписки из культурной периодики

Я пишу эти строки, когда в стране разворачиваются политические игрища, растет напряжение между властью и оппозицией, включая парламентскую, когда люди выходят на улицы с демонстрациями, одни за, другие против (последних больше — во всяком случае, пока). Вдобавок приближается Рождество и заканчивается год. А я, как всегда в таких обстоятельствах, сижу, уткнувшись в газеты, что не значит, что нет в них взглядов, которое я мог бы разделить, что весьма важно, поскольку людям случается публично высказывать мнения, которые частным образом им вовсе не по сердцу, но каждый знает, что хлеб даром не дается. Мне обзоры прессы тоже кое-что приносят, хотя гонорар за это дело не то чтоб сказочно высок. Однако не жалею, я преподаю в университете и зарплату получаю довольно приличную, хотя, конечно, куда меньшую, чем мои коллеги в университетах Берлина, Брюсселя или Парижа, не говоря уже о Гарварде.

Читатели старших поколений помнят, наверное, с пятидесятых и более поздних годов краковский еженедельник «Пшекруй», имевший в свое время в Советском Союзе много читателей. Некоторые из них специально изучали польский язык, чтобы «Пшекруй» не только выписывать, но и читать, — поскольку издание было чрезвычайно интересным, на его страницах появлялись фрагменты французской, американской, испанской или итальянской прозы, недоступной в те годы на территории, окружающей московский Кремль. «Пшекруй» старался быть окном в западный мир. После 1989 года издание претерпело немало превратностей судьбы, чтобы через несколько лет, увы, исчезнуть с рынка. И вот возрождается — как ежеквартальный журнал. Только что появился его первый (в старой нумерации 3556) выпуск, датированный «декабрь 2016 — февраль 2017». В заметке «От издателя», подписанной главным редактором Томеком Невядомским, читаем: «Поиск идей для новой концепции мы начали с систематизации и просмотра старых публикаций. Здесь мы нашли подсказку, что делать дальше. Мы проникались атмосферой издания, знакомились с лучшими его авторами — литераторами и художниками. И это оказало решающее влияние на главное решение: «Пшекруй» будет

изданием ежеквартальным. Мы отказались от того, чтобы находится в стремнине сиюминутных событий, отдавая предпочтение выдержавшим проверку временем, нетривиальным текстам, красивым, остроумным иллюстрациям, создавая журнал силами небольшого, сплоченного редакционного коллектива. Следующих два года у нас ушло на работу над художественным оформлением, макетом и пробным, нулевым номером, мы получали авторские права на архивные материалы, создавали страницу в интернете и искали «пшекруевских» редакторов и авторов. Дополнением к выходящему раз в три месяца журналу будет интернет-страница, которую мы запустим весной. Большое значение имеет также разработка программы для фонда «Пшекруя», благодаря которому он станет чем-то большим, чем только журнал».

Следует признать, что это проект, задуманный с приличным размахом, а одновременно демонстрирующий, с какими проблемами будет сталкиваться новая редакция, — как минимум, двумя поколениями моложе отцов-основателей «Пшекруя», но стремящаяся сохранить преемственность с тем, что можно, учитывая довольно радикально изменившийся контекст, назвать доминантой прежнего издания. Не подлежит также сомнению, что решение отказаться от присутствия «в стремнине сиюминутных событий» для выходящего раз в квартал издания хотя и вполне понятно, но одновременно противоречит принципу актуальности: ведь «Пшекруй» всегда был чем-то бóльшим, нежели отвлеченным, академическим журналом, — и это та ценность, от которой, пожалуй, не стоило отказываться. С другой стороны, что же такое та самая «актуальность»? Над этим полезно задуматься при чтении пространного, озаглавленного «Homo scribens» интервью с Борисом Акуниным (вот я повел речь об актуальности — и получил из Щецина эсэмэску с информацией о демонстрации под лозунгом «Остановим наглость властей»). Акунин говорит: «Я все время себя упрекаю. Жорж Перек написал роман, ни разу не употребив букву «е». У Сергея Довлатова в одном предложении ни одно слово не начинается на одну и ту же букву. Это прекрасные задумки — они заставляют писателя искать новые решения. Полифония тоже из таких приемов: когда история главного героя рассказывается с точки зрения побочного персонажа. Я часто этим пользуюсь — и тогда чувствую, что должен писать, как кто-то совсем иной. Я стараюсь также менять жанры. Наряду с детективным сюжетом выстраиваю в моих книгах второй детектив, филологический, никоим образом не связанный с главной сюжетной линией. Я переворачиваю мифологические сюжеты,

апеллирую к Дюма, Толстому или Достоевскому. Не задумываюсь, насколько это для читателя удобоваримо. Мне просто важно то, чтобы каждая книга была для меня вызовом. И это еще одна причина, по которой я должен как можно скорее расстаться с Фандориным. Он меня, я думаю, поймет. Мы оба считаем, что человек должен полноценно прожить свою жизнь. Только тогда тот самый, последний этап станет самым лучшим этапом. <...> Полноценно прожитая жизнь — это такая, когда каждая следующая фаза оказывается лучше предыдущей. При переходе от одной к другой всегда что-то теряется, но что-то и приобретается. Важно, чтобы то, что приобретается, было интереснее того, что потеряно». И наконец: «Детектив — это литература легкая, развлекательная, мне уже отчасти неловко ею заниматься. Как Пушкин писал: «Лета к суровой прозе клонят». Я начал писать историю России. <...> Потому что я не понимаю мою страну. Когда в России появился шанс перемен, я включился в диссидентское движение. Хотя суть моей жизни — это путешествия, я в течение долгого времени оставался в России, поддерживая демократическую оппозицию. В конце концов я понял, что мы не изменим Россию силой. Я уже не знаю никого, кто поддерживает Путина. Никого, кого он мог бы убедить в своей правоте. Но народ по-прежнему его поддерживает и глух к моим аргументам. Я пришел к выводу: чтобы народ понять, я должен возвратиться к самому началу».

Захватывающе любопытно: совершая свой возврат, Акунин найдет начало в Великом Новгороде или в Киеве?.. Но вот что совершенно точно: к началам всегда стоит возвращаться, и несомненно, это всегда будет чем-то «актуальным», хотя зачастую далеким от присутствия «в стремнине сиюминутных событий». Я себе такую роскошь позволить не могу: действительность все равно о себе заявит. Вот под заголовком «Поляки, будем любить друг друга чуть больше» на страницах еженедельника «В сети» (№ 51/2016) появилось большое интервью с премьером Беатой Шидло, в котором можно прочесть, между прочим, комментарий к нынешним событиям: «Давайте посмотрим на последние дни, на эту агрессию и одичание, полное паденье нравов, которое мы наблюдали на Краковском Предместье. Все эти нападки на политиков «Права и справедливости», на смоленские семьи... <...> Это события, которые уже не вмещаются ни в какие рамки. И я думаю, что правы те, кто говорят, что это не случайность. Эта волна ненависти, которая выплескивается в интернете, вездесущность агрессии, скандалы, провоцируемые один за другим, — все это просто попытка свалить правительство и аннулировать итоги выборов. У меня по этому поводу нет никаких сомнений. <...> Устраиваются провокации, такие как

осквернение памятника Павшим рабочим верфи. Эскалация эмоций во время ежемесячных церемоний в связи со Смоленской катастрофой, заявления о блокировании праздничных мероприятий, пренебрежительное отношение к празднованию годовщины введения военного положения, низведение его до определения «культурное событие». Все должно быть расшатано, все должно быть неустойчивым, единство должно быть уничтожено, а поляки разделены как никогда. Подстрекательство к очередным скандалам — это осмысленное деяние тех, кто не уважает демократические выборы. <...> Это попытка убедить поляков, что правительство не справляется, что оно слабое, бездарное: что ПИС хочет какой-то диктатуры, что ведь абсурд и глупость. Каждое наше предложение выставляется как опасное, угрожающее, вредное. Я хочу заставить людей задуматься: так ли это на самом деле? <...> Мы должны донести четкую информацию, что денег достаточно. <...> Мы проводим перемены, которых жаждали поляки, когда мы встречались с ними в предвыборной кампании. Бюджет стабилен, у нас хорошая программа. Мы держим слово. Думаем прежде всего о людях. <...> Но у нас оппозиция, которая не любит Польшу. Понимаю, что это очень сильно сказано. Но говорю это затем, чтобы остановить тех, кто сеет деструкцию. Чего они хотят добиться, устраивая очередные агрессивные спектакли против Польши в Европейском парламенте? Мы можем отличаться друг от друга, но мы поляки, а Польша — наша общая родина. Мы заботимся о ней. Оппозиция не хочет сотрудничать. Она питается конфликтами и ссорами. <...> Нашим противникам не на что надеяться, потому что они воюют за свои привилегии, защищая всю систему, построенную после 1989 года. Мы не можем себе позволить быть втянутыми в эти потасовки».

И в заключение — финальная часть диалога Эустахия Рыльского и Анджея Стасюка, который, под заголовком «Этот зверь комфортно разлегся», опубликовал еженедельник «Newsweek» (№ 52/2016 — 1/2017). На последний вопрос: «Вы боитесь за Польшу?» писатели отвечают так:

«Эустахий Рыльский: Сейчас можно занимать позицию либо соглашательскую, либо непримиримую. Или «pro» или «contra». Нейтральная позиция, в принципе, соглашательская. Если ты в стороне, то ты с властью. А поскольку я как огня боюсь быть заподозренным в аффекации, то скажу, что ситуация еще не угрожающая, но она крайне раздражает.

Анджей Стасюк: Слушать несимпатичных людей, скверно говорящих по-польски, — да, это раздражает. Но в целом вся ситуация меня увлекает: что же из этого получится?

Э.Р.: Как что? Испохабят неплохую страну, а что испохабят — это уж наверняка, как «аминь» в молитве. До чего дотянутся, перепортят, а если не испортят — значит, не дотянулись. Польша — это страна невыносимых людей, но с недюжинным талантом жить. Лишь бы нам не остаться только лишь с первым из названного.

А.С.: Я помню это страну еще более испоганенной, но, конечно, сегодня нами правят те, у кого нет таланта жить».

Что ж, скоро будет в основном известно, что из этого получится. Меня только одно во всем этом раздражает: прав был тот китаец, кому принадлежит авторство проклятья: «Чтоб ты жил в интересные времена». Еще недавно можно было питать надежду, что времена наконец перестанут быть интересными, а возможный дефицит эмоций будет легко восполнить чтением или походом в кино. Пока что мне все еще приходится пребывать «в стремнине сиюминутных событий», и никак не похоже, что я из этой стремнины выберусь. Тем более, что в такой период я, подобно Акунину, как-то не испытываю охоты к дальним странствиям, хотя и принадлежу, скорее, к кочевому племени, чем к оседлому.

Станислав Оссовский

«Кажется, этот человек достиг того особого состояния мыслей и самостоятельности в суждениях, которое в наше время встречается нечасто и является — как мне кажется — не только его личным достижением, но и общественным благом всего нашего сообщества» — написал в 1963 году, уже после смерти Станислава Оссовского (1897–1963) его ученик Ян Стшелецкий. Автономию Стшелецкий понимал в категориях личной ответственности, как самостоятельное осмысление окружающей действительности.

Оссовский жил в трудные времена, оставаясь человеком творческим, увлеченным и автономным. В конце 30-х годов он опубликовал исследование «Социальные связи и наследие крови», посвященное анализу этнических мифов (в том числе мифа национального социализма). Ученый участвовал в военной кампании 1939 года, а во время оккупации преподавал социологию в действовавшем подпольно Варшавском университете. После войны он какое-то время работал в Лодзинском университете, потом вернулся в Варшаву. Во время сталинских репрессий его не допускали к университетской дидактике, к преподаванию он смог вернуться лишь с началом оттепели в 1956 году.

Станислав Оссовский активно участвовал в польской и международной научной жизни: был председателем Польского социологического общества, заведовал кафедрой в Варшавском университете, его книжки переводились на иностранные языки. Он не создал собственной «школы», понимаемой как группа, сплоченная вокруг единой методологии, но собрал вокруг себя круг единомышленников. Его научное творчество носило междисциплинарный характер: кандидатскую диссертацию он защищал по семантике, докторскую — по эстетике, в более поздних работах он разрабатывал вопросы из области методологии, общественной психологии и теории культуры с социологическим уклоном (в частности, «Классовая структура в общественном сознании», 1957, «О специфике общественных наук», 1962, «К вопросу об общественной психологии», 1967).

Сам он свою разносторонность воспринимал как некое непослушание: «Научный работник — это такой человек, в профессиональные обязанности которого входит отсутствие

послушания в мышлении. В этом суть его общественных обязанностей, чтобы, исполняя свои служебные обязанности, не быть послушным в мышлении [...]. Таким образом, послушно пишущий научный работник в сущности исполняет функции чиновника или оратора, а притворяется человеком, принявшим на себя роль пионера правды» («Тактика и культура», 1956). Этот текст Оссовский написал осенью 1955 года, а опубликовал лишь в марте 1956 года. И хотя место для него нашлось на волне перемен, ученый считал, что «несмотря на прошедшее время статья не потеряла актуальности, поскольку поднимаемые в ней вопросы не касаются некоего одного периода или некой одной страны. Если изменились принципы культурной политики, если изменилось отношение к действительности широких кругов нашего общества, то привычки и умственные навыки, формировавшиеся в течение многих лет, так быстро не меняются, не исчезли и результаты воспитательных методов, стремящихся превратить человеческий череп в акустический резонатор». Оссовский всегда оставался увлечённым и самостоятельно мыслящим ученым.

Из манихейских настроений

Из манихейских настроений

Фрагмент, который я сегодня отдаю в печать, был написан в 1943 году. Заголовок тоже взят из того времени. Страницы рукописи по случайности не были уничтожены во время событий 1944 года. Обнаружил я их недавно, за исключением одной, место которой обозначил точками. Я не вношу в текст никаких изменений, рассматривая рукопись как послание из тех дней.

Если вечером, возвращаясь по темным улицам Варшавы, мы поднимем взгляд выше, нам откроется нечто такое, что нелегко было увидеть с этих улиц до войны: темное небо и искрящиеся звезды.

До войны в Варшаве их не было видно в таком количестве и в таком блеске. Мягкий свет дуговых ламп и кричащий неон разливали над городом красновато-лиловое зарево, заслонявшее небесный свод от глаз жителя. Если сквозь это зарево удавалось пробиться Юпитеру либо Сатурну, если улиц больших городов достигали порой более яркие звезды, то достигали без великолепия: в виде светлых точек среди тысяч других светлых точек, которые зажег в своей метрополии человек.

Большой город в своей обычной жизни прерывал связь с вселенной. Сегодня вселенная с наступлением ночи предстает глазам жителей столицы более проникновенно, нежели в лесу или в деревне, ибо ее вечность представляет собой волнующий контраст по сравнению со столь красноречивой брэнностью города. Этот контраст пропадает, быть может, среди руин Медовой, Трембацкой или Свентокшиской улиц, которые, хотя и сами являются еще свежим свидетельством эфемерности людских дел, приобретают под черным небом особую экспрессию, как будто бы перешли из современности в состояние безвременья.

Вселенная, искрящаяся над ними на черном небе нынешней Варшавы, проявляется не только в голубом свете молодой, прекрасной Веги или Альтаира, не только в красноватом

свечении старого Арктура, не только в так хорошо известных нам формах Большой Медведицы или Креста Лебедя. Даже мельчайшие жемчужинки Плеяд видны каждая по отдельности, а посреди неба причудливым руслом течет Млечный Путь, огибая темные мели, Млечный Путь, который сегодня бьет в наши зрачки лучами, посланными его звездами во времена Цезаря.

В какие-то моменты, на минуту остановившись у стены дома на более тихой улице и вглядевшись в созвездия, мы, возможно, сумеем силой воображения разбить небесный свод и бросить эти светящиеся точки в трехмерное пространство, чтобы они висели над нами, одни ближе, другие дальше; быть может, нам удастся ощутить глубину неба, сквозь которую миллиарды лет движутся звезды, сквозь которую миллиарды лет движется их свет.

Вопреки всей напряженности актуальных событий, благодаря войне мы освоились с вечностью. Не только потому, что над Варшавой видны черные глубины вселенной. К вечности приблизил нас и навязанный военными событиями способ восприятия времени. Может быть, это звучит излишне патетично, ведь и теперь в протекании дней и ночей мы обычно не замечаем ничего такого торжественного, обладающего ароматом вечности.

И все же время вышло из борозды — в ином значении, нежели время, о котором говорил Гамлет. С того сентября проходят месяцы и годы, не включенные в поток нашего частного времени. Время течет вне нас — в Европе, в Азии, в Америке — обозначая свое течение хронологией исторических событий. Но время, которое является временем нашей личной жизни, утратило свое измерение, свою направленность. Мы живем бессрочно. Не планируем недель, месяцев и лет. Не следим за равномерным движением невидимой перегородки, отделяющей прошлое от будущего. Не оглядываемся с сожалением на час, день, месяц, падающий в прошлое. Мы ждем момента, который наступит не известно когда. Мы существуем. Существоем вне времени, несмотря на то, что столь многое происходит во времени. Это немного похоже на существование в тюремной камере, где заключенный тоже живет вне потока своей обычной жизни.

Но заключенный может считать дни, отделяющие его от того момента, когда его время вернется в свою борозду. Обитатель сегодняшней Варшавы ждет без сроков. Или, скорее, и он ставит себе сроки: ждет ближайшей весны, а потом ближайшей осени, но это сроки, которые не врастают в действительность,

которые минуют один за другим, не сдвигая времени. Из безвременного существования удалось выбраться лишь тем, кто уже сейчас поставил перед собой более или менее отдаленные задачи и отмеряет время продвижением в их реализации. Но и они не могут полностью освободиться от ожидания событий, которые не зависят от них, и они знают жизнь на обочине времени, на той обочине, которая не имеет измерения, словно какая-то временная вечность.

Вечность приблизилась к нам еще по одной причине. Ее приблизило ежедневное соприкосновение с категориями бытия и небытия. Конец жизни перестал быть каким-то отдаленным событием, о котором знаешь, что оно должно когда-то наступить, но знаешь лишь теоретически, как будто не очень в это веря.

В течение последних лет у людей иногда бывает ощущение, словно они плывут на бревнах от разбитого корабля, всё новые из которых поглощаются волнами. Кто доплывет? Если у кого-то есть желание, можно смотреть на это как на игру в кости.

Это совсем не то, что свыкнуться со смертью солдату на фронте: здесь вопрос бытия и небытия проникает в обычные нормальные жилища, впитывается в повседневный образ жизни. А речь идет не только об уничтожении отдельных людей. Мы живем среди всяческих возможностей. Мы видели уничтожение зданий, коллекций, институтов, неоднократно возникала перспектива гибели всей цивилизации. Июнь 1940 года у некоторых ассоциировался с такими событиями, как упадок древнегреческой или римской культуры. Были такие, кто не захотел пережить то, что по их убеждениям представляло собой уничтожение всего мира культурных ценностей, к которым они были привязаны.

Усталость от такой жизни на бревнах с разбитого корабля у многих вызывала сильную ностальгию по тому, что было. Некоторые, кажется, доходили до предела нервной устойчивости. Можно, однако, привыкнуть к непостоянству всего земного, как можно привыкнуть к жизни на склоне вулкана, по которому однажды потечет раскаленная лава. Результатом такого привыкания может быть апатия, может быть состояние нирваны, может быть умение не думать о возможной угрозе. Есть такие, у которых в качестве альтернативы нирване рождается своеобразный максимализм.

Vivere non est necesse^[1]. Жизнь сама по себе не является чем-то настолько уж важным, и переход в состояние неорганической материи не настолько уж важен. Жизнь важна как

возможность переживать и делать что-то, ради чего стоит жить. И поэтому прав был Ювенал, дивясь людям, которые ради спасения жизни готовы были пожертвовать всем, что придает жизни прелесть и ценность, людям, которые готовы были *propter vitam vivendi perdere causas*^[2].

Нынешние условия, приучившие нас к перспективе небытия, способствуют такому максимализму. Состояние нирваны не уступит с легкостью каким-то возможным событиям. Перспектива возвращения в тот мир, в котором застал нас день 1 сентября 1939 года, это слишком слабая конкуренция. На фоне таких настроений жажда жизни — это жажда полноты жизни в возрожденном мире. И сегодня, на четвертом уже году войны, когда людям, плывущим на этих бревнах, суша кажется все ближе, у некоторых появляется страх уже не перед тем, что они не доплывут до суши, а перед тем, что, доплыв, они убедятся, что доплывать не стоило. Жажда жизни слилась с жаждой общественного возрождения.

Уже тысячи лет в периоды исторических катаклизмов, в периоды массовых несчастий, в периоды упадка, развала общественного уклада, обретают голос мечты о великом дне: вера в уже близкий переворот, который сметет старый, порочный мир, чтобы открыть эру справедливости, любви и счастья. Ожиданием новой эпохи, ожиданием дня, который принесет миру возрождение, пронизана история человечества.

Такое ожидание переворота, который должен изменить лицо мира, распространяется у евреев во время вавилонского пленения, чтобы впоследствии постоянно возвращаться в дни несчастий и гроз. Переворот во вселенском масштабе должен был принести освобождение еврейскому народу, причем сосуществовали две принципиально различные версии этой будущей эпохи. Одни ожидали возмездия для обидчиков и господства избранного народа над всем миром. Другие верили, что это будет эпоха всеобщей справедливости и братства, в котором будут участвовать все народы: «Тогда волк будет жить вместе с ягненком, и барс будет лежать вместе с козленком». «И перекуют мечи свои на орала, и копья свои — на серпы; не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать» (Исаия II, 4).

Первоначальное христианство, пролетарское и коммунистическое христианство в вырождающемся Риме, не менее сильно верило в скорое второе пришествие Христа, который должен был основать тысячелетнее Царство Божие на земле, свободное от проклятия первородного греха. И эта вера

немного в другой версии не раз вновь воскреснет в средневековье, находя опору в Вечном евангелии Иоахима Флорского, где обещано близкое наступление Третьей Эпохи, эпохи Святого Духа, которая будет веком свободы, мира, единения. Этой эпохи ожидали еретики XIII столетия и чешские адамиты периода гуситских войн. За нее сражались сторонники Мюнцера в крестьянской войне в Германии и анабаптисты из Мюнстера. Новую эпоху, эпоху свободы, равенства и братства, должна была принести Великая французская революция. Новую эпоху, которую должно было открыть возрождение Польши, провозглашали польские мессианисты после 1831 года.

А когда в борьбе с могуществом европейского капитализма родился современный социализм, то веру в конечную победу и силы для борьбы дала трудящимся массам доктрина Маркса и его последователей: о грядущем бесклассовом и безгосударственном обществе, которое появится после дней великого переворота, и которое будет царством свободы и равенства, где производство, не зависящее от погони за прибылью, обеспечит благосостояние всем жителям земли, а человек, освобожденный от бремени экономических забот, наконец-то сможет развить до небывалых высот поистине свободную, бесклассовую уже культуру: науку, искусство, технику, сосуществование. С иудейской и христианской эсхатологией социалистическую доктрину связывало и убеждение в том, что это царство свободы наступит после сокрушения владычества Антихриста в рационализированном образе капитала, сконцентрированного в руках немногочисленных магнатов. Если же религиозная эсхатология черпала свою уверенность из божественного откровения, то эсхатология социалистическая ссылалась на авторитет науки, верность ее предсказаний должна была следовать из неопровержимых исторических законов. Этой верой питались массы. Эта вера вела русского рабочего к победоносным битвам во имя революции.

Нынешняя война — в особенности на территории Польши — создала весьма благоприятные условия для эсхатологических ожиданий. Если новой эпохе должно предшествовать господство Антихриста, то более убедительных событий, чем те, что сейчас происходят на польской земле, просто не найти. В соответствии с древними религиозными шаблонами, Антихрист не только губит тела, но и растлевает души, делая отдельных узников в концлагерях охранниками для своих же товарищей, снаряжая целые команды для охоты на людей, заставляя побежденных вешать своих соотечественников.

Все это согласуется с духом древних эсхатологических пророчеств. Но современный человек не так уж склонен к эсхатологии. Слишком многое почерпнул он из исторических аналогий. Слишком хорошо знает, что уже десятки, сотни раз верилось, будто наступает переломный момент, верилось, будто приближается эта новая эпоха освобождения, братства и справедливости — а тем временем, новая эпоха так и не наступала. Менялись лишь формы угнетения, менялись лишь формы унижения, менялся лишь объект ненависти или презрения.

К скептицизму особенно склонно поколение, пережившее предыдущую мировую войну и ее последствия. Ведь она должна была стать последней войной в истории человечества. Ведь освобождение Польши — как верили те, кто был еще вскормлен романтизмом — должно было нравственно возродить нацию и одновременно открыть период братства народов.

Социалистическая эсхатология также потеряла жизненность. Правда, все больше становится людей, убежденных в необходимости изменения экономического строя. Но если говорить о широких перспективах моральных и культурных преобразований как автоматических следствий смены строя, то скептицизм прогрессировал и здесь.

Считалось, что источником всяческого социального зла является молох капитализма, что с его свержением обретут свободу индивидуумы, обретут свободу народы, исчезнет бедность и унижение человеческого достоинства, жизнь приобретет новую привлекательность. Сегодня у нас есть причины бояться, что на месте одного чудовища может появиться другое, что таким чудовищем может стать Государство, даже независимое от частного капитала, что по-настоящему новый строй могли бы реализовать только новые люди. То же, что мы видим вокруг себя, не убеждает, что именно сейчас происходит формирование нового человека.

Того, что мы видим вокруг себя, скорее, достаточно, чтобы разбить вдребезги веру, которой питалось три или четыре поколения до нас: веру в прогресс, происходящий самопроизвольно под воздействием исторических законов. От этой веры у нас осталась лишь убежденность в техническом прогрессе, головокружительный темп которого ни у кого не может вызвать сомнений; но наши отцы, верившие в нравственный прогресс, в постоянное совершенствование обычаев и сознания, сегодня кажутся наивными оптимистами.

Поэтому у максималиста, желающего жить без иллюзий, сегодня трудная задача. Он должен выстоять на своем посту, не возбуждаясь наркотиком веры в прогресс, не возбуждаясь наркотиком веры в человека.

Веры в человека? В этом отношении, возможно, не от всего придется отказаться во имя трезвости, если отбросить трусливую веру во врожденную доброту человеческой природы, и не наводить никакой розовый туман, заслоняющий действительность.

Блуждая по улицам Варшавы, мы забрели в межзвездное пространство и в закоулки далеких веков. Прогулка по сегодняшней Варшаве позволит нам глубже вникнуть в некоторые древние концепции религий Востока.

Согласно манихейскому учению, человек был сотворен Сатаной из элементов света, которые Сатана выкрал у Светлого Бога, и из элементов тьмы, которые были извечным наследием Сатаны. Старшая на несколько столетий религия Зороастра представляла сотворение человека несколько менее пессимистично, но и по ней человеческая природа появилась как результат столкновения враждебных друг другу добрых и злых сил.

Дуализм этих религий имеет сильную психологическую основу. Очевидно, поэтому он нашел столь заметный отклик в иудейских и христианских концепциях. Легко поверить, что человек — это творение как светлого Ахура Мазды, так и черного Ангра Манью, легко поверить в участие Сатаны в формировании человеческой природы, когда так часто имеешь возможность наблюдать у одного и того же человека как проявления расчетливого эгоизма, так и способность к самопожертвованию, когда так часто видишь, как в одном и том же человеке сочетается склонность к любви со склонностью к ненависти, даже к бескорыстной ненависти.

А ярче всего такие противоречия проявляются именно тогда, когда какая-то человеческая группа вытолкнута из нормальных условий, когда перестают действовать давнишние обычаи, а старые простые нравственные критерии уже не могут применяться автоматически в новых обстоятельствах.

Опыт военных лет в этом отношении особенно богат. Мы видели, как искренний героический жар уступает место жалкой трусости, а преувеличенное чувство собственного достоинства капитулирует перед заботой о хлебе насущном или даже будущем. Мы видели людей, у которых самая зверская

жестокость сочетается с нежностью к друзьям, семье, детям, даже к чужим детям. Видели людей, безразличных к чужому горю, сочувствующих страданиям, у которых вид несчастья обычно не только вызывал сильное волнение, но и побуждал их к немедленному оказанию помощи, видели, как они с равнодушием воспринимали вести о самых жестоких истязаниях множества беззащитных обитателей того же самого города.

На самом деле, такое равнодушие может иметь самую различную подкладку. Безмерность страданий, которые видишь вокруг, массовость несчастий, обрушивающихся на близких и далеких людей, довольно часто вызывает притупление чувствительности. Впрочем, в таких условиях человек порой сознательно учится выборочности своего сочувствия, учится не слишком переживать из-за дел, в которых ничем не может помочь, потому что иначе он лишился бы нервной устойчивости и растратил — в значительной мере бесплодно — силы, которые в других случаях мог бы использовать несравненно полезнее. Но, говоря здесь о безразличии к горю, я имел в виду тех, у кого безразличие имеет иной характер. Впрочем, оно бывало чем-то бóльшим, нежели безразличие: иногда в таких порядочных, в общем, личностях, искренне исповедующих принцип любви к ближнему, можно было прочесть удовлетворение — более или менее замаскированное вследствие привычных моральных норм или опасений неодобрения окружающих. А происходило так потому, например, что эти подвергаемые мучениям и уничтожению земляки были евреями.

Из концлагерей доходили сведения, что узник, назначаемый надзирателем над заключенными, порой становился по отношению к доверенным его попечению товарищам более жестоким и далеким от сочувствия их доле, нежели профессиональный надзиратель, который никогда не был заключенным. Такие метаморфозы случались даже с политическими заключенными, у которых в прошлом хватало актов самопожертвования ради других.

Когда на нас обрушивается болезненный опыт, когда мелочность и подлость человеческих деяний отбирает у социальных отношений всю привлекательность, когда на каждом шагу мы сталкиваемся с людьми, наживающимися на чужом горе, когда с трудом отгоняешь навязчивую мысль о том, что человеческая жизнь это не прекрасный цветок, который произвела земля в напряжении созидательных сил, а злокачественный рак, точащий древнюю, благородную

оболочку нашей планеты — именно тогда на помощь нам может прийти манихейская доктрина о двойственности человеческой природы. В современной и более психологической форме она трансформируется в убежденность в полиморфизме человеческой личности.

Один и тот же человек может быть и таким, и эдаким. То, что мы наблюдали в тех людях, это лишь определенные их ипостаси, несчастные ипостаси, которые в силу обстоятельств одержали верх и управляют их действиями. Ведь это не всё: личность этих людей скрывает возможности, которые лишь изредка проступают сквозь их повседневный облик, причем так слабо, что их можно, скорее, предчувствовать, нежели заметить; но в иных условиях возобладать могли бы именно они, а тогда те же самые люди предстали бы перед нами совсем другими.

Психические возможности, на которых хотелось бы основать свое представление о новом мире, проявляются и сегодня: они проявляются в исключительных личностях, в исключительном окружении, либо в исключительных состояниях обычных людей. Эти относительно редкие проявления свидетельствуют о том, что наши устремления не выходят за пределы сферы действительности. Исключительные люди — а тем более исключительные моменты в жизни обычных людей — это существенный аргумент. Диапазон человеческих возможностей ни в коей мере не ограничен лишь тем, что в данный момент наиболее распространено. Если мы встанем на почву убеждения в человеческом полиморфизме, то можем ожидать, что установки, скорее, исключительные для нашего времени, могли бы в других обстоятельствах распространиться настолько, что наложили бы свой отпечаток на формирование общественной жизни в целом. Вопрос в том, как создать условия, которые извлекли бы наружу скрытые возможности человека и совершили бы переворот в структуре его психики; как создать такую систему облучения, которая вызовет смещение оси кристаллизации в нашей личности.

Представление о человеческом полиморфизме, о том, что диапазон человеческих возможностей распространяется настолько далеко, насколько простираются пусть даже самые исключительные установки и исключительные виды поведения — позволяет занять максималистскую позицию, не закрывая глаз на реальность. Конечно, в такой позиции присутствует рискованность. Но максималист, чей максимализм укрепился в соприкосновении с нирваной,

должен быть рисковым человеком, причем таким, который готов ставить даже на один шанс против ста.

Риск имеет свою хорошо известную притягательность. Предыдущие поколения верили, что новый, более совершенный мир должен появиться независимо от чьей-либо воли, ибо таков детерминизм исторических законов: человек своими сознательными действиями может лишь ускорить либо замедлить наступление перемен. Эта уверенность уменьшала груз ответственности, но, в то же время, для многих представляла собой стимул к действию: им приятно было ощущать себя борцами за дело, в победу которого они непоколебимо верили.

Сегодня мы не знаем, повернет ли история к таким социальным формам бытия, в которых хотелось бы жить. Может случиться так, а может иначе. Приступая к борьбе, мы можем стать борцами за проигрышное дело — как столькие наши предшественники. Но зато там, где существуют разные возможности, участие каждого увеличивает шансы того дела, за которое он борется. А уверенность, что от каждого из нас зависит степень вероятности того, что мир, что человек преобразится в том, а не ином направлении — даже если бы эта вероятность была вообще незначительной — для некоторых типов людей представляется более воспламеняющей, чем убежденность в том, что дело выигрышное, что оно было бы выиграно даже без нашего участия.

1943

«Пшеглёнд культуральны» 1958, № 331

Перевод Владимира Окуня

-
1. Жить нет необходимости (лат.) – часть крылатой фразы “*Navigare necesse est, vivere non est necesse*” (Плыть необходимо, жить нет необходимости) – Здесь и далее примеч. перев.
 2. Ради жизни потерять смысл жизни (лат.) – Ювенал, “Сатиры”, VII, 83-84.

Европейскость Джозефа Конрада

Согласно решению Сейма, 2017 год станет в Польше годом, в частности, Джозефа Конрада, английского писателя польского происхождения (настоящее имя — Юзеф Теодор Конрад Коженёвский). В этом году исполняется 160 лет со дня его рождения. В этом и последующих номерах «Новой Польши» мы публикуем эссе, специально подготовленные для русского читателя выдающейся исследовательницей творчества Конрада Анной М. Щепан.

По ряду причин понятие Европы в судьбе Конрада играет совершенно особую роль. Во-первых, в Европе ему пришлось искать прибежища и своего места на земле. Во-вторых, писатель оказался непосредственным свидетелем и участником расширения европейского влияния в процессе колонизации и, столкнувшись с «инаковостью», осознал невозможность бегства от собственной европейской идентичности. Пониманию этого способствовал опыт конфронтации: необходимость определять самого себя и реагировать на восприятие себя Другим. Другого Конрад познавал посредством европейских категорий и критериев, а реакция и восприятие Другим того, что представлял собой он сам, открывала перед писателем элементы европейской идентичности, в которых он ранее не отдавал себе отчет.

Понятия «Европа» и «Запад» утратили незыблемость и четкость. Мы зачастую употребляем эти термины как синонимы, однако все же не следует полностью их отождествлять, на что обратил внимание Кристофер Гогвилт в своей книге «Изобретение Запада». Он утверждает, что идея Запада возникла на рубеже веков, когда определились области влияния западного и восточного империализма и приобрели значимость расхождения между Восточной и Западной Европой. В это время геополитическая идея Европы трансформировалась в понятие Запада. Где была тогда Польша? И какое место заняла после завершения этой трансформации?

Европа как «прибежище» и как «свое место на земле» — соединение двух этих формул может коробить. Если человек

где-то находит свое место, значит, там он чувствует себя в безопасности, однако совершенно необязательно там, где он чувствует себя в безопасности — его место. Напряжение между двумя этими возможностями и характеризует творчество Конрада. Говоря о Европе как о прибежище, следует, прежде всего, отметить, что в «преступлении раздела Польши» участвовали как раз европейские государства, а следовательно — быть европейцем не означает непременно разделять польские интересы; даже если эти страны не являлись представителями Европы как таковой, то совершенный ими раздел никак не повлиял на их собственное политическое положение на старом континенте. Никто не осудил их и не разорвал с ними отношения по той причине, что они, объединившись с Россией, аннексировали не такую уж маленькую страну и десятилетиями вели на ее территории грабительскую и направленную на стирание национальной идентичности деятельность. Никто в Европе не встретил с распростертыми объятиями экзальтированного юношу из «российской» части Польши, горя желанием помочь ему встать на ноги. А следовательно — нельзя априори называть Европу прибежищем: Европа как целое не могла ни предложить его, ни обеспечить; прибежище Коженёвский нашел в конкретной стране, которой остался верен и благодарен.

Однако стала ли она его местом на земле? Как заметила Асако Накаи: «Польша олицетворяет прошлое, тогда как Англия устремлена в будущее; между ними простирается обширная территория Европы, по отношению к которой и Англия, и Польша находятся на окраинах»^[1]. Тезис Накаи подталкивает к дальнейшим размышлениям. Эта окраина была областью соприкосновения с инакостью: Польши — с Россией, ее деспотизмом, восточной напыщенностью и запретом на сопротивление ее имперской силе, Англия же, колониальная держава, видела себя в своей окраинности не бастионом или крепостью, но центром относительно других окраин. Таким образом, Англия как окраина Европы становилась ее центром по отношению к остальному миру.

Пожалуй, Англия, которая была и остается наиболее нетипичной европейской страной, наиболее обособленной и защищающей свою специфику не в смысле национализма, а в плане культурной самобытности, оказалась для Конрада столь привлекательной, поскольку позволяла сохранить «багаж Калиновки» — если воспользоваться определением Ежи Стемповского. По мнению эссеиста, ягеллонская модель сосуществования, типичная для Польши, не сравнима ни с одной системой, ни на Востоке — основанном на абсолютизме,

ни на Западе — основанном на собственности. Интериоризация Конрадом этой совершенно исключительной модели, во-первых, способствовала проникновению его в опыт и ментальность других народов, во-вторых, сделала для него совершенно чуждой модель национального государства. Однако писателю пришлось заплатить за это непониманием и обособленностью не только среди чужих, но и среди своих.

В эссе «Конрад в польской культуре» Тымон Терлецкий убежденно заявлял: «Никому в здравом уме не придет в голову начинать “ревиндикацию” Конрада»^[2]. Он не сомневался в том, что автор «Теневой черты» — писатель английский и принадлежит к английской культуре, однако усиленно подчеркивал, что для польской культуры это не только потеря, но и приобретение, поскольку культура есть круговорот ценностей, она означает как давать, так и принимать, а потому вопрос ревиндикации бессмысленен и третьестепенен — гораздо важнее говорить о творческих связях и источниках вдохновения. «И величие каждой культуры измеряется не только тем, что она берет у других, но и тем, что она другим дает, как силой притяжения, способностью ассимилировать чужое, так и великодушием дарения»^[3].

Терлецкий протестует против отсутствия имени Конрада в истории польской литературы, выдвигая тезис о том, что он принадлежит и к польскому романтическому миру, и к миру Молодой Польши, в обоих случаях представляя собой явление, доведенное до крайности, апогей усложнения проблемы и ее разрешение. Он не только ровесник основных творцов Молодой Польши, разделивший их настроения и опыт: разочарование в позитивизме, травму январского восстания, тоску по всему экзотическому и необычному, пессимизм, порождающий упорство поиска: по мнению Терлецкого, Конрад «является наиболее радикальным, наиболее последовательным представителем своего поколения (...)»^[4]. Конрад черпает вдохновение из тех же источников, что и его ровесники, переживает ту же самую польскую судьбу, однако покидая не существующую на карте Польшу — не бежит от нее, а в своих странствиях хранит в себе, переживает иначе. Хранит не в форме ностальгической тоски и боли, а скорее — как мужество искать. Это особое напряжение, возникшее между молодым человеком, склонявшимся над картой, где отсутствовала его родина, и над картой, где еще оставались белые пятна неоткрытых земель, оказалось, как мне кажется, одним из факторов, которые парадоксальным образом помогли Конраду сохранить идентичность, польскость, при соприкосновении с инакостью обнаруживавшую свою европейскость.

В глазах Терлецкого дебют писателя приобретает масштабы символического явления на мировой сцене Конрада из строк Мицкевича — еще прежде, чем тот вернулся в польскую литературу в фигуре Конрада из «Освобождения» Выспянского. По словам Лехоня, Конрад Выспянского стал частью национальной мифологии. Терлецкий полагает, что, взяв в качестве фамилии в новом языковом пространстве, где ему выпало жить, имя, данное при крещении романтиком-отцом в честь героя Мицкевича, Джозеф Конрад взял на себя трудную роль быть «Конрадом». Это личность выдающаяся, трагическая, вдохновенная, перед которой стояла иная задача, нежели повстанческий порыв или богоборчество, а именно — труд перевода на общедоступный язык польской мифологии героизма, чести, верности раз и навсегда выбранным ценностям, любви к свободе. По мнению Терлецкого, Конрад сделал эти ценности «элементами европейского сознания»^[5], а также «универсализировал польский романтизм, его видение мира, его позицию, его нравственный габитус»^[6].

Последний, согласно Терлецкому, заключался в специфически сложном отношении Польши к Западу. Польша может реализоваться лишь в рамках Запада, но одновременно вынуждена противопоставлять себя ему во всем, что противоречило и противоречит основам его культуры. Это грандиозная задача, чтобы не сказать — безосновательная узурпация, ибо по какому и кем данному праву Польша должна была служить совестью Европы или контролировать ее подлинность? Польша брала на себя функции образца нравственности, а также защитника Запада от Востока: «от любого культурного антипода, угрожающего западному укладу жизни, западному пониманию права, западному инстинкту личной и национальной свободы, западному типу человека»^[7].

А следовательно, Европа, с точки зрения Тымона Терлецкого, являлась для Конрада прибежищем — в буквальном и переносном смысле, а также вызовом — задачей сохранить во имя нее, Европы, собственную самобытность и базовые ценности ментальности шляхтича с Кресов.

Европа оставалась для Конрада точкой отсчета, критерием ценностей, эстетики и морали, наконец домом. Даже рисуя европейцев мотами, преступниками или неудачниками, он все же не бежал от них, не осуждал. Если интерпретировать, например, «Сердце тьмы» как дискурс европейскости, то напрашивающиеся выводы ведут к отрицанию ценностей, составляющих это понятие. Фальшь, эксплуатация, жестокая иерархичность, наследуемая и передаваемая следующим

поколениям ложь, иллюзия гармонии, базирующаяся на банальности и гротеске — вот европейскость «Сердца тьмы». Но что это — ужасающий диагноз или обвинение? Подобное решение было бы для Конрада слишком простым: он, глашатай чести и ответственности, полагая, что европейскость должна реализоваться в противостоянии своему собственному бремени, так писал Маргерит Порадовской об идее искупления страданием: «Ты думаешь, что я способен принять или даже согласиться с доктриной или теорией искупления страданием. Эта доктрина, плод умов великих, хоть и варварских, звучит позорно и отвратительно в устах цивилизованного человека. Это доктрина, которая, с одной стороны, являет собой прямой путь к Инквизиции, а с другой — делает возможным торг с Вечностью [...] Более того, искупления не существует. Каждый поступок в жизни окончателен и приводит к неизбежным последствиям, невзирая на слезы, зубовой скрежет и жалобы слабых духом, что трепещут от страха, обнаруживая результаты собственных действий»^[8].

Автор «Ностромо» строил свою национальность, идентичность из литературы, и Европа также является для него литературой — великой литературой, будоражившей умы и служившей областью вненационального взаимопонимания. Юлиуш Саковский замечает: «Здесь важен только один конфликт: человек перед лицом неумолимой судьбы — как в греческой трагедии. Романы Конрада, на первый взгляд, столь традиционные, ни на что не похожи. В них есть что-то от мифа, от античности, от Шекспира: пафос и напряжение трагедии»^[9].

Это выстраивание идентичности из литературы и при помощи литературы представляется мне для категории европейскости приемом весьма специфическим — поскольку однозначно указывает на культурный контекст, отделяя его от области политики и общественных идей, что безусловно выходит за границы ментальности шляхтича с Кресов, о которой писал Милош.

Конрад упорно демонстрирует, что историю творит человек — даже разочарованный, лишенный иллюзий, все осознающий, он не лишается бессмертной надежды, поскольку история обладает масштабом большим, нежели сиюминутные поражения или победы. По словам Эврома Фляйшмана, «Конрад соотносится с нашим временем так же, как Софокл — с постперикловскими Афинами, ибо его окончательное видение одновременного поражения и искупления героя

подводит нас к ответу, выходящему за границы исторического фиаско»^[10].

-
1. Nakai Asako. Europe as Autobiography? W: Conrad's Europe. Conference Proceedings. Opole, 2005, s. 28.
 2. T. Terlecki. Conrad w kulturze polskiej. W: Conrad żywy. Książka zbiorowa wydana staraniem Związku Pisarzy Polskich na Obczyźnie. Red. W. Tarnawski, Londyn, 1957, s. 100.
 3. Ibidem, s. 101.
 4. Ibidem, s. 107.
 5. T. Terlecki, Conrad w kulturze polskiej, op. cit., s. 110.
 6. Ibidem, s. 111.
 7. T. Terlecki, Polska a Zachód. Próba Syntezy. Stowarzyszenia Pisarzy Polskich, Londyn 1947, s. 46.
 8. Conrad do Poradowskiej 26 sierpnia 1891.
 9. Sakowski Juliusz. Żyje się tylko raz. W: Conrad żywy. Red. Wit Tarnawski. Książka zbiorowa wydana staraniem Związku Pisarzy Polskich na Obczyźnie. B. Świdorski. Londyn, 1957, s. 81.
 10. Avrom Fleishman. Conrad's Politics. Baltimore, 1967. S. 242.

Нотр-Дам-ля-Гранд

Я уже давно собирался в те края. Но путешествие это непростое. На него нелегко было решиться. Я мечтал о нем с юности, но лишь в старости сумел осуществить свою мечту. Трудность заключалась еще и в том, что обычным транспортом там не воспользуешься, а собственного автомобиля у меня тогда не было.

Эта область Франции, то есть юго-запад страны, пересечена густой сетью удобных, хоть и не слишком хороших дорог. Но место, до которого я хотел добраться, лежит в стороне от них. Нужно доехать до Пуатье, оттуда как-то переместиться на 60–70 километров к востоку, не заплутав в великолепных скалах, изрезанных водами многочисленных рыбных рек, таких, как Гартамп или Англес, и там, в одном месте, у до сих пор действующей водяной мельницы возле моста в Англесе, подняться вверх — разумеется, пешком — выбраться на равнинную пустошь и километров через десять, то есть после двух часов ходу, достичь седловины или перевала между двумя невысокими горами, где и была когда-то построена эта церковь. Она называется Нотр-Дам-ля-Гранд.

Не знаю, найдется ли во Франции другое столь же пустынное место. Путнику, забравшемуся сюда, кажется, будто он вернулся назад по меньшей мере на тысячелетие. Поля, раскинувшиеся на одиноких холмах, выглядят заброшенными, реки остались где-то внизу — и просто оторопь берет: зачем в этом месте, которое, вероятно, всегда было безлюдным, воздвигли такое строение.

Признаюсь, что я с бьющимся сердцем — не только из-за десятикилометровой прогулки — остановился перед этим огромным, пустым и одичавшим зданием. Исполнялась давно лелеемая мною мечта, я совершал то, о чем думал многие годы. Глядел на этот заброшенный, но очень красивый храм.

Руинами его не назовешь. Как я потом узнал, он находится в ведении епископа, а также какого-то монастыря в Пуатье, и раз в месяц из этого или какого-то другого городка по соседству приезжает служить священник. Конечно, церковь за ту тысячу лет, что она здесь простояла, очень обветшала. Но мощные стены все еще выглядят внушительно.

Я оказался перед церковью ровно в полдень. Свет осеннего дня падал на южный фасад, но величественный фронтон был также еще освещен. Синие тени лежали на нем, словно мазки краски.

Церковь была построена в чисто романском стиле. Но в ней отсутствовала та суровая простота, какую обретает романская архитектура на нашей бедной земле. Она ничем не напоминала ни ленчицкий Тум, ни коллегию в Опатове. Напитанная соками богатой французской земли, она вырастает из нее, не очень высокая, но коренастая, словно гигантская виноградная лоза.

Стоя вот так перед ее фасадом — как стоял я, усталый и взволнованный — прежде всего, понимаешь, что зодчими руководило отнюдь не волнение, и уж точно они не ощущали усталости. Напротив, тщательно и выверено громоздили на этом фасаде арки и изломы, слепые окна, на которых сидят пророки и сивиллы, густую сеть уложенных друг на друга ребрышек — пока вся эта плоскость не превратилась в кружево, в тяжелый шелковый занавес, в диковинную ширму, скрывающую за собой недоступную тайну интерьера. По обеим сторонам фасада возвышаются две конусообразные башенки, покрытые чем-то вроде черепашьих панцирей или ежовых игл. Благодаря этому покрытию, скромные башенки, непропорционально маленькие по отношению к фасаду, превращаются в главный его акцент, отсылающий к животному или вегетативному существованию. Они отличаются от всего фасада также и колоритом. Башенки сизо-стальные, тогда как все здание имеет теплый сочный цвет местного камня. Такую римскую желтизну, густую и ни на что не похожую, редко встретишь за пределами Вечного города.

Были ли тому причиной проделанный путь или волнение оттого, что осуществилась моя мечта, но я почувствовал сильную усталость. Как я уже сказал, вокруг церкви совершенно пусто, она стоит на перевале, а перед ней нет ни деревьев, которые давали бы тень, ни скамьи, на которой можно было бы отдохнуть. Поэтому я прилег прямо на землю.

Я оглянулся назад. Тропинка, которая привела меня сюда, наверх, была видна очень отчетливо. Порой ее изгибы скрывались за нависающими купами порыжевшей травы, но в целом она просматривалась вглубь довольно далеко. Казалось, она проникала в самое сердце французской земли, хотя на самом деле всего лишь спускалась к реке и мельнице в Англесе.

Осенний день был очень теплым, но коротким. Казалось, едва миновал полдень, а солнце уже стремительно клонилось к закату. Несмотря на это, меня окутывал теплый осенний

воздух, который навевает совершенно особую мечтательность. Следовало подумать о ночлеге.

Где-то в глубине, за громадиной церкви, я заметил некоторые признаки жизни. Залаял пес и послышался скрип вала, с помощью которого кто-то вытаскивал из колодца ведро с водой. Кроме того, как-то очень по-весеннему пропел петух.

Я хотел зайти в церковь, пока не стемнело. Мне казалось, что внутри должно быть очень красиво. Но усталость возобладала, и я продолжал лежать на земле, подложив под себя дорожный плащ.

Я по-прежнему смотрел на тропинку. И в какой-то момент увидел где-то очень далеко внизу поднимающегося к церкви человека. Сначала я не обратил на него особого внимания, но вскоре заметил, что он приближается довольно быстро, но идет с большим трудом. Судя по тому, как он ставил ноги и вообще двигался, человек этот был хотя и молод, но уже очень изнурен. «Наверное, чем-то болен», — подумал я.

Появление незнакомца меня расстроило. Я-то искал одиночества. И нашел его в невыразимой гармонии спокойного французского пейзажа, этой области земного шара, где раньше других мест начали селиться художники. Причем я имею в виду даже не собственно художников, этих чудесных зодчих. Сама здешняя земля, слегка волнистая, сам воздух, такой мягкий — я бы сказал: сладкий — представляли собой ценность, которую мне хотелось сохранить как можно дольше. Я хотел насладиться ею.

И вот теперь все это грозил разрушить приближавшийся человек.

Он двигался с таким трудом, что я, не задумываясь о том, что делаю, помахал ему рукой. Незнакомец был уже близко — до меня доносилось его тяжелое дыхание. В нескольких шагах от меня он, тяжело дыша, упал на землю.

Глаза у меня уже не те. Он вовсе не был так уж молод. Фигура юношеская, лицо, однако, измученное и изборожденное морщинами. Эти морщины и напряженные черты казались маской, словно бы театральным гримом. Как будто молодой актер захотел сыграть старика и нарисовал на лице темные полосы. Это производило очень странное впечатление. На нем был обычный серый костюм с серым галстуком, точно он отправился на эту далекую прогулку прямо из дома или с улицы большого города.

Он ничего не говорил. Только тяжело дышал.

— Вы устали, — сказал я, — зачем вы так спешили?

Незнакомец взглянул на меня чуть удивленно. Глаза у него были голубые.

— Хотел успеть до заката солнца, — ответил он, помолчав, — и успел.

Меня поразил его голос: низкий и приятный и будто знакомый. Как если бы я слышал его давно, в далекой юности, когда человека, лежавшего теперь передо мной, еще не было на свете.

— До заката еще далеко, — возразил я.

— Но дни все короче.

— Да, к сожалению. Это минус осени.

Я отвернулся от незнакомца и вновь погрузился в созерцание желтого фронтона церкви.

Внезапно голос раздался совсем рядом. Я не заметил, как мужчина встал и придвинулся ко мне. Теперь он лежал так, что частично оказался на моем плаще. Очень близко.

— Все же она такая, как я думал, — сказал он. Но тут же добавил:

— И одновременно совершенно другая. Нет, не так я представлял себе эту церковь.

— Как всякое великое архитектурное сооружение, она имеет самые разные аспекты, — ответил я.

— Только не говорите мне, — резко прервал он, — что все относительно.

— Нет. Но все зависит от света, от времени суток, времени года, от степени нашей подготовленности.

— Но мне бы хотелось знать, какова эта церковь по своей сути. Вне зависимости от времени дня, года, света, воздуха. Какова ее сущность?

— Этого вы никогда не узнаете, — заметил я, возможно, несколько холоднее, чем намеревался.

— Вы уже были внутри? — спросил он.

— Еще нет.

— Так идемте. Нужно успеть, пока не наступила ночь.

— Пожалуй.

— Разрешите представиться, — сказал пришелец, протягивая свою худую костистую ладонь. — Меня зовут Рудольф фон Брюнхофф.

Я назвал свою фамилию.

— Так вы немец? — спросил я.

В этот момент из-за церкви показалась какая-то странная фигура. За ней бежал небольшой коричневый пес, тот самый, что недавно лаял, он явно обрадовался нам и принялся оживленно бегать вокруг. Фигура эта оказалась женщиной. Одежда ее не была необычной, простая юбка и жакет, никаких украшений, и тем не менее женщина казалась существом из иного мира. Ее черные, с проседью, волосы образовывали на голове густые, падающие на глаза заросли. А сами глаза, большие, черные, но спокойные, сверкали сквозь них, словно два огня. Она обратилась к нам низким и очень волнующим голосом:

— Хотите осмотреть церковь внутри? Там уже довольно темно.

Пес прыгнул мне на спину.

— Перестань, Жако, — воскликнула женщина. — Вы любите собак?

— Он слишком далеко заходит в своей дружбе, — заметил Рудольф.

— Можно ли зайти в дружбе слишком далеко?

— Пойдемте, — сказал я.

И мы встали. Рудольф, поднявшись на ноги, чуть пошатнулся.

— Ах, до чего же я устал, — сказал он.

Мы оказались внутри. Женщина шла первой.

Но прежде, чем мы переступили порог церкви, я на мгновение остановился и оглядел пространство, лежавшее перед собором. Волны равнины, где-то вдалеке спускавшейся к рекам, ее монотонность, которую не нарушали ни единое дерево, ни

куст, ни дымок из трубы. Все покоилось в золотом сиянии ласкового солнца, а волнистую поверхность покрывала рыжеватая выжженная трава. Все это вдруг заставило меня вспомнить — и это чувство было болезненным — равнины, среди которых я родился и вырос.

Лишь вдали за церковью наливался глубоким фиолетовым цветом скалистый холм. Он-то и напомнил мне, что я не дома.

Интерьер церкви был довольно необычен. Боковые нефы, уродливые и чересчур узкие, образовывали неровные коридоры. В центре и по бокам виднелись очень пестрые витражи, не сочетавшиеся со стилем здания. Происхождение их было удивительно: в свое время, в период Второй империи Проспер Мериме занимал должность своего рода инспектора исторических памятников. Он-то и «открыл» диковинные и веселые фрески в близлежащем Сен-Савене, он же занялся и разрушавшейся церковью Нотр-Дам-ля-Гранд. Мериме пришлось в голову заменить пострадавшие от времени и войны окна витражами и поручить работу такому далекому от подобных задач художнику, как Энгр. Вышло нечто весьма противоречивое, в сущности, неудачное, однако великолепное по цветам, которые словно бы избыточно озаряли темные нефы.

Все это рассказала нам женщина своим низким голосом, который с усилием исторгала из себя ее гортань. Губы ее шевелились также по-особенному, с трудом, точно, желая что-то сказать, ей приходилось преодолевать некий внутренний барьер. Но говорила она много. Она шагала впереди, грузно, ставя каждую ногу словно бы отдельно. И это, и затрудненная речь производило впечатление, будто и сама вегетация жизни в ее теле совершается в замедленном темпе. И одновременно было видно — вернее, чувствовалось, — что к этой телесной жизни она как-то очень привязана. В какой-то момент мне почудилось, что она заполнила собой всю церковь целиком, и я перестал обращать внимание на Рудольфа.

Величественный и темный главный неф, огромные колонны, которые диковинными капителями подпирали бочкообразный свод с остатками каких-то фресок, наполнился голосом этой женщины. Я заметил, что в этом здании — как и во многих других относящихся к этой эпохе — было необычное эхо. Отголоски его разлетались, несколько раз отражаясь от стен и колонн. Возможно, именно поэтому возникало ощущение, будто эта женщина заполняет собой всю церковь.

Она шла медленно, время от времени поворачивая ко мне голову, словно бы покрытую черными перьями. Глаза ее казались все больше и все удивительнее. А обыкновенная — на первый взгляд — одежда образовывала на ней причудливые складки.

Меня немного тревожили эти ощущения, и я старался сократить посещение собора. Его стены, с которых осыпалась штукатурка, открывая древние камни, поразительные, неуместные витражи утомляли и внушали страх. Рудольф же, казалось, наслаждался каждой деталью здания. Он заглядывал в углы и многочисленные боковые часовни, время от времени обращая мое внимание на ту или иную особенность интерьера.

Интерьер меня, в сущности, разочаровал. Он совершенно не соответствовал тому, что обещал фасад. Был гораздо примитивнее и безыскуснее. Боковые часовни, конечно, пристраивались позже и, пережив барочный декор, затем уничтоженный пуристами, теперь зияли голыми стенами, украшенными вычурными досками и бюстами в память о прелатах и благодетелях, от которых остались лишь имена.

Абсида же была прекрасна. Перекрестья веерного свода, сложная гармония колонн, выдержанность стиля и величие архитектурного замысла производили впечатление чистоты и благородства. Диковинные капители, которые большей частью представляли пьющих из огромных чаш птиц или сражающихся друг с другом животных, не внушали тем не менее тревоги, зачастую присущей романским колоннам. Следует также добавить, что главный витраж, сверкавший в конце абсиды, был великолепнее всех: желто-золотой, он изображал подлетающего голубя, окруженного языками огня — сошествие Святого Духа.

Несмотря на это, мне хотелось поскорее покинуть церковь. Я не чувствовал себя здесь хорошо. И спросил у нашей провожатой, где здесь можно было бы отдохнуть.

— Как это где? — спросила она, обращая на меня взгляд своих необыкновенных глаз. — У меня. У меня тут целое хозяйство.

Она вывела нас через боковой вход. И тогда я увидел, что за громадой церкви притулился у самой земли плоский двухэтажный дом, рядом с которым, а вернее позади которого виднелись хозяйственные постройки. Нас догнал песик, которому не разрешалось заходить в церковь. Собаки считаются созданиями нечистыми.

— Я приготовила вам обед, — сказала старая цыганка и тем же тяжелым и неровным шагом провела нас за ограду и открыла дверь жилища. — У меня тут двоюродный брат, — добавила она. — Вчера из Парижа приехал.

Мы остановились еще на мгновение, чтобы осмотреть находившийся над боковым входом тимпан. Он изображал борьбу святого Михаила с драконом, то есть с дьяволом. Это была скульптура необыкновенной красоты. Остроконечные крылья ангела и удивительное движение его застывших в прыжке ног, энергичный жест поднимающей копье руки и жутковатые головы побеждаемой бестии, образовывавшие гармоничную треугольную композицию, которая легко вписывалась в арку над дверью, врезались в память.

Рудольф спросил, что изображает этот барельеф.

— Борьбу добра со злом, — сказала цыганка.

Рудольф засмеялся.

— И добро, разумеется, побеждает, — заметил он с иронией.

Я внимательно поглядел на него. Однако тем временем мы уже оказались в доме. Прихожей здесь не было, дверь вела в большую залу, занимавшую почти весь первый этаж. В зале этой стоял огромный, занимавший почти все пространство стол. Вокруг стола были расставлены простые стулья. Два кресла придвинуты к камину. В камине горел огонь. А на каминной полке вместо часов сидели два кота необычайной красоты. Роскошные гривы обрамляли маленькие головки с плоскими носами. Один был черный, другой пегий. Они с любопытством подняли головы и взглянули на нас. Но, видимо, не обнаружили ничего для себя интересного, потому что приступили к обычному туалету, поднимая задние ноги, словно гриф виолончели.

За столом сидел молодой человек, который, увидев нас, встал, не выпуская из рук толстой книги. Хозяйка представила его нам как своего двоюродного брата, родство, однако, видимо, было весьма далеким, поскольку Люсьен несколько не походил на южанина. Это был типичный нормандский француз, высокий и светловолосый, с разлитым в глазах блеском северного моря.

Он поклонился нам, довольно церемонно. Затем снова уселся за стол. Было совершенно очевидно, что юноша весьма недоволен нашим появлением. Впрочем, хмурился он по-детски, словно

ребенок, которому помешали играть, и выглядело это очень смешно.

— Садитесь, — сказала цыганка, — я сейчас накрою на стол.

— Может, тебе помочь, Герменегильда? — спросил молодой человек с книгой. Голос его звучал необычайно мягко, хоть и несколько женственно, что плохо сочеталось с его внешностью.

Хозяйка отказалась от предложения двоюродного брата и, следует признать, очень энергично занялась делом. Из кухни, расположенной позади залы, принесла четыре зеленых тарелки, четыре ложки, четыре вилки, а потом поставила перед каждым из нас по круглой посудине, наполненной ароматным луковым супом. На второе была вареная цветная капуста и картофельное пюре, и наконец она поставила на стол миску зеленого салата, который заправила с большим мастерством.

Аппетит у нас был хороший, но желание разговаривать невелико. Уже под конец трапезы я спросил нашу хозяйку:

— Вы тут так и живете одна? Как случилось, что вы стали единственной хранительницей заброшенной церкви?

Люсьен поднял голову над тарелкой и посмотрел на меня внимательно, словно подозревая, что мой вопрос содержит в себе какое-то второе дно. Но Герменегильда не обернулась ко мне. Она совершенно спокойно ответила:

— Когда-то я была артисткой бродячего цирка. Мы забрели в эти края, но зрителей оказалось мало. Цирк двинулся дальше на юг, а я осталась здесь. Привела этот дом в пригодное состояние — и вот живу здесь. Должен же кто-то присматривать за этими руинами.

— Вы не сможете уберечь их от дальнейшего разрушения, и потом, им ведь ничего не угрожает, — сказал я.

— Кто знает? — многозначительно заметил Люсьен.

При этих словах Рудольф шевельнулся. На его изборожденном морщинами лице изобразилось страдание, и он словно бы с усилием исторгнул из себя тираду:

— Я убежден, что такого рода произведения искусства, забытые и находящиеся в недоступных местах, совершенно бесполезны. И я думаю, что у нас в Европе нашлось бы гораздо больше мест, где можно было бы выполнять какие-то полезные функции,

вместо того, чтобы сидеть в этой глуши. Исчезни Нотр-Дам-ля-Гранд с лица земли, никто бы этого не заметил.

— А может, именно тогда бы и заметили, что существовало такое великолепное произведение искусства, продукт истории, о котором никто не помнил.

Мы и не заметили, как Герменегильда поставила перед нами большие рюмки с кальвадосом или какой-то другой горькой и сильно пахнущей травами водкой.

— А вы не думаете, — продолжал Рудольф, — что эпоха великих произведений искусства, великих исторических памятников миновала? Человечеству они больше не требуются. Чем меньше их будет, тем для нас лучше.

— Для кого это «для нас»?

— Для нас всех, для человечества, которое как раз входит в новую фазу. Совершенно новую.

— Вы правы, — довольно резко сказал Люсьен, опрокидывая рюмку, — только неизвестно, что это за новое человечество и не слишком ли много оно впитало в себя всякого старья, изношенного и завонявшего.

Герменегильда беспокойно пошевелилась. Но это просто один из котов, покинув камин, вскочил ей на колени.

— Завонявшего, — мучительно повторил Рудольф. — В высшей степени. У меня есть для вас сюрприз, вы наверняка не догадываетесь. Я ваш земляк.

— Как это? — спросил я, в самом деле удивившись.

— Я родился под Быдгощем. У моего отца было там большое «рыцарское» имение, мы немцы, но жили среди поляков. Мне было семь, когда началась война. Но я все знал. Когда в самом начале в наш лес согнали девять тысяч поляков, евреев, женщин, детей, харцеров — и потом всех перестреляли из автоматов, я все знал. Я ходил — прислуга меня отвела — на это поле боя. Отец посадил меня на колени и сказал: «Запомни!» Моего отца потом повесили, он был замешан в заговор 20 июля. И всех его товарищей. Из тридцати восьми его однокашников, парней как на подбор, повесили тридцать шесть. Я запомнил.

Я смотрел на Рудольфа с ужасом. Его монолог сделался патетическим, яростным, мой собеседник выходил из себя, когда произносил эти слова.

— Я запомнил, — повторил он, — и приложу все свои усилия, чтобы люди поняли — нельзя идти на смерть, как бараны.

Внезапно воцарилась тишина. Герменегильда сбросила кота с коленей и снова наполнила наши рюмки. Потом посадила кота обратно и сказала:

— Чем меньше любишь людей, тем больше любишь животных.

Рудольф при этих словах вскинулся:

— Вы говорите, как немецкие офицеры, которые стреляли в евреев и поляков. Которые вешали моего отца. Мне кажется, что главная человеческая черта — ненависть к ближнему. Впрочем, что такое «ближний»? Тоже мне словечко!

Люсьен заговорил очень спокойно, цедя слова по одному, хотя было заметно, что алкоголь на него уже подействовал.

— У меня такое впечатление, — сказал он, — что вы смотрите на сегодняшнее человечество с совершенно неверной перспективы. Вы верите в возможность изменить человеческую природу, верите в эффективность действия подобного тому, которому противодействуете. Вы продолжаете основываться на понятиях, которые в наше время оказались обесценены. Все, чем человечество жило до сих пор — старье, и старье это никуда не годится. Теперь перед вами — обманутые общества, которые прекрасно осознают, что им нет спасения. Но они не знают, что делать. И поэтому мечутся, как безумные.

Герменегильда испуганно посмотрела на него.

— Вот я приехал из Парижа. Вы видели, во что превратился этот город? Забитый машинами до такой степени, что стало невозможно передвигаться; задыхающийся, замученный, при виде людей на улице и в метро можно только плечами пожать. Не потому, что они страдают бесцельно и беспрестанно, но потому, что они не знают, что делать.

Меня несколько утомила словоохотливость этих молодых людей. Я с тревогой поглядывал в окно. Короткий день подходил к концу и уже изрядно стемнело. Они, однако, что-то не торопились уходить.

— Не пора ли нам подумать о том, чтобы двинуться в обратный путь? — спросил я.

Наша хозяйка беспокойно шевельнулась, стул под ней скрипнул.

— Да нет же, вы останетесь ночевать! — сказала она. — Здесь достаточно места. Это ведь постоянный двор, через который в прежние времена, должно быть, прошли тысячи путников. Над этой комнатой есть еще одна такая же, там стоят кровати. Вы можете лечь прямо сейчас.

Совет хозяйки показался мне резонным. Я уговорил своих новых знакомых, и мы пошли наверх. Там стоял стол, гораздо меньшего размера, а у стен — застеленные кровати. Герменегильда проводила нас и по-матерински пожелала спокойной ночи. Но мы не стали ложиться. Сели за стол (на котором уже стояли три рюмки и бутылка кальвадоса) и, позабыв про сон, продолжили разговор. В наших речах уже давал о себе знать алкоголь.

Хозяйская собачка прокралась вслед за нами наверх и беспокойно ходила вокруг стола. Ее, видимо, удивляло, что здесь нет никакой еды. Она стала обнюхивать наши карманы: вероятно, проверяя, нет ли там чего-нибудь съедобного. Карманы были явно чем-то набиты, однако она, разочарованная, отошла и улеглась в углу, хотя никто ее не гнал.

— Мне представляется, — заметил я, — что вы слишком много болтаете. Сами говорите, что слова не важны. Но при этом говорите. Это, наверное, неправильно.

Люсьен взглянул на меня иронически.

— Но чтобы что-то сделать, нужно ведь что-то сказать. Хотя бы самому себе.

Рудольф пожал плечами.

— Разумеется, мы разговариваем. Но это мы говорим, а не они. Мы ближе к истине.

— Голубчик, — сказал я. — Истине? Какой истине, какой из истин?

— Вы анархист, — холодно заметил Люсьен.

— А вы?

— Прежде всего, не следует объединять меня с Рудольфом. Мы оба молоды, но зажигаем свечу с двух разных концов.

— Это неважно, — сказал Рудольф, вновь словно бы страдая оттого, что говорит, — достаточно того, что мы ее зажигаем.

— Мне недостаточно, — возмутился Люсьен, похоже, теряя терпение. — Вы — прусский аристократ. И меня вовсе не тронул рассказ о вашем отце. Если бы это слово не было столь затасканным, я бы назвал его... Ну, пусть будет аристократ. А я — простой моряк.

— Не притворяйтесь скромником, — засмеялся Рудольф. — Вы хотите заново построить мир.

— Прежде всего я хотел бы его разрушить, — спокойно продолжал Люсьен, — чтобы он не был так ужасен.

— Думаете, новый будет лучше? — спросил я.

— Наверняка лучше, потому что другой.

— Не знаю, способен ли человек создать другой мир. Все, что он строит, отмечено печатью преступления.

— Вы верите в первородный грех? — спросил Рудольф.

— Покамест, — еще холоднее сказал Люсьен, — начнем с Нотр-Дам-ля-Гранд. Сегодня ночью я ее взорву, — и он похлопал по оттопыривавшемуся карману.

Рудольф побледнел.

— Как это? — воскликнул он, — и вы тоже? Это ведь единственная моя цель. Я только за этим сюда и пришел, да еще так измучился в дороге!

Меня бросило в дрожь.

— Помилуйте, что вы такое говорите?

— Я принес отличную бомбу с часовым механизмом, — сказал Рудольф. — Церковь обратится в пыль.

— Я тоже привез бомбу с часовым механизмом, и она тоже у меня в кармане.

Я вскочил со стула (уже немного пьяный) и, открыв дверь, закричал:

— Герменегильда, на помощь!

Герменегильда появилась, словно знала, что затевается, и сторожила там, внизу. Шаги ее на ступеньках были не так тяжелы, как прежде. Она остановилась на пороге преображенная: в домашнем свободном одеянии темно-

красного цвета, откинутае назад волосы открывали высокий лоб.

«Какой же красавицей она, должно быть, когда-то была» — мелькнуло у меня в голове.

— Что случилось? — воскликнула она.

— Ты знаешь, зачем они явились? Они собираются сегодня ночью взорвать Нотр-Дам-ля-Гранд. Обоим пришла в голову такая дикая идея.

Герменегильда оглядела эту парочку.

— Это правда? — спросила она шепотом.

— Да, — ответили Рудольф и Люсьен.

— И у нас на то имеются свои причины, — добавил Люсьен.

— Ах, дети, дети, — не повышая голос, сказала наша хозяйка, — что у вас в голове?

— Потому что я считаю... — начал было Люсьен.

— Молчи! — воскликнула Герменегильда. — Знаю я, что ты считаешь. Ты уже не раз мне об этом говорил. Вы идиоты. И наша Нотр-Дам переживет вас, как пережила вестготов, сарацинов и кого там еще. Прежде всего уразумейте, что эта церковь должна продолжать существовать. Ее строили поколения.

— Новые поколения не нуждаются в этой постройке.

— Возможно. Но они будут строить свои здания в другом месте. Не в этой глуши. Эта глушь — театр истории, здесь происходили великие вещи — когда-то, в прошлом. Но ведь каждая частичка этого прошлого проникла в нашу кровь и в наше тело. Оно выстроило нас. Разрушив эту церковь, разве вы разрушите все, что есть в нас из этого прошлого? С этим вы ничего не сможете поделать. Человек всегда остается человеком.

— Вы говорите как раз то, что я сказал минуту назад, — я протянул ей руку.

— Я не всегда была цыганкой, — буркнула Герменегильда. — Я пожертвовала собой, чтобы сторожить это здание, потому что знаю — красивее его нет в целой Франции. А эти два сопляка собрались его разрушить. Кто вам дал на это право?

— Кто? История! — воскликнул Люсьен и стукнул кулаком по столу, так что все рюмки подпрыгнули.

— О, если история, то это здание имеет гораздо больше прав на нее сослаться. Тогда и я сошлюсь на историю. А вы можете сослаться на будущее. Будущее — это не история.

— Я думаю, что лучше всего подложить бомбу под главный алтарь, — спокойно обратился к Рудольфу Люсьен.

— Видите, что тут творится, — сказал я Герменегильде.

Она села за наш стол.

— Ну хорошо, — спокойно сказала она. — Взорвете вы Нотр-Дам-ля-Гранд. Пожертвуете ради этого поступка всей своей жизнью. Вас ведь потом посадят в тюрьму. На какой результат вы рассчитываете?

— Результат? Никакого результата, это вы рассчитываете на какой-то результат. Разыгрываете шахматные партии. Перебрасываетесь идеями и словами. А люди страдают. Вы оглушаете их, утверждая: смотрите, как это красиво. А люди страдают. Прокатитесь в парижском метро, пройдитесь по парижской улице. Загнанные, замученные, выбивающиеся из сил — сами не зная, зачем. Это будет мой знак: люди, задумайтесь над смыслом своей жизни.

— Задумайтесь над смыслом своих действий, — добавил Рудольф.

Люсьен говорил, не останавливаясь:

— Поймите наконец, что все это не имеет никакого значения. Все эти финтифлюшки, которыми человек прикрывает свое существование. Важны повседневные факты: смерть, жизнь, бытие. А все остальное постоянно меняется. И в этих изменениях мы требуем фактов — фактов, а не слов. Ошибайтесь, будьте фашистами или сталинистами, но оперируйте своими истинами, своей верой, тем, во что вы верите. Потому что все прочее — мелкие и мелочные комбинации: так, эдак, лишь бы добиться своей маленькой правоты, на своей крошечной улочке. Вы строите автострады, а ездите по булыжникам.

— И для того, чтобы найти эту истину, нужно взорвать Нотр-Дам-ля-Гранд, — печально покивала Герменегильда.

— Я хочу, — продолжал Люсьен, и в речи его уже слышались какие-то пьяные и при этом фанатичные интонации, — хочу своим поступком взбудоражить совесть тех, для кого главное, что происходит на рынке, цены на молоко и скот, для кого важно выстроить школу, в которой можно дрессировать детей, превращая в послушных, преданных их небытию роботов, для кого важно, в каком городе дома выше. Вместо того, чтобы взорвать их всех, я взорву эту церковь.

— О которой никто ничего не знает, — вставил я.

— И потому, что ты ненавидишь мелкие уродливые делишки, ты решился на это большое дело: лишить мир произведения заботливейших и нежнейших рук. Дорогой Люсьен, это чистой воды варварство, — сказала Герменегильда.

— Ну да, разумеется. Я варвар. Только варвары способны построить новый мир. Мы начнем с Нотр-Дам.

Рудольф поерзал на стуле.

— Я это прекрасно понимаю, — сказал он, — хоть и, как вы выразились, «с другого конца». Может быть, это утопия, может, я безответственно повинуюсь порыву, но нужно как-то обозначить свое *votum separatum*, уничтожить это проклятое самодовольство нашего общества, которое мнит себя свободным от обязанности определить свою природу, свое будущее, свои конечные цели и свои фундаментальные конфликты. Которое вверило свою судьбу в недостойные руки.

Герменегильда поднялась над столом.

— Может, вы и правы, — сказала она, — но ваш поступок будет действием в высшей степени недостойным. И скажу вам прямо: если вы собираетесь сделать что-либо подобное, если вы взорвете мой собор, я вам так морды расквашу, что вас мать родная не узнает.

И замахнулась своей огромной бабьей ладонью так, что стало совершенно очевидно — свою угрозу она выполнит.

Молодые люди внимательно посмотрели друг на друга.

— Я сдаюсь, — сказал Рудольф и полез в карман. Я еще раньше заметил, что он оттопыривается, потому что там лежит какой-то большой предмет. Сперва я принял его за пистолет.

Рудольф положил на стол небольшую шестигранную черную коробочку, в уголке которой виднелся часовой механизм.

Сидевший напротив Люсьен положил перед собой точно такую же.

— Время не выставлено, — сказал он.

— У меня тоже, — ответил я, доставая такую же коробочку и кладя рядом с теми двумя. — Вот, принес, такую дорогу проделал, думал, может, пригодится.

Я внимательно рассмотрел коробочки, поочередно взяв каждую из них в руки.

— Сдается мне, — заключил я, — что все три вышли из одной мастерской.

Назавтра мы втроем спускались в Англес. Жако провожал нас лаем. Где-то там, над рекой, над мельницей стлался розовый туман. Но Нотр-Дам-ля-Гранд стояла озаренная светом осеннего утра. И когда мы уже отошли на большое расстояние, раздался звон колоколов. Их голос разносился отчетливо и далеко. Это Герменегильда давала нам знать, что она на месте.

Roma, 3 III 68

Перевод Ирины Адельгейм

Стихотворения

Год лета жизни

не знать бы что случилось да невозможно
моментальные снимки разных моделей яви
навязчивые воспоминания памятные чувства
к примеру пусть будет расплавленное колесо
брошенных роликов оно увязло в асфальте
а ничьё время застыло в себе
сделай мир лучше реальность сожги
пусть зрачки твои растворят меня и унесут в год лета
когда ты открыла их каплей свинца
теперь эта капля стекает с пера как солнце
знаком окостененья знаком пожара

Предсловье

документирую то что возможно
немного времени ещё осталось
она хочет сказать обо всём на свете
крепко стоит на ногах в прихожей
ходьба на месте потом улыбка
подтверждение единства
никаких вопросов никаких аналогий
кроме чистой силы с которой вся она
пока ещё дана мне под защиту
на миг которым дышит
прежнее выражение лица
убранство вечеров
не ведущих к ночи иной
чем свет ночника
у кровати отблеск
на диване где я начеку
с каких слов начать да и
что я могу сказать
на рассвете рана её кроме себя
никому не нужна

Межсеанс

перескакиваешь с картины на картину как искра в магнето
даёшь понять предметам что видишь их в свете
краткой вспышки они теряют способность перевоплощаться
в имена которые значат не больше чем дым после
замыкания в цепи высоковольтных линий

на горизонте твоего созерцания куда ты так стремишься

как можно дальше от места остановки стоп-кадр
внимания где твоим профилем обозначена цель странствия
будет мне дорожным указателем когда я перестану хандрить
в покаянном убежище тела с остатком сухой ткани
ты вырвешь оттуда знакомый образ товарища по играм
швырнёшь в беззаботность объявшую все уголки нереального
дома
куда ни пойдешь испепеляемого жаром языка
словно я никогда не пробовал сознаться что
высказан в тебе до дна огня

Бесформие

каталоги вырождения на мебели в приёмной
сегодня изданы заново ты выдираешь из них клочья
картинок вставляешь их как закладки в историю нескольких
апокалипсисов цветущий сад вертоград плодородный
роскошный
дом пса которого ты боишься лучшее впечатление производит
кот
что выпущен без присмотра из повести о конструкции
зависимостей возникающих меж обитателями рая

ты не принадлежишь к цеху энтузиастов просто
такой уж у тебя характер отбираешь карточки из массива
подделок которыми устланы здешние небеса
выжимаешь из них очередные путанные секвенции
немоты перед лицом разъятого небосклона
дел всё-таки наконец улаженных свыше
оголённых как дёсны в зубо врачебном кресле

в цветниках прорастают коренные зубы сквозь гладь
фонтана в парке прорезается клык прихотливой формы
форма останется с тобой надолго если не навсегда
выжги у себя под веком её эффектный герб водружённый
на смотровую башню откуда заранее видно бесформие боли
там плоть из дроблёнки повиснув в чистейшей витрине
свершений
всё ещё делает круглые глаза

Белый день

горизонт увиденный сквозь шарик воздуха в ватерпасе
теряет притягательность навсегда ты ходишь
кругами на цыпочках кости растут тихо без боли

я могу быть свято уверен средь бела дня

при облачности без прояснений всё повторится
тёмная устроенная берцовым костям вправит мозги

свету шагая между строк не мне а тебе суждённых
хотя ясно сказано ничего за этим не
последует даже если вернётся

Вольер

при колыбельной каждый миг дежурит тень
пробужденья а рассветы бывают тихи от изморози
подступившей к горлу так край листа
протянутый сквозь губы плоть речи отворяет
мороз и траурный кортеж голодных птиц
всегда во времена застоя неудержимое отчаянье в минуту
крика потом надолго с нами остаётся страх
в земле прогрызенные дыры смотрят как телескоп
на променаде в немые дыры глаз монет не хватит
на переправу через поток мазута дорогая это ты
но что вызывает к небу во весь голос подобно птицам
которые вот-вот вернутся в сад утопий где сияет
жетон острее чем гарпун сокольника с него
взвизывает в полёт записка видно моя вина что я пытаюсь
сказать тебе о том над чем не властна клетка
чужой тебе язык вернётся полный благодати чистых слёз

Окончательное начало

жалкие переговоры с иными мирами прерваны
ратификация очередного дня и открытие глаз
обошлись без представления аргументов и

обсуждения вариантов то что неприемлемо
принято невзирая ни на что в общем
кончай задавать вопросы подпиши условия

в очередных пунктах повестки дня
ты будешь останавливаться чтобы глотнуть жира
закусить кариесом получить сухой паёк

чесотки сам видишь ничто не идёт
по трупам оно предъявляет первые симптомы
и не мешает давать волю эмоциям

устанавливает контакты развивает двусторонние связи
идёт навстречу вызывая лёгкую дрожь в ладонях
так что не подрывай основу

будущего единства посмотри у тебя нет

ни вымпела ни рубашки на смену
лежишь голенький готовый к омовению

* * *

предпочитаю то а может это
хоть это и не совсем то
что надо от зависти что у вещей
есть лицо мы столько говорим
о будничных предметах
я говорю с ними ища ответа
на заданный вопрос по существу
как считая всё ничем
сделать самому хоть что-то?

Перевод Андрея Базилевского

«Да и что я могу сказать»

Кшиштоф Сивчик (фото: Э. Лемпп)

Кшиштоф Сивчик (р. 1977), поэт и литературный критик, дебютировал в 1995 г. книгой стихов «Дикие дети». В 2014 вышел его сборник «Куда угодно». Автору не откажешь в язвительности — в одноименной поэме он говорит: «новая литература явилась, / в ней много толковых идиом, есть тема и разработка, сильная индивидуальность / автора, как в кухонном телевидении». Ещё до этого он замечает:

уже давным-давно
мы думаем о том, кем, может, и хотели стать для прочих,
единственной возможностью, мы этого хотим, но ничего
пока что не выходит

Тут слышно эхо стихотворения Кавафиса «В ожидании варваров», и несомненно, речь идет именно о варварах. Повествование ведет через девять кругов: можно усмотреть тут намек на девять месяцев беременности (возникает ведь мотив рождения ребенка: в этом контексте нарративное «мы» может быть прочитано не как множественное, а как двойственное число), но невозможно игнорировать и ассоциацию с девятью

кругами дантовского ада («ты лёгкость начала надежды/
приглашение как запах шагов жены моей, которые я изучаю,
чтоб вести тебя по глухим уголкам ада»). Культурных и
литературных отсылок в поэзии Сивчика множество, что не
удивительно. Ведь речь идет о том, как появляются
«нерасторопные участники/ паломничества нитей, что
кончились ещё до лабиринта, в шахте/ лифта, который должен
был забрать нас из точки ссыпки на землю,/ да только ничего не
вышло». Оборванная, измызганная нить Ариадны не годна уже
ни на что: мы входим в лабиринт на свой страх и риск,
выбраться из него явно будет невозможно, вот и бредем «куда
угодно», неведомо куда, без дорожных указателей.

Дополнительная трудность — тронутый дисномией или
афазией язык, запутавшийся в многократно усложнённых,
многоэтажных фразах, где смешаны разные уровни и сферы
опыта. Но ведь Дисномия — не только нарушение речи, а еще и
дочь Эриды, богини хаоса и раздора, которая подбросила
богиням золотое яблоко с надписью «Прекраснейшей», что
вызвало спор, разрешенный Парисом (здесь подсказка —
фрагмент: «порой на глаза лезет очередь в автосалон
“Парис”»), но приведший к троянской войне. Как видно, мы
имеем дело с повествованием коварным, стремящимся завести
«куда угодно», если не сказать — сбить с пути, увести «никуда
угодно» (кстати: поэзию стоит читать не только всерьез, но
и хоть чуть-чуть включив чувство юмора).

Так что, если попытаться определить свойственный «Куда
угодно» тип высказывания, следовало бы, вероятно, назвать
эту поэму повествованием-палимпсестом, где очередные слои
текста не только накладываются один на другой, но и
просвечивают один сквозь другой. Особого раздумья требует
само название, лишь с виду прозрачное и ясное. Оно и не
прозрачно, и не ясно. Оно может указывать путь — куда угодно.
Но может быть и индивидуалистическим вызовом: если
сделать акцент на «угодно», это укажет путь, чтобы «прийти в
себя». А «приход в себя» — боевое крещение собственного
языка:

Пан Тадеуш, поэзия после и до Освенцима, ну уж
нет, ведь речь идёт о трепете существ перед лицом бытия,
которого они не избежали, как санитарки изнасилования,
книги огня, города отличительных черт.

Вновь — эхо другого произведения: стихотворения пана Тадеуша (Ружеви́ча) о том, как поэта ждёт дома задание: «писать стихи после Освенцима». В хаотичной невнятице современности, в мелькании новостей, обрывках информации пробуждается тоска по Цельности и Гармонии: «я наследник целостных чувств, выраженных во фрагментах». Поэт мог бы повторить авангардистскую формулу Пайпера: «сменилась кожа мира», — добавив при этом: однако не изменилась его суть.

Последняя книга Кшиштофа Сивчика — «Яснопись» (2016) — содержит, в частности, поэму «Защитный механизм» с подзаголовком «акт речи на голоса». Голосов — два, их высказывания сконструированы так, что невозможно определить пол говорящего. То, как говорится, похоже, здесь менее важно, чем то, что́ говорится. Один из способов высказывания — молчание, дающее ответ голосу, произносящему текст: и слова, и молчанье слышимы. Предмет диалога в первой части поэмы — нечто, чего читатель не видит и видеть не может. Читатель рефлексивно сосредоточен на чтении реплики, а между тем собственно действие разворачивается в ремарках. В последней сцене одно из двух действующих лиц заклеивает другой рот. Так возникает последовательность: молчание (невнятное бормотание) — акт речи — молчание (невнятное бормотание) — акт речи... И наконец всё завершает пуант, произнесенный Голосом 2: «Нет, слово не то, а какое, вроде другое, нет, не знаю, войди в себя». Сивчик упорно пытается прочесть то, что скрыто под поверхностью видимого (и слышимого в словах) мира. Поверхность есть нечто случайное, а скрытое — невыразимо, хотя присутствие его несомненно до боли. Поэтому не удивляет вопрос, заданный в стихотворении «Предсловье», — ключевой вопрос этой поэзии:

с каких слов начать да и
что я могу сказать

Культурная хроника

«Еще Польша не погибла, пока жив театр», — так звучал девиз IX Международного театрального фестиваля «Божественная комедия», проходившего с 8 по 17 декабря 2016 года в Кракове.

Однако подчеркнуть значение независимого обмена мыслей и идей — этого еще не достаточно.

— Мы можем отставать в экономических рейтингах, но все время находимся в топе рейтингов театральных, — сказал Бартош Шидловский, художественный директор фестиваля. — Посредством нашего девиза я хотел бы выступить в защиту людей театра, дать импульс к объединению театрального сообщества и воспротивиться тому, чтобы обсуждение вопросов культуры в нашей стране идеологизировалось или сводилось к экономическому измерению.

За 10 дней театры со всей страны от Валбжиха до Белостока, а также труппы из Лос-Анджелеса и Любляны показали 34 спектакля, среди которых были и совместные фестивальные постановки, и студенческие дипломные спектакли. Гран-при «Божественной комедии-2016» международное жюри из пяти членов присудило спектаклю «Все о моей матери» краковского театра «Нова Лазня» в постановке Михала Борчуха. Спектакль создан по мотивам фильма Педро Альмодовара и основан на личном опыте тех его создателей, чьи матери умерли от рака. Лучшим режиссером жюри признало Виктора Рубина, который показал в Кракове спектакль «Каждый получит то, во что верит» (варшавский театр «Повшехны»). Среди молодых режиссеров лучшей оказалась Магда Шпехт и ее «Шуберт» (валбжихский Театр им. Шанявского).

Роман Витольда Гомбровича «Транс-Атлантик» инсценирован белостокским театром «Драмытычны» (премьера 17 декабря). Спектакль поставил Яцек Ябжик. По мнению режиссера, текст приобрел сегодня актуальность и «резонирует» с нынешней политической и общественной ситуацией в Польше.

«Транс-Атлантик» — выдержанные в стилистике шляхетской гавенды воспоминания Гомбровича о начале его эмиграционной жизни в Аргентине в 1939 году. Книга вышла

в парижском издательстве «Литературный институт» в 1953 году. В этом написанном необычайно ярким языком романе Гомбрович капитально рассчитывается с «польскостью» и всеми ее традиционными стереотипами.

— Режиссер не скрывает, — пишет Яцек Чесляк в газете «Жечпосполита», — что можно было подумать, будто за последние двадцать с чем-то лет мы избавились от прежнего балласта, открылись на мир, на Иного, отличного от нас. А от этого растет внутреннее ощущение собственной ценности, — приводит Чесляк слова режиссера. — И неожиданно все начинает поворачивать вспять. Мы снова окапываемся в собственных страхах, фобиях, вытягиваем на свет старые предубеждения. Слова Мицкевича оживают на устах — то и дело звучит его «Месть врагу!» Ну, может, слова несколько иные, да мелодия та же самая. В «Транс-Атлантике» есть такая фраза: «Война должна вспыхнуть сегодня-завтра». Это предложение сегодня в Польше повторяют, как мантру. Вот и оказывается, что «Транс-Атлантик» более актуален, чем нам кажется.

19 декабря в театре «Польский» в Варшаве состоялась торжественная церемония открытия Года Джозефа Конрада-Коженёвского, организованная Институтом книги. 2017 год сейм Республики Польша объявил годом Конрада в связи со 160-летием со дня рождения писателя. Произведения писавшего по-английски автора вошли в канон мировой литературы, а к наиболее известным относятся такие романы, как «Сердце тьмы», «Лорд Джим», «Теневая черта», «Секретный агент». Решение сейма напомнило, что родившийся в Бердичеве 3 декабря 1857 года Джозеф Конрад-Коженёвский (собст. Теодор Конрад Коженёвский) был сыном «польских патриотов, сибирских ссыльных», писателем, оставившим большой след в польской и мировой литературе.

С 1 по 4 декабря во Вроцлаве проходила юбилейная, XXV «Ярмарка хороших книг» — впервые в монументальном Зале столетия. Ярмарка на этот раз привлекла свыше 150 экспонентов и около 60 тыс. посетителей. Вроцлав не случайно носит звание Мировой столицы книги ЮНЕСКО. В культурный пейзаж города уже вписались литературные премии «Ангелус» и «Силезиус», Международный фестиваль детектива, а также такие акции, как Европейская ночь литературы или «Весь Вроцлав читает» — мероприятие,

направленное на популяризацию чтения главным образом среди детей и молодежи. Во время ярмарки, по итогам конкурса «Перо Фредро», вручена премия «Книга года». Ею отмечено издательство «Karakter» за книгу Филипа Спрингера «Город Архипелаг. Польша малых городов» с фотографиями, выполненными автором.

Лодзинская литературная премия имени Юлиана Тувима за 2016 год была вручена 11 декабря в театре «Новы» проф. Михалу Гловинскому — теоретику литературы, автору мемуарной прозы, эссеисту. Жюри отметило творчество лауреата, в частности, за «уровень не только литературы, но и этики», а также «вовлеченность в мировые проблемы». Михал Гловинский (р. 1934) — один из тех детей, кого вывела из Варшавского гетто группа Ирены Сендлер и укрывали католические монахини. Он автор таких, например, книг, как «Новояз по-польски», «Мартовская болтовня. Комментарий к словам. 1966 — 1971», «Язык на осадном положении», «Круги отчуждения», «Черные сезоны». Недавно вышел его автобиографический роман «Царская чашка». В предшествующие годы лауреатами лодзинской премии были Магдалена Тулли, Ханна Краль, Ярослав Марек Рымкевич.

Историческая премия им. Казимежа Мочарского, которой отмечается лучшая историческая книга минувшего года, присуждена проф. Анджею Новаку. Так оценен его труд «Первое предательство Запада. 1920 — забытое умиротворение» (изд-во «Выдавництво литерацке»). «Спустя почти сто лет, — отмечается в издательской аннотации, — автор открывает неизвестные документы, из которых следует, что в 1920 году европейские державы были готовы запродать Польшу за мир с большевистской Россией». Анджей Новак (р. 1960) — историк, профессор Ягеллонского университета, руководитель лаборатории, занимающейся историей России и СССР в Институте истории Польской академии наук — автор такой, в частности, работы, как «История Польши», и книги «Обуздание Польши 1989–2015», основатель консервативного журнала «Аркана». В 2014 году его называли в числе кандидатов «Права и справедливости» на пост президента. В предыдущие годы среди лауреатов премии были Александра Ричи (за книгу «Варшава 1944. Трагическое восстание»), Кароль Модзелевский (за автобиографию «Клячу истории загоним»), Марцин Заремба (за работу «Большая тревога. Польша 1944–1947»). Казимеж Мочарский (1907–1975), чье имя носит премия, солдат

Армии Крайовой, после войны был арестован коммунистическими властями, претерпел ужасы тюрьмы на Мокотове. Автор знаменитой книги «Разговоры с палачом» — рассказа о пребывании в одной камере с генералом СС Юргеном Строппом, гитлеровским военным преступником, ответственным, помимо прочего, за кровавое подавление восстания в Варшавском гетто в 1943 году.

Лауреатом в третий раз присуждавшейся премии «Identitas» в категории гуманитарных наук и изящной словесности стал Ярослав Марек Рымкевич за поэтический сборник «Конец лета в одичавшем саду» (изд-во «Sic!»). В категории «История» премия присуждена Беате Халицкой за книгу «Польский Дикий Запад» (изд-во «Universitas»). Это повествование о формировании общности так называемых Обретенных земель в первые послевоенные годы, основанное на дневниках и воспоминаниях поляков, немцев и русских. Председательствует в жюри по истории проф. Анджей Пачковский, а в жюри по литературе — Павел Лисицкий. Лауреатов назвали 13 декабря во время торжественной церемонии в Варшаве, в Концертной студии Польского радио имени Владислава Шпильмана. Премия в денежном выражении составляет по 40 тыс. злотых в каждой категории.

Хорошая новость для поклонников таланта автора «Водоворота абсурда». Издательство «Маргинесы» выпустило в свет биографическую книгу Эльжбеты Баневич «Джанус. Драматические случаи Януша Гловацкого». Автор показывает, как случилось, что польский писатель, который при военном положении оказался в Америке, приобрел за океаном — и не только — такое широкое признание и популярность. Его «Антигону в Нью-Йорке», «Охоту на тараканов» или «Четвертую сестру» играют по всему миру: от Нью-Йорка, Мадрида, Тайбэя, Сеула и Парижа до Москвы и Киева. Он стал одним из наиболее востребованных сценой драматургов, чьи пьесы переведены на несколько десятков языков, автором, сотрудничества с которым добиваются крупнейшие режиссеры.

15 декабря в резиденции «Агоры» в Варшаве Януш Гловацкий встречался с читателями. На вопрос, не собирается ли снова в эмиграцию, ответил:

— Здесь так весело, зачем же мне уезжать... А говоря всерьез, это прекрасные времена для писателя, но ужасные для людей.

17 декабря впервые присуждена премия имени Кшиштофа Краузе, умершего два года назад создателя «Долга», «Моего Никифора», «Площади Спасителя». Премия призвана стать голосом польского кинематографического сообщества, обращенным к будущему. Жюри, членами которого являются, в частности, Агнешка Холланд, Иоанна Кос-Краузе, Магда Лазаркевич, присудило премию режиссеру-ветерану Гжегожу Круликевичу за фильм «Соседи». Автор легендарных лент, таких как «Навылет» и «Случай Пекосинского», рассказывает в своей картине о жизни лодзинского многоквартирного дома. «„Соседи“, — пишет в „Газете выборчей“ Тадеуш Соболевский, — это поэма в эпизодах о жителях зловонной лачуги, „диких туземцах“. Жестокость и грязь, которыми переполнены сцены жизни этого дома, парадоксальным образом вызывают рефлекс сочувствия, милосердия, чуткости».

В декабре начался студийный показ фильма «Силки» режиссера Шимона Новака. Это продолжение культовой картины «Знахарь» Ежи Хоффмана 1981 года по довоенному роману Тадеуша Доленги-Мостовича «Профессор Вильчур». Фильм создавался как общественный проект. Предпремьера прошла в Бельске-Подляском, где когда-то снимал свой фильм Хоффман. «Силки» также создавались здесь, и значительная часть бюджета фильма обеспечивалась общественными средствами города как проект, призванный служить популяризации Бельска-Подляского и региона.

Последний фильм Анджея Вайды «Послеобразы» о художнике Владиславе Стшеминском и границах свободы творческой личности не вошел в число девяти неанглоязычных фильмов, которым предстоит конкурировать за премию «Оскар» в соответствующей номинации.

«Братья Хиршенберги. В поисках земли обетованной» — такое название носит выставка, открывшаяся 24 ноября в Музее города Лодзи. Это первая в мире монографическая экспозиция художественного наследия братьев Самуэля, Леона и Генрика

Хиршенбергов, родившихся в этом городе в многодетной еврейской семье. На выставке представлено более ста произведений. Наибольшей известностью пользуется творчество Самуэля (р. 1865, Лодзь, ум. 1908, Иерусалим), который работал для лодзинского «хлопчатобумажного короля» Израеля Познанского. Украсил своими картинами его дворец, который сегодня является главным помещением музея. В тот же день открыта мемориальная доска в память младшего из братьев, Генрика Хиршенберга (р. 1885, Лодзь, ум. 1955, Тель-Авив). Доска помещена на здании нынешней гимназии и лицея Союза польских учителей, которое было построено в 1925 году по проекту Генрика Хиршенберга. Ему принадлежат проекты также других лодзинских зданий, в том числе больницы Медицинской страховой организации и одного из многоэтажных домов на улице Петрковской. Выполнял также проекты интерьеров и скульптурные работы в стиле ар-деко. В Лодзи выставку можно будет посмотреть до 5 марта 2017 года. Затем она будет показана в Еврейском историческом институте имени Эммануэля Рингельблюма в Варшаве.

После трехлетнего перерыва в киоски прессы возвращается «Пшекруй» — журнал с замечательной историей, посвященный культуре и общественной жизни. Легендарный еженедельник послевоенной интеллигенции основал в Кракове в 1945 году Мариан Эйлле, он же был главным редактором издания в течение 24 лет. В сермяжную действительность ПНР журнал вносил элегантность, изящество, сюрреалистический юмор. Редакционный коллектив составляли выдающиеся индивидуальности. Для журнала постоянно рисовал Даниэль Мруз, писали Славомир Мрожек, Ежи Шанявский, Станислав Лем, Константы Ильдефонс Галчинский. Арбитром в вопросах моды выступала Барбара Хофф, а Ян Камычек в рубрике «Демократичный savoir-vivre» учил принципам хорошего тона. Збигнев Ленгрэн в цикле рисунков о профессоре Филютеке портретировал самого шефа — редактора Эйлле. «Пшекруй», который читали от Эльбы до Камчатки, стал окном в мир для всего социалистического лагеря. Сегодня издание возвращается — как ежеквартальный общественно-политический и культурный журнал. Стилистика будет связана с образцами из лучших времен «Пшекруя», то есть 50-х, 60-х, 70-х годов. Права на название приобрел три года назад за 7 млн злотых фотограф, предпринимать и издатель Томаш Невядомский. Именно он сейчас является владельцем и главным редактором журнала. Желаем новой редакции успеха!

Прощания

13 декабря в Нью-Йорке в возрасте 65 лет умер Анджей Василевич — актер, поэт, автор баллад о «Солидарности». Он снялся более чем в двадцати фильмах, а наибольшую популярность снискала ему роль Зенека — жениха Ани (роль Анны Дымной) в комедии Сильвестра Хенцинского «Тут крутых нет», второй части саги о семьях Каргуль и Павляк «Все свои». В начале 1980-х Анджей Василевич эмигрировал в Соединенные Штаты. Последние годы актер боролся с болезнью Паркинсона.

15 декабря в Познани умер Бохдан Смолень — легенда польского кабаре, актер и сатирик. Ему было 69 лет. Наибольшую популярность принесли ему выступления в кабаре «Тэй», где он выступал в дуэте с Зеноном Лясковиком. Их сатирические скетчи, задевающие власти ПНР, до слез смешили публику на фестивалях в Ополе. И столь не нравились отделу культуры ЦК ПОРП, что в 1983 году Смоленю запретили выступать на сцене. По образованию зоотехник, как актер он был типичным самоучкой с неповторимым комедийным даром. «Его комичность, — вспоминал один из создателей кабаре «Тэй» Кшиштоф Ясьляр, — порождалась его фактурой и сценическим обликом: маленький, худенький, огрызающийся на более крупного коллегу. Он был артистом, так сказать, «под сурдинку» — и поражал заключительной репликой в самый неожиданный момент». Смолень также снимался в кино — например, в комическом сериале «Дела Кепских», где сыграл характерную роль почтальона Эдика.

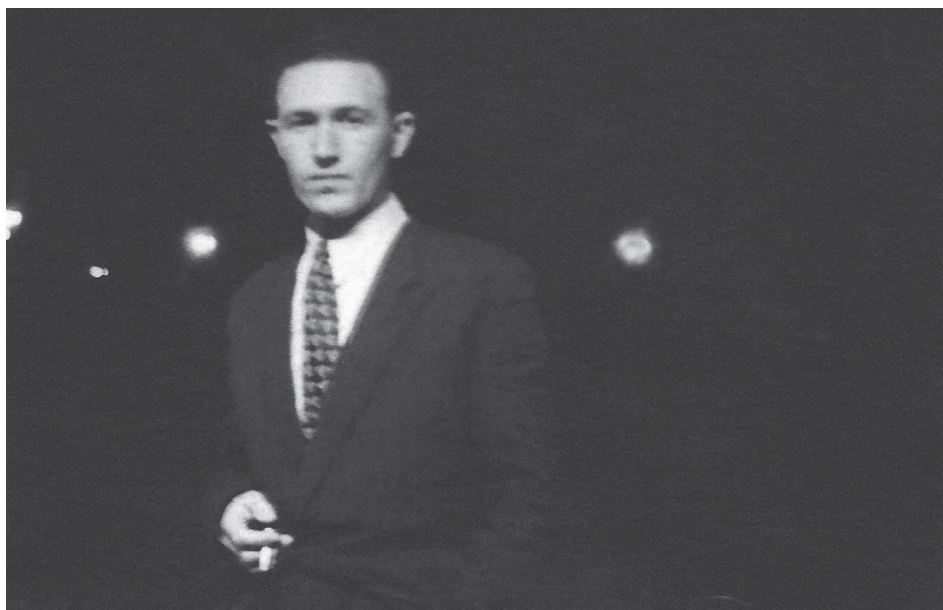
16 декабря умер Михал Бристигер, профессор музыковедения, редактор, музыкальный публицист, переводчик с итальянского языка. Он родился в 1921 году на довоенных польских восточных окраинах — в Ягельнице под Тернополем. В середине 1943 года в итальянском мундире проехал пол-Европы — из Донецка в Болонью. В Польшу возвратился в 1946 году. Сначала окончил медицинский факультет, а затем отделение музыковедения — и почти всю жизнь посвятил изучению музыки. Его матерью была Юлия Бристигер — видный функционер госбезопасности, получившая прозвище «Кровавая Луна». Историю своей жизни Михал Бристигер рассказал Тересе Торанской, которая описала ее в книге

«Смерть опаздывает на минуту». В 1970 году он стал научным сотрудником Института искусства Польской академии наук, в 1990 году — получил звание профессора. Преподавал теорию эстетики музыки и историю музыки во многих высших учебных заведениях Польши, Франции, Германии и Италии. Был главным редактором основанных им научных журналов («De musica», «Res facta», «Res facta nova»), тесно сотрудничал также с Польским музыкальным издательством. Михалу Бристигеру было 95 лет.

Войцех Карпинский

Генрик и Анна Герман

Из книги «Генрик» (Zeszyty Literackie, Warszawa 2016)

Герман Гернер, Париж, VII 1947. Архив В. Карпинского.

Генрик Кшечковский (1921–1985) — офицер коммунистической разведки и ментор молодых консерваторов, воспитанник еврейской гимназии и член редакции католического журнала «Тыгодник повшехны», а также отчим Анны Герман, которая благодаря ему смогла выехать из СССР и стать полькой.

В книге «Генрик» Войцех Карпинский пробует воссоздать судьбу одной из самых загадочных фигур польской культуры XX века.

27 февраля 2001 года, Париж. Я все время возвращаюсь к дневникам Генрика. Колеблюсь, что с ними сделать, как о Генрике написать. Меня поражает, что он, который недооценивал (или вообще не знал) Гомбровича, сам в некотором смысле личностное явление очень «по Гомбровичу». Он избирал определенную личину, приглядывался к ней, думая, насколько это отвечает его плану самосозидания, смотрел на себя в избранной роли, критиковал других, которые, таким же образом до него, «виртуально», а скорее, некритично-наивно,

надевали на себя подобные одеяния, направлялся к очередной личине, очередной роли. Ведь в жизни, в обществе он был актером, а одновременно — сильной личностью, понимаемой именно виртуально, как воля к присутствию, воля к (духовной) силе, воля к непрестанной потребности строить себя, от основания, без заранее выработанного плана или же по плану меняющемуся, меняющемуся на ходу — и я обнаруживаю это постоянство, эту неустанную изменчивость в его дневниковых записях, именно в них, в тех их частях, которые являются взглядом на себя, — нет, не в политологических рассуждениях родом из прокуренного кафе, а именно в этих здравомысленных и исполненных мудрости рассуждениях о себе, о других.

При этом он не замечал Гомбровича как духовного, литературного явления, укрепленный, безусловно, в своем убеждении Павлом Херцем. Он вообще не замечал эмигрантской литературы как школы свободного голоса, как критичной переоценки ценностей, переоценки, которая укрепляет и украшает духовную независимость поляков (при отсутствии политической независимости Польши). Он совершенно не замечал того великого духовного дара, которым были (и остаются) польские «запретные книги» XX века. Я думаю, что в каких-то моментах это делало его беднее меня, менее свободным, а его путь — более извилистым, более трудным.

Так чем же он меня заинтересовал? Чего я ищу, вновь и вновь перечитывая его заметки?

Политической несдержанности? Нет, этого нет. Впрочем, она могла быть только пустословием, поскольку об индивидуальной политической мысли, даже просто о гражданской позиции, трудно тогда было вести речь.

Откровений о частной жизни? Этого тоже почти нет. Есть внутренняя свобода, но дисциплинированная, никогда не властвующая над ним, над его волей к самореализации.

<...>

24 сентября 2006 года, Париж. Сегодня я распечатал все сделанные до сих пор выписки из дневников Генрика. И должен здесь зафиксировать несколько замечаний, связанных с моей работой и с этим текстом. Во-первых, это был прекрасный жест — семь лет, отданных отбору. Мне кажется, что, наверное,

только я и мог выполнить такую работу. Дневниковые записи Генрика во фрагментах более понятны, чем целое. Во-вторых, я не делал этого без внутреннего влечения, это был жест, но не лишенный для меня смысла, это не было «чистое бескорыстие», без мысли о моих собственных духовных приобретениях. Корпая над дневниками Генрика, я задумывался, как можно упрочить что-либо из собственной жизни, докопаться до смысла. А сколько я в конечном итоге вынесу для себя из этого опыта, зависит от того, смогу ли осмыслить значение этих дневников, в том числе значение делаемых выписок. В-третьих (что связано с первым и вторым), в дневниках Генрика есть следы неприятных, удушающих навязчивых мыслей, его итоговые, уничижительные оценки (себя и других — преимущественно других), но именно в выписках — а они должны еще быть отшлифованы, включены в обширное повествование о Генрике, которое придаст им более полный смысл, — эти удушливые фрагменты утрачивают значение. А доминирует портрет, автопортрет необычайной личности, ищущей себя, смысл в себе, свой лик, в полной мере строящийся им самим, личности, до конца сохраняющей верность нескольким фундаментальным императивам, обеспечивающим достоинство, свободу, разум и доброту.

Я позвонил Юзеку Яворскому. Сказал, что работа над выписками в основном закончена, спросил о фотографиях последних лет Генрика, которые мне понадобятся (в основном из ПЕН-клуба, с его встреч с писателями-англосаксами, а также в связи с премией, которую он получил в 1974 г.). Юзек пообещал к моменту публикации моих трудов, связанных с Генриком, найти для меня все фотографии, которые только у него есть.

И я задал ему также важный вопрос: где находились дневники Генрика, когда он их обнаружил? Он сказал, что в маленькой комнате, не спрятанные, — наоборот, на полке, той самой, где стояли словари. Но не был уверен, что помнит точно.

10 октября 2006 года, Варшава. Встречаюсь с Веславом Уханским, в издательстве «Искры», на Смольной, 11. Третий этаж, бывшая квартира Тадеуша Боя-Желенского. Уханский говорит, что разочарован дневниками Генрика. Трудно будет продать книгу, там много случайных фамилий, все слишком эгоцентрично. Он из принципа не обращается за дотацией министерства. Даже выполнить комментарий будет для издательства разорительно. За выпуск книги они не возьмутся.

Я не перебивал. Рассказал, какой я вижу биографию Генрика и смысл его записок. Когда обрисовал мои разыскания, рассказал о книгах, о фотографии Клары, о снимках сестры и племянника, о найденных мной однокашниках по классу еврейской гимназии в Станиславове (выпуск 1939 года — ни у кого, вообще-то, не было права выжить!), об обнаруженных свидетелях военных перипетий, о двукратной смене фамилии, о приглашении на бал госбезопасности, о документах, найденных в Институте национальной памяти, свидетельствующих о безоговорочном отвержении каких-либо контактов с гебистами после увольнения из армии, — тогда у искушенного издателя пробудился интерес. Он вновь захотел подписать со мной договор. Я отказался. Для меня это были слишком важные вопросы. И я не хотел быть связанным ничем. Работа над «Генриком» займет у меня столько времени, сколько потребует логика текста и моя внутренняя «экономика». Поэтому сказал, что в любом случае напишу историю моих поисков истинного лица автора этих дневниковых записей (и настаивал: не ограничивать меня в объеме — может быть, получится больше, чем несколько десятков страниц, о которых я говорю сейчас). Завершить хочу по возможности скоро. Но пока полностью не уверен в том, каким должно быть это эссе, вводящее в мир Генрика. Знаю только, что должен открыть и подчеркнуть смысл необычайных документов и свидетельств, которые мне удалось отыскать.

14 февраля 2007 года, Париж. Позвонила Тамара Паппе. Я познакомился с ней, когда искал следы Юлиана Паппе, ее отца, который был свидетелем побега Генрика от немцев в 1941 году (они вместе уходили из Станиславова). У него ничего конкретного и достоверного разузнать не удалось. Тамара Паппе хотела бы узнать побольше о биографии отца. Как я догадался ещё много лет назад во время нашего тогдашнего телефонного разговора, она ничего не знала о его другой фамилии, его происхождении. Сказала лишь, что отец умер в 2005 году. Как оказалось, многие данные были неверными. Он изменил дату рождения. Никогда ничего не говорил ни о своих родителях, ни о своем прошлом. Никогда также не рассказал о своем еврейском происхождении. Я дал ей адрес и телефон Марии Вислоцкой, от которой я узнал о нем, об их пребывании в России.

21 июля 2007 года, Париж. Сегодня вечером я взял в руки прелестный том «Wanderjahre in Italien» Грегоровиуса из библиотеки Генрика (видимо, это такой способ отлынивать от работы). Я привез эту книгу в мае 2001 года от Юзека Яворского.

Мне хотелось оставить ее себе на память. Когда я писал в семидесятые годы «Память Италии», то читал этот экземпляр, великолепно изданный (Wolfgang Jess Verlag, Дрезден, 1928), компактный, на роскошной бумаге, со старыми гравюрами. Светло-зеленая матерчатая обложка, тисненый золотом корешок. Вдруг меня что-то подтолкнуло рассмотреть книгу повнимательнее в поисках следов: где и когда она куплена, — Генрик это часто записывал. На внутренней стороне обложки нашел надпись красными чернилами: «Г. Кшечковский». Над ней приклеена узкая полоска белой бумаги. Я решил, что это от букиниста, остаток ценника. Осторожно полоску отклеил, под ней оказалась подпись «Гернер Герман», перечеркнутая теми же красными чернилами, которыми выполнена подпись ниже. Я в первый раз увидел автограф Германа Гернера (причем в моей квартире, в книге, давно хранящейся в моей библиотеке). Такое проявление имени спустя десятилетия можно было трактовать как послание от Германа Гернера, что я должен энергичнее заняться работой над его биографией, над его записями — хотя, собственно, это записки не его, а его наследователя, не Германа (за исключением нескольких страниц из Киргизии), а Генрика... Но это явление на свет перечеркнутого и скрываемого прошлого было глубоко волнующим. И как-то отладило всю перспективу: не принципиально, Гернер или Кшечковский. Главное, как указывала Клара, вопреки превратностям судьбы, безуданно творить свою человеческую сущность и укреплять достоинство. Ведь многие представители английских аристократических семей, столь близких Генрику, в течение жизни носили даже три фамилии в зависимости от изменяющихся с течением лет титулов: виконт такой-то становился графом таким-то, а герцогом — еще иным...

<...>

13 мая 2011 года, Варшава. Сегодня десятая годовщина смерти Павла Херца. Я не сомневаюсь, что встреча с Павлом Херцем имела решающее влияние на жизнь и позицию Генрика. Я сам понял из дневников, что именно благодаря Павлу он вошел в неармейскую среду Варшавы в начале пятидесятых. Из одиночества и отчуждения его вывело знакомство с Херцем: у него не было семьи или родственников, или штатских приятелей, он жил в замкнутом мире. Я понимаю, благодаря книгам стихов Павла Херца из библиотеки Генрика, что их автора он знал раньше личного знакомства: на «Маленьких одах и элегиях» (изданных в феврале 1949 года) есть надпись

«Cap d'Antibes, март 49», а некоторые строки или целые стихотворения подчеркнуты; на томике «Два путешествия», напечатанном в октябре 1946 года, — пометка «Закопане IV 1949» и тоже следы внимательного чтения. Сам Херц в «Образе жизни», его увлекательных беседах с Барбарой Лопенской, вспоминает, что после появления «Седана» получил, еще в Лодзи, большое письмо от Генрика, демонстрирующее глубокое понимание реалий этой книги и близость позиций. Однако ответ дал, как то было ему свойственно, самый банальный. Спустя какое-то время, уже в Варшаве, Херц был в «Парадизе», ночном ресторане на улице Новый Свят, возле площади Трех крестов. Со стороны бара к нему подошел молодой человек в мундире майора, представился, напомнил об этом письме и спросил, могли ли бы они договориться о более продолжительном разговоре. Генрик был тогда в баре в компании каких-то американских офицеров. «Как так? — спрашивает Барбара Лопенская. — Можно было тогда сидеть в баре в компании американских офицеров?» На что Павел Херц ответил (я слышу его голос, вижу ироническую улыбку: «Знаете ли, это как в том старом анекдоте: одним нельзя, а другим лезь. Я сразу понял, что майор не простой строевой офицер, а из разведки или контрразведки»). Так произошла их встреча. И следствия ее оказались для польской культуры значительными.

В пятидесятые годы они встречались ежедневно в «Камеральном» кафе в десять вечера, беседы длились до двух и до трех ночи. Часто к ним присоединялся Зигмунт Мыцельский. Павел Херц рассказывал Барбаре Лопенской: «Главное, что это было очень важное знакомство для нас обоих. Оно продолжалось до самой его смерти и состояло, в сущности, из бесконечного разговора. Тогда и потом, еще долгие годы, надо было отличаться немалыми добродетелями, чтобы, имея по разным вопросам иногда прямо противоположные мнения, выстоять в таком диалоге. Но нас занимала, прежде всего, суть каждой обсуждаемой нами темы, а не чье-то преимущество в аргументации. Нас интересовала не собственная правота, а то, чтобы вместе рассмотреть проблему целиком и найти там рациональное зерно, истину в вопросе, который, в зависимости от того, что, собственно, нас интересует, мог быть Польшей, Россией, литературой, историей и так далее».

Павел Херц сердечно простился с другом после его смерти в очерке «Оплакивание Генрика Кшечковского»: «Хёнё был моложе меня на три года, никогда не учился в университете и — если не считать России — в молодости никогда не выезжал за границу. Вместе с тем огромная его начитанность, знание

языков, умение ориентироваться в мире искусства и культуры, — такое после войны редко можно было встретить. <...>

Кшечковский был очень хорошим человеком. Мне часто не хватало доброты или не всегда удавалось ее проявить. А вот он просто и легко умел дать людям свою сердечность. Просто он очень легко мог общаться с людьми. <...> Хенё был очень лоялен по отношению к знакомым. Что бы ни делали его приятели, он в их поступках старался найти то, что было лучшим. Это имело огромное значение во всех его литературных дружбах. Он всегда поддерживал творческие начинания своих собеседников. Очень многие вещи, которые я писал, появились после разговоров с ним. <...> Свой поздний путь в литературу Кшечковский начал с деятельности на том поле культурной традиции, которая была ему ближе всего. Его привязанность к англосаксонской культуре, литературе и цивилизации выросла из его собственных взглядов и духовных склонностей. Он ценил в этой традиции ее органичность, ее фундаментальность, даже определенный фундаментализм, укорененность в глубинах общечеловеческой культуры, наиболее совершенно выраженную в еврейской, греческой, римской древности, сформировавшей определяющие элементы метаисторически понимаемого христианского мира». Воспоминания Герца о Генрике были написаны в 1986 году. А в беседах с Барбарой Лопенской, состоявшихся уже в свободной Польше, Герц добавил важную вещь: «Генрик Кшечковский был единственным, кроме Ярослава Ивашкевича, человеком из тех, с кем я был знаком, кто знал и понимал Россию. Может быть, поэтому мы с ним и вели разговоры об истории».

Мне казалось, что в дневниках Генрика его дружба с Павлом Херцем не нашла должного отражения. Иногда слышится нотка раздражения, стремление обозначить свою самостоятельность, вполне понятное, особенно у младшего, который как раз в это время пытается утвердить свою индивидуальность, обрести свое лицо. Но вот я читаю переписку, относящуюся к позднему периоду их дружбы. Фотокопии писем Генрика, старательно подобранные, я получил после смерти Херца от Марека Заганчика. А письма Херца отыскал у Юзека Яворского во время одного из моих приездов. И в письмах обнаружил прекрасные свидетельства взаимной благодарности за дары дружбы.

<...>

Когда я сдавал в печать книгу о Генрике Кшечковском, над которой работал более десяти лет, то вполне отдавал себе отчет, что встреча с ним — это для меня «приключение», которое,

разумеется, никогда не закончится. Но не мог и представить, насколько скоро мне придется возвратиться к поиску его следов.

Книга вышла в свет в середине марта 2016 года. Первый экземпляр я получил в Париже за час до вылета в Берлин, куда я, как обычно, направлялся на пасхальные каникулы. Несколькими днями позже, в Страстную пятницу, я получил электронное письмо от Петра Мицнера, которое заставило меня немедленно вернуться к разысканиям, касающимся героя моей книги. В том, что многие годы пишет сам Петр, меня всегда привлекала увлеченность биографа, возвращающего живые лица людям прошлого, а последняя его работа «Варшавский „Домик в Коломне“» явилась несравненным примером реконструкции поросшей травой забвения культурной формации — русской либеральной эмиграции в довоенной Варшаве. Позиция Петра, его стремление сохранить для будущего духовную память и духовное творчество были мне всегда близки, именно на этом основана наша система ценностей.

Вот текст полученного от него в Берлине электронного письма:

Дорогой Войтек,

на одном дыхании прочитал «Генрика». Важная книга о созидании (самосозидании) человека и о свободе. Спасибо.

Знаешь ли ты, что жена твоего героя носила имя Ирма Герман? Она умерла в Варшаве в 2007 году (вела дневник!). В этом союзе он стал отчимом Анны Герман.

Сердечно обнимаю в преддверии Пасхи.

Если тебе не знаком этот сюжет, позвони.

<...>

В конце 1942 года Ирма Мартенс вышла замуж за польского военного Германа Бернера (очень похоже на Гернер), который погиб под Ленино. Я запросил через гугл «мать Анны Герман» — и началось удивительное путешествие по информации, складывающейся во все более поразительную мозаику.

Ирма Мартенс, муж которой был арестован и расстрелян во время Большого террора, оказалась после нападения немцев на Советский Союз, вместе с матерью Анной и маленькой Аней, в Джамбуле, а потом в киргизской деревне Орловка. Там она познакомилась с поляком Германом Бернером. Работала учительницей в школе. А поляк вступил в дивизию имени Косцюшко — и затем след его теряется. Некоторые источники сообщают, что геройски погиб под Ленино. На основании этих связей с Польшей Ирма Мартенс-Бернер, с матерью Анной и дочерью Аней, выехала в 1946 году репатриационным поездом на новую родину (никто из них не говорил по-польски, не имели никаких польских корней). Сначала поселились в... Ново-Руде, а с 1949 года жили во Вроцлаве.

Я сразу же вспомнил запись в дневнике Генрика от 27 сентября 1946 года: «В Нижней Силезии. В Ново-Руде у Ирмы, Анны Абрамовны и Ани».

И вспомнил, что в Орловку Генрик (Герман...) прибыл в феврале 1942 года, а на автопортрете 29 июня 1942-го оставил надпись: «Еще сижу в Орловке. Мне здесь хорошо. Скорее всего, никто из моих не сможет в это поверить. Определенность супружеского положения, оказывается, мне прекрасно помогает».

Никаких сомнений не осталось. Ну ладно я, который обнаружил эти записи, но откуда эта уверенность у Петра Мицнера, который в «Генрике» мог найти только слова о пользе, извлеченной из урегулированного матримониального статуса? Позвонил Петру. Он, оказывается, после того, как вычитал в книге эту информацию, ввел в поисковик фразу: «Орловка, Герман Гернер». Я тоже это делал, и не раз, но Петр написал запрос кириллицей. И обнаружил работу российского биографа Анны Герман, Ивана Ильичева. Петр прислал мне ссылку. Ильичев без обиняков пишет, что в Орловке мужа Ирмы Мартенс звали именно Герман Гернер и что касательно его дальнейшей судьбы имеется несколько версий. Неизвестно, когда Ирма сменила букву в фамилии. В любом случае, когда она была учительницей в Орловке, носила фамилию Гернер (Ильичев публикует фотокопию из архива школы). Приводится мнение Ирмы Мартенс, что Герман в совершенстве знал английский и немецкий, так как окончил хорошую польскую иезуитскую школу. <...> Несколько следующих дней и недель я посвятил поискам. Прочел по-русски столько страниц и посмотрел столько фильмов, как никогда раньше. И отслеживал, как в биографии Анны Герман проступает портрет ее отчима, по имени Герман Бернер, того, благодаря кому будущая замечательная артистка вместе с семьей могла

вырваться из Советского Союза и стать полькой. В СССР как певица она пользовалась необычайной популярностью, ее любили, ей восхищались миллионы. Это популярность ожила и даже усилилась, когда в 2012 году стала героиней десятисерийного телефильма «Анна Герман — тайна белого ангела». Его посмотрели в России и в странах бывшего СССР около 26 миллионов зрителей. В Польше сериал побил рекорды популярности, его посмотрели свыше 6 миллионов.

И один из героев фильма — Герман Бернер (recte Гернер). Будущего Генрика Кшечковского играет молодой, статный, высокий польский актер Матеуш Йордан-Млодзяновский. Он появляется во второй и третьей сериях.

<...>

Перед публикацией сообщения об обнаружении отчима Анны Герман я решил обратиться по двум адресам, чтобы в дополнении к книге дать информацию сугубо конкретную, проверенную и добросовестную. Прежде всего, я хотел поговорить с семьей Анны Герман, а вторым адресатом был Иван Ильичев, ее биограф.

Во время майского визита в Варшаву я связался со Збигневом Тухольским-младшим, сыном знаменитой артистки. Письменно передал ему мою информацию и вопросы. Я знал, что его ранят сенсационные статьи, публикуемые многочисленными таблоидами, особенно в связи с успехом сериала о тайнах белого ангела.

Збигнев Тухольский в телефонном разговоре вспомнил, что от бабушки он слышал о ее контактах с Германом после войны и что есть письма Германа к ней. Так что сведения, которые я направил по электронной почте, для него не были сюрпризом. Он выразил желание встретиться как можно скорее. Встреча состоялась в тот же день.

Бабушка рассказывала ему о Германе всегда с глубокой благодарностью. Именно Герману она и ее дочь обязаны тем, что выжили, именно благодаря ему выбрались из Советского Союза. Герман поражал ее прекрасным знанием немецкого языка и литературы. Збигнев Тухольский полагал, что эти знания были почерпнуты в очень хорошей гимназии. О том, что ее муж в действительности носил фамилию Гернер, он узнал от бабушки. Фамилию сменили легко: к русской букве Г пририсовали «животик». Сохранилось несколько писем

Германа к Ирме. Они лежат где-то в кипе документов, и ему трудно бы было найти их быстро, потому что очень занят: много времени отнимают формальности, связанные с последним этапом защиты докторской диссертации. Насколько он помнит, письма писались по-русски. А иногда в скобках были польские выражения. Как ему кажется, отправителем был майор или капитан Герман Гернер и указывался номер войсковой части. Сказал, что когда в моей книге увидел фотографии страниц дневника Генрика, то узнал почерк Германа из этих писем. А что Гернер потом носил фамилию Кшечковский, он вычитал в изданной в 2011 году книги об армейской разведке в ПНР.

В самом начале встречи Збигнев сказал, что семья очень страдает от шумихи после выхода сериала. Я уверил его, что с моей стороны ему не следует опасаться, что связь Ирмы и Германа будет предана гласности в духе желтой прессы. Я хочу лишь представить достоверную картину событий. И очень, конечно, хотел бы увидеть письма; меня также интересует, сохранились ли какие-либо фотографии Германа в Орловке у Ирмы, а также, если ли в ее дневниках какие-то упоминания о нем. Я спрашивал также о документах: свидетельстве о браке и т.п. А также о Библии, принадлежавшей «тетушке» (Tante) Анне.

*

Довольно долго пришлось искать возможность связаться с Иваном Ильичевым, биографом Анны Герман, родившемся в 1982 году, через несколько месяцев после ее смерти. Наконец, написал в Дом культуры в Зеленой Гуре, где Ильичев регулярно выступает (он также певец-исполнитель). Мне дали его адрес. На рассвете 12 июля я послал ему письмо, аналогичное тому, которое направлял Збигневу Тухольскому, выслал электронную версию «Генрика», добавил, что мне можно писать по-русски, а я знаю, что могу ему писать по-польски. И в тот же день получил от него с десятков e-mail'ов, в том числе несколько больших писем, а также фотографии и сканы документов. Я старался аккуратно отвечать. Наша переписка продолжается. И складывается в занимательную повесть о следах отчима Анны Герман.

<...>

Во время разысканий, связанных с работой над «Генриком», мне много раз доводилось сделать необычайные открытия. Меня не интересовал поиск сенсационных сведений ради них самих. Вспоминался проповедник из поэмы Милоша «По нашей земле»: он сообщал хорошую новость людям, которые утратили дар внимания, поэтому, чтобы привлечь их взоры, вешал себе на шею кусок жареного мяса, — тогда начиналось такое громкое чмокание, что нельзя было уже расслышать его слов. Подобную реакцию я часто наблюдаю при упоминании имени моего героя. Я имею в виду не только ругань правых блогеров, твердящих о гомосексуалах-энкаведистах, о выпестованных в советских разведшколах «матрешках», которые до сих пор штампуют польских молодых правых (эта штамповка у них словно навязчивая идея; ну неужто люди не могут понять, что кто-то сумел вызволяться из советских жерновов и старался быть суверенным человеком?), — я думаю о тех, кто силится запереть его в этническом детерминизме, бытовых предрассудках, навязав ему роль остроумного шута, видимого сквозь призму трех категорий: еврей, гомосексуалист, агент.

Что для меня главное? Чтобы читатель прошел вместе со мной многолетний путь поиска настоящего лица моего героя, вместе со мной задумался над его текстами, над отрывками, которые я выбрал из сотен страниц дневника. Я старался создать его портрет, строил его теми словами записей, когда он задумывался над самим собой, так что это, скорее, его автопортрет, — но все же в контексте интересующих меня проблем, то есть все-таки его портрет по моему эскизу. Так что же меня интересовало в его дневниковых заметках? Прежде всего, раздумья над тем, как он строил себя (или его автобиография...), как он становился тем, кем стал (кем хотел быть), как учился, как руководил своим образованием, а посредством этого, как и чему учил других. А учил свободе, достоинству, чувству дистанции, бескорыстной тяге к знанию: учил тому, как учиться — у него, у себя, у мира.

<...>

Из дневников Генрика Кшечковского:

14.X.1955. Я почти без перерыва веду этот дневник лет двадцать, время от времени уничтожая записи. Они раздражают, раздражают уже через несколько дней, тем более через годы. Впрочем, спустя годы жалею об уничтоженных листах.

А раздражают они, прежде всего, наивностью суждений. Поэтому я счастлив, что не писал. Я не осужден на конфронтацию с новым, как другие — со старым. Но совсем забросить дневник не могу. Я таким образом прячусь от моего одиночества. Создаю иллюзию непрерывности — словно начатый путь куда-то должен привести.

Я не переношу столкновения с прошлым еще по одной причине. В особенный период «мифотворчества» я создал себя заново; неважно, что из этого мифа должно было отпасть, сколько надо было модифицировать. Впрочем, возник он (вопреки тому, что может показаться) не столько из снобизма, сколько по плану; я строил себя, как архитектор дом; фундамент должен быть таким, какой требует создаваемая постройка; к сожалению, делал это не слишком удачно — еще раз: речь не о моем окружении, но обо мне самом.

Не занявшись литературой, я должен был попасть в ловушку повседневной суеты, — только таким образом я мог найти себе место. Нашел наименее удобное. Много лет понадобилось, чтобы я понял, что оседлал призрачного коня и так скачу по жизни.

Литературные амбиции, никогда не угасавшие, теперь вернулись с большей силой. Я надеюсь, что работа переводчика научит меня как следует владеть языком, а интенсивность мышления сохранится надолго.

6.III.1956. Почему я не веду систематический, полностью искренний дневник? На это, пожалуй, сумею ответить: я ничего более не боюсь, чем доведенного до конца анализа. Труднее ответить: почему я веду этот несистематический дневник полуправд? Должен отказаться от самого простого ответа: графомания, — да, но тогда бы я писал. Я начал писать дневник давно (и уничтожать тоже), особенно когда стал вести «сложную» (читай: с примесью комплекса Мюнхгаузена) жизнь. Дневник позволял не потеряться полностью в вымысле, который служил мне в более или менее, но всегда практических целях. Мифотворчество никогда не было любительским, искусством для искусства, патологией, — но способом управлять собой, и всегда с оглядкой на будущее.

У такой позиции было следствие — борьба двух позиций: скепсиса и поиска какой-либо веры. Гомосексуализм, проявившийся очень рано, получил надстройку, которая сделала невозможным полное «освобождение себя» —

перемену вкусов. Начались «поиски друга» — вот уж медвежья услуга от графоманского «Жан-Кристофа». Недостижимый друг должен был стать панацеей. Понятно, что не нашелся. Сейчас я уже вне этих искушений (настолько, что умею совладать с истерическими поисками), но не вне надежды.

Если бы я воспитывался в ортодоксальном католическом окружении, дело, конечно, развивалось бы гладко. Сегодня я уверен, что закончил бы в церкви или в монастыре. Смог ли бы я не выломиться из рамок? Не сумел — в партии. Но это уже *sui generis* ^[1] стечение обстоятельств.

Я не мог себе позволить исчерпывающего скептического анализа, он привел бы к альтернативе: полный цинизм или борьба. Выбрал «золотую» середину.

Получилось: этика по случаю, жизненный план по случаю, сплошная импровизация. С этой, как минимум, точки зрения, я верный сын своего времени.

Мечтаю писать: но не записывать знания о мире, а дать свидетельство. Рассказать все то, что знаю. Очень бы хотелось придать этому хаосу какие-то формы.

8.III.1960. Уже две недели сижу в Собешуве и не могу взяться за дневник, который столько раз решал вести всерьез. А чем он, собственно, должен быть? Я ведь не сумею и никогда не буду писать так, как следует делать такого рода вещи, потому что меня уже «поимели», и на всю жизнь останется у меня травма, заставляющая оглядываться через плечо. Надо бы писать о друзьях, знакомых — а на самом деле думать, что их могли использовать старым способом!!! Большая попытка подвести итоги, возможно, и полезная, если бы я сумел придать смысл всей моей жизни. Но вот вчера, в письме к Б.С., я решился определенно сказать, что жизнь утратила какой-либо смысл, потому что сбежала внезапно, когда я вышел из дома и стал хозяином своей судьбы — конечно, в очень ограниченной мере: я получил именно полную свободу распоряжаться своим прошлым. А как далеко простираются последствия! Как только вырваны корни, потом уже все как глина в руке гончара. Мифомания — Павел первым нашел правильное слово — это не только какое-то бескорыстное или служащее сиюминутным целям фантазирование, это, прежде всего, иллюзия свободы: при необходимости, при желании все декорации расставляю по-новому.

Только не думать, «что было бы, если бы», — а именно к этому неустанно подталкивает что-то в глубине всего мышления. Я учусь медленно, но учусь — и только себе обязан тем минимумом дисциплины, который позволяет мне сейчас не делать кошмарных вещей. Но я также очень благодарен Павлу — какая-то смесь дружеской строгости, кривого зеркала, умение прочесть его презрительность или пренебрежение. С тех пор, как я познакомился с Павлом матовое стекло, отделявшее меня от действительности, становится все прозрачнее; о том, чтобы стекло разбить, конечно, и речь не идет. Но ведь, пожалуй, все люди живут в более или менее прозрачных стеклянных клетках.

16.IV.1964. Выезжая в начале марта в Закопане, исполнил обязательный ритуал: завершил очередную главу жизни. Когда это началось? Где-то в начале пятидесятих годов «кабацким» входом в литературную среду, а собственно, вообще в неармейскую Варшаву, при посредничестве Павла [Херца]. Я очень благодарен этому наполовину решению, наполовину пассивности. Прежде всего, профессия, дающая мне такую широкую в наших условиях самостоятельность и свободу. Но и другие вещи. Ведь оставаясь в прежней разобщенной среде, даже опосредованно, я бы безнадежно запутался. После решения, также пассивного, принятого в 45-м, все пошло наперекосяк. Но мог ли я тогда принимать какие-либо решения, если наверняка знал только одно: что хочу начать себя заново. И сегодня уже знаю, что это, пусть и кажется невероятным, все-таки возможно. (Что не значит, что я не вижу швов, едва держащихся, постоянно рвущихся и требующих ремонта, иногда очень тщательного).

Перевод Сергея Политыко

1. своеобразный, единственный в своем роде (лат.)